

Попытка осмысления творчества Здзислава Бексиньского в контексте традиционных символических систем и художественных метафор

Жизнь 10. № 154 (27), 24/9/2018

ISSN 2308-2763

НАУКА ◊ РЕЛИГИЯ ◊ МАГИЯ

1441
ΑΠΟΚΡΥΦΟΣ

Калининградский научно-популярный журнал «Апокриф»

*Автор проекта — Владимир Комаров
и сообщество <https://vk.com/beksinski>*

ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!

ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ — ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!

*Копирование и распространение всего журнала
и его отдельных материалов разрешено и приветствуется
при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала.*

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

*Редакция оставляет за собой право отказать
в публикации материала без объяснения причин.*

Учредитель:

Орден Белой Обезьяны (<http://vk.com/obezjanki>), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Проект основан в 2003 г. Выходит не реже 1 раза в месяц.

Главный редактор: Fr. Nyarlathotep Otis (Роман Адрианов)

**Адрес Калининградского представительства
Международного общественного
окультно-религиоведческого журнала «Апокриф»:**

236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11

© Редколлегия журнала «Апокриф» и авторы журнала, 2018

© Fr. Nyarlathotep Otis, 2018

Кали-град

Попытка осмысления творчества Здзислава Бексиньского в контексте традиционных символических систем и художественных метафор

*Мой внутренний мир в ваших глазах может казаться кошмаром.
То, что я пишу, прежде всего, мой духовный автопортрет.*
Здзислав Бексиньский

За последние несколько лет творчество Здзислава Бексиньского, польского художника, графика, скульптора, фотографа, IT-специалиста, одного из самых загадочных творцов послевоенной Европы, привлекает всё больше приверженцев, как в нашей стране, так и за рубежом. Например, 2017 год можно по праву считать годом Бексиньского, т.к. в этом году в Польше, на родине художника, было организовано рекордное количество выставок, выпущено большое число книг, выполнен ряд исследований, посвящённых его творчеству.

Не будем углубляться в биографические данные, их можно прочитать в Википедии, а также в материалах группы ВКонтакте *Zdzisław Beksiński* | *Здзислав Бексиньский* (адрес: <https://vk.com/beksinski>), ограничимся лишь самыми необходимыми данными:

- **Дата рождения:** 24 февраля 1929.
- **Место рождения:** Санок, Польша.
- **Дата смерти:** 22 февраля 2005 (75 лет).
- **Место смерти:** Варшава, Польша.
- **Гражданство:** Польша.
- **Образование:** Магистр архитектурных и инженерных наук.
- **Стиль:** Абстракция, сюрреализм, постапокалиптика.
- **Рост:** 188 см.
- **Супруга:** София Елена Бексиньская (Станкевич) (25 марта 1928 — 8 мая 1998).
- **Дети:** Томаш Бексиньский (26 ноября 1958 — 24 декабря 1999).

Всё творчество Бексиньского П. Дмоховский, коллекционер его работ и автор нескольких книг о Бексиньском, делит на несколько периодов:

- **период фотографии**, 1957-1958 гг.
- **период скульптуры**, 1960-1965 гг.
- **период графики**, 1960-1974 гг.
- **период живописи**, 1968-2005 гг.

Живопись и графику Бексиньского можно разделить на несколько хронологически не совсем строгих периодов:

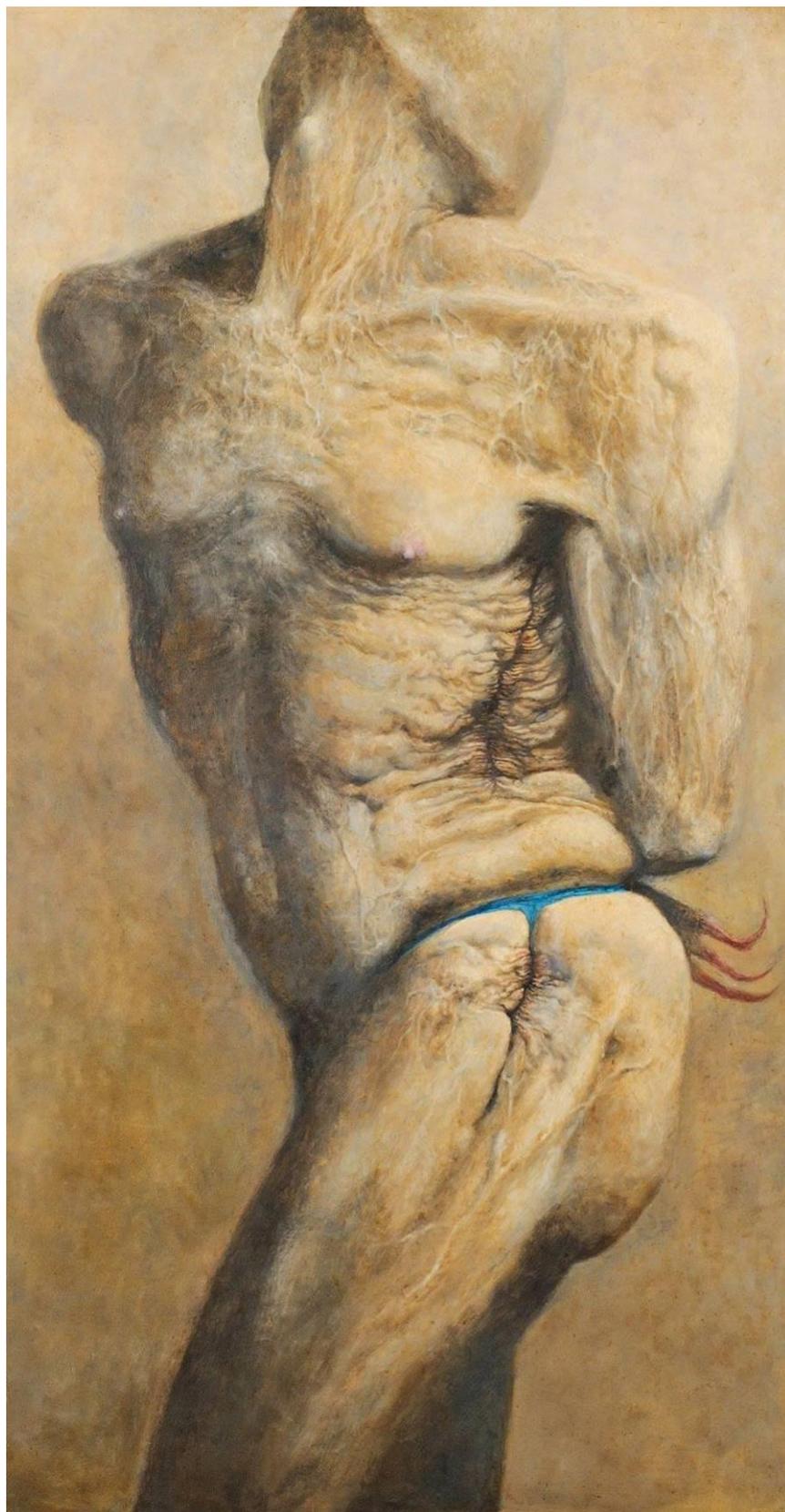
- **ранний период**, примерно с начала творчества и до 1955 г.
- **экспрессионистский период**, примерно 1955-1969 гг.
- **фантастический период**, примерно 1970-1986 гг.
- **барочный период**, примерно 1987-1999 гг.
- **готический период**, примерно 2000-2005 гг.

Деление, конечно, условно, т.к. есть переходные и нетипичные работы, а также ряд направлений внутри периодов. Пять иллюстраций ниже представляют типичные работы каждого периода.

1. Ранний период

2. Экспрессионистский период

3. Фантастический период

4. Барочный период

5. Готический период

Также внутри каждого периода художественного творчества Маэстро можно выделить отдельные направления. Наиболее очевидно абстракционистское направление внутри экспрессивного периода (1955-1969 гг.). Речь идёт о живописи, но если учитывать фотоработы, рельефы и скульптуры, то это направление видно ещё отчётливее. Для примера на фото ниже одна работа в экспрессионистской манере, вторая — в абстракционистской.

6. Экспрессионизм

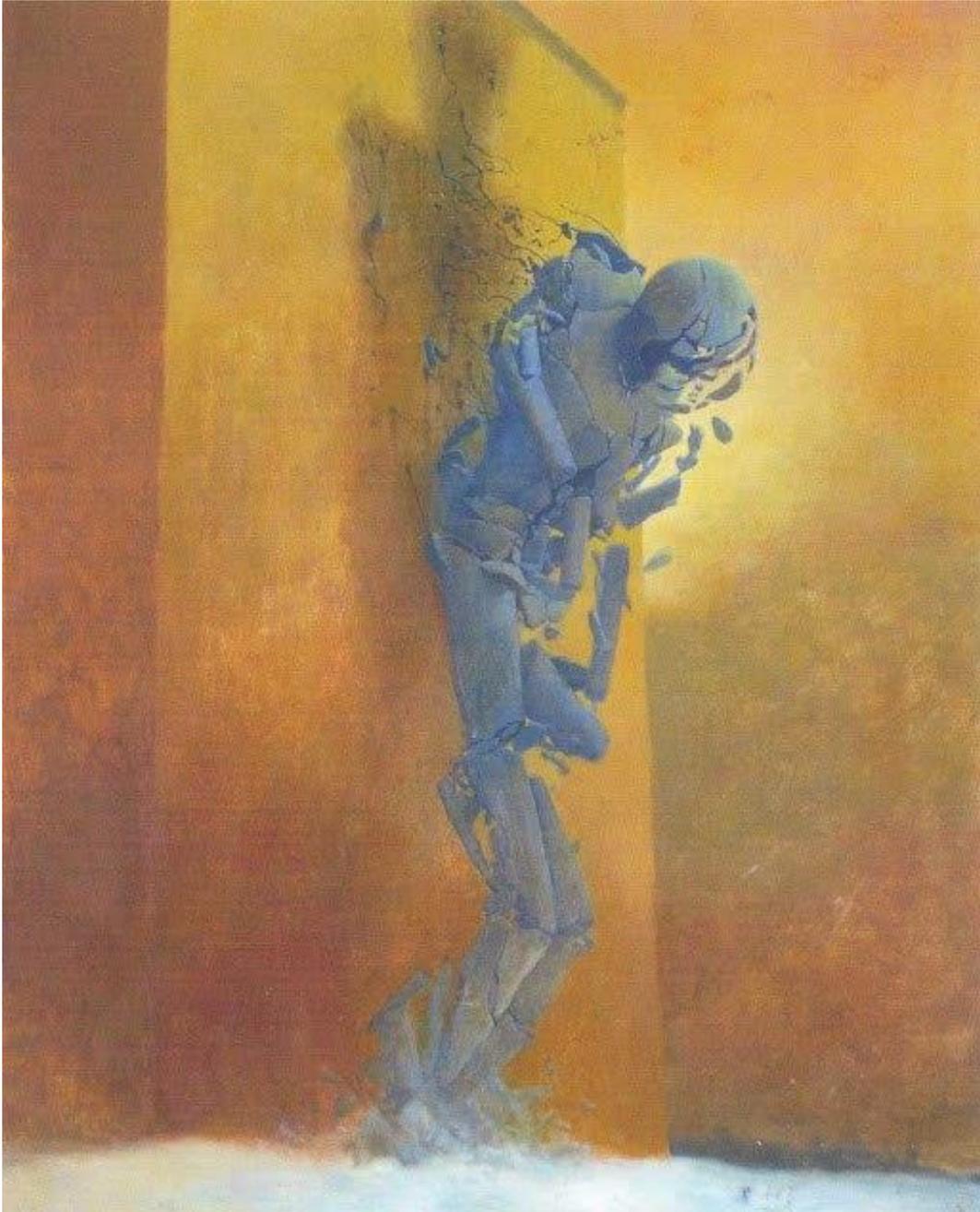

7. Абстракционизм

Сложнее дело обстоит со следующим, фантастическим периодом (1970-1986 гг.). Согласно В. Банаху, директору Исторического музея г. Санока, где представлена наиболее полная коллекция работ Бексиньского, несколько сотен единиц, здесь можно найти работы, близкие к сюрреализму (тогда как основной стиль периода — фантастический реализм), например, как на фото 8. Также из этого периода, особенно к концу 70-х гг., выделяется так называемое (опять же, по определению В. Банаха) метафизическое направление, работы которого отличаются монументальностью, и, как обозначено на одном из сайтов, это культовые работы. Для сравнения можно привести работу фантастическую, с элементами юмора, фото 9, и работу с элементами метафизики, фото 10. Понятно, что материал этот нуждается в дальнейших разработках.

8. Сюрреализм

9. Фантастическое искусство

10. Метафизическая живопись

Итак, мы подошли к тому, что Бексиньский в расцвете своего творчества пишет картины на метафизические темы, затрагивая глубинные, архетипические образы психики, которые, согласно К.Г. Юнгу, не могут не вызывать мощного эмоционального резонанса у аудитории. Однако сам автор предостерегает от поверхностной интерпретации своих работ. Вот несколько характерных цитат, где Бексиньский говорит о своём творчестве.

«Я и сам не могу их интерпретировать и думаю, что картины зачастую вообще никакой интерпретации не поддаются. На них следует смотреть не только как на произведение искусства, но, скажем, как на пейзаж, который видишь из окна».

«Я никогда не спрашиваю себя, что значат мои картины. По мне, так значение абсолютно не имеет значения. Это даже хуже, чем пытаться в книге описать вкус шоколада. [...] Семантический и семиотический анализ моих работ был бы столь же нелепым, как и сочинение школьника о великом литературном произведении. Важно, что эти образы значат для вашей души, а не то, что видят ваши глаза, или какое имя вы можете дать».

«Мой внутренний мир в ваших глазах может казаться кошмаром. То, что я пишу, прежде всего, мой духовный автопортрет».

«Значение для меня ничего не значит. Мне не интересен символизм. Я пишу, что пишу, не раздумывая о смысле».

Важную роль Бексиньский отводил сновидениям как одному из источников своего творчества, а также свободным ассоциациям:

«Я работаю по принципу свободных ассоциаций. То есть привожу в действие тот же механизм, который бывает во сне. В юности у меня были очень выразительные сны, сны, связанные со страхом. Здание, в котором я нахожусь, и, чтобы выбраться из него, я должен пройти через помещение, в которое боюсь войти. Или такие визуально насыщенные сны, псевдогаллюцинации, то есть картина, которая складывается вопреки оптической конструкции глаза. Большой пейзаж, и самые мелкие детали видны очень отчётливо. Но такие сны бывают редко».

«В своих картинах я никогда не использую какие-либо значения. Я наивно пишу их, как будто бы я фотографирую свои сны».

«На нас воздействует всё, что нас окружает, а мы воспринимаем это подсознательно, не имея конкретного намерения».

Однако Бексиньский прямо упоминает, что в рамках классического психоанализа интерпретировать его работы лучше не стоит:

«С психоанализом такая проблема: если кто-то делает психоанализ картины, он ставит диагноз пациенту, а не оценивает живопись. Если человек что-то сделает, стол или стул, вот этот микрофон, его скрытые потребности содержатся в предмете, который он сделал. Можно оценивать человека, но не продукт его труда».

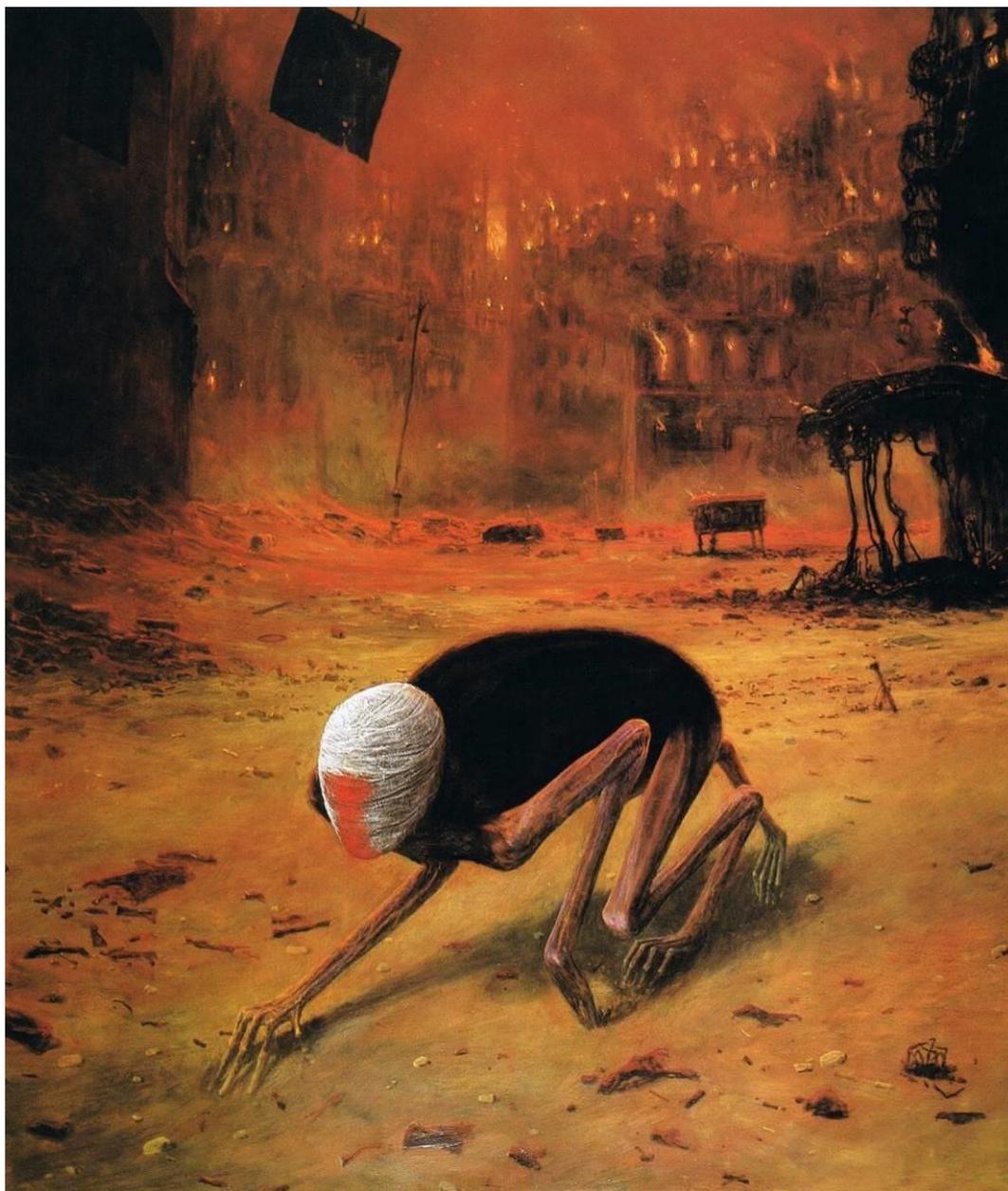
Ещё одна интересная цитата сразу отсылает к работам С. Грофа и его концепции перинатальных матриц:

«Единственным объяснением, которое приходит мне в голову, может быть тот факт, что я чуть не задохнулся во время родов».

Таким образом, появляется большой соблазн как-то объяснить, интерпретировать работы Бексиньского, однако, согласно завещанию Маэстро, этот путь заранее обречён на полный провал. Поэтому здесь предпринята попытка пойти другим путём, а именно — связать ассоциативными связями, пусть и не всегда удачными, одну метафору, визуальную, с другой, символической или текстовой.

Первый такой проект, который начат ещё в 2015 году, и работа по которому ведётся в настоящее время, связан с разработкой Таро Бексиньского, состоящей из Старших Арканов, по аналогии с Таро Бафомета Акрона & Гигера. На сегодняшний день можно представить соответствие Старших Арканов Таро живописным работам Бексиньского. Атрибуция Арканов соответствует разработкам Алистера Кроули для Таро Тота.

0 Шыт

I Mar

II Верховная Жрица

III Императрица

IV Император

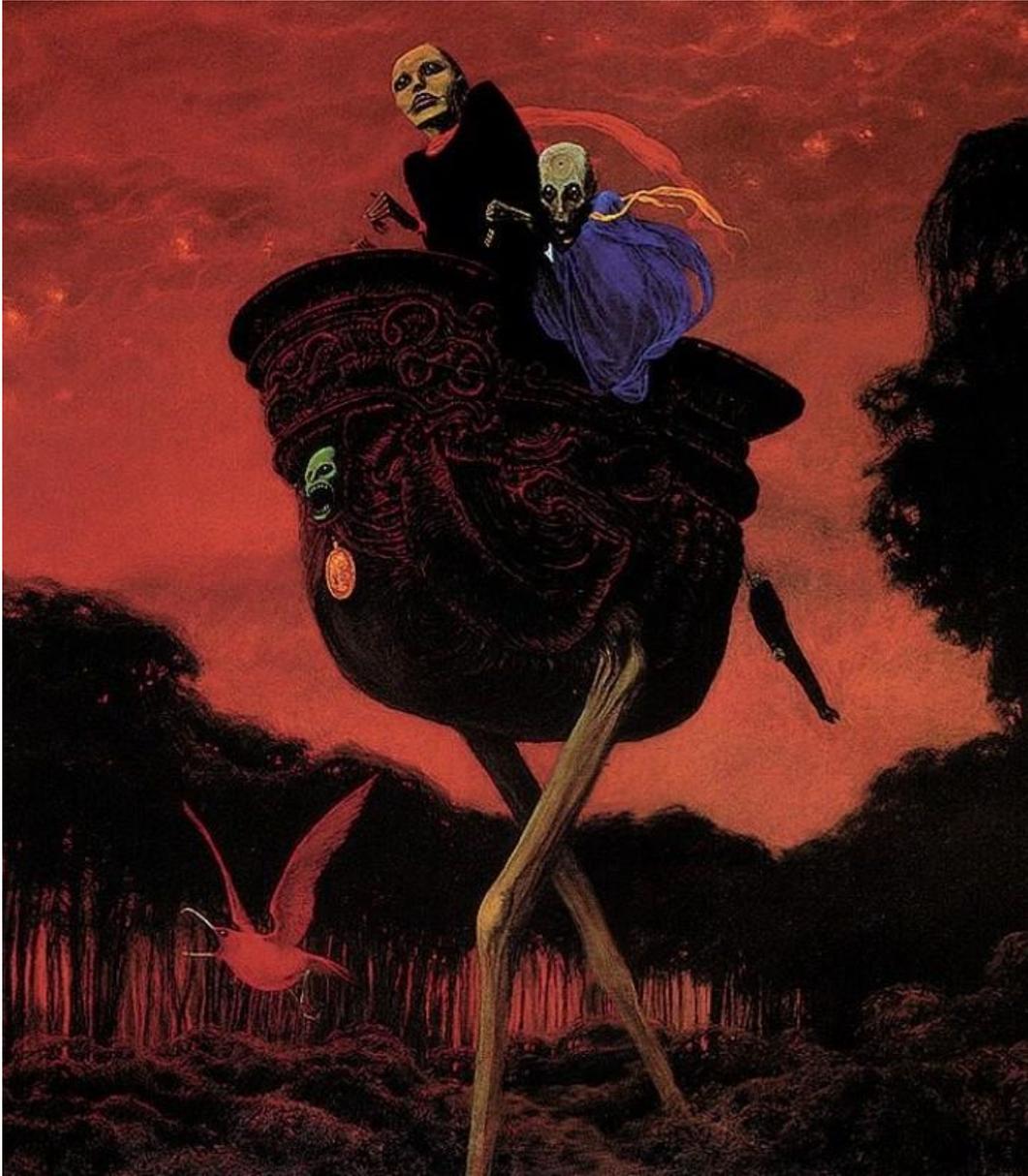
У Иерофант

VI Влюблённые

VII Колесница

VIII Правосудие

IX Отшельник

Х Колесо Фортуны

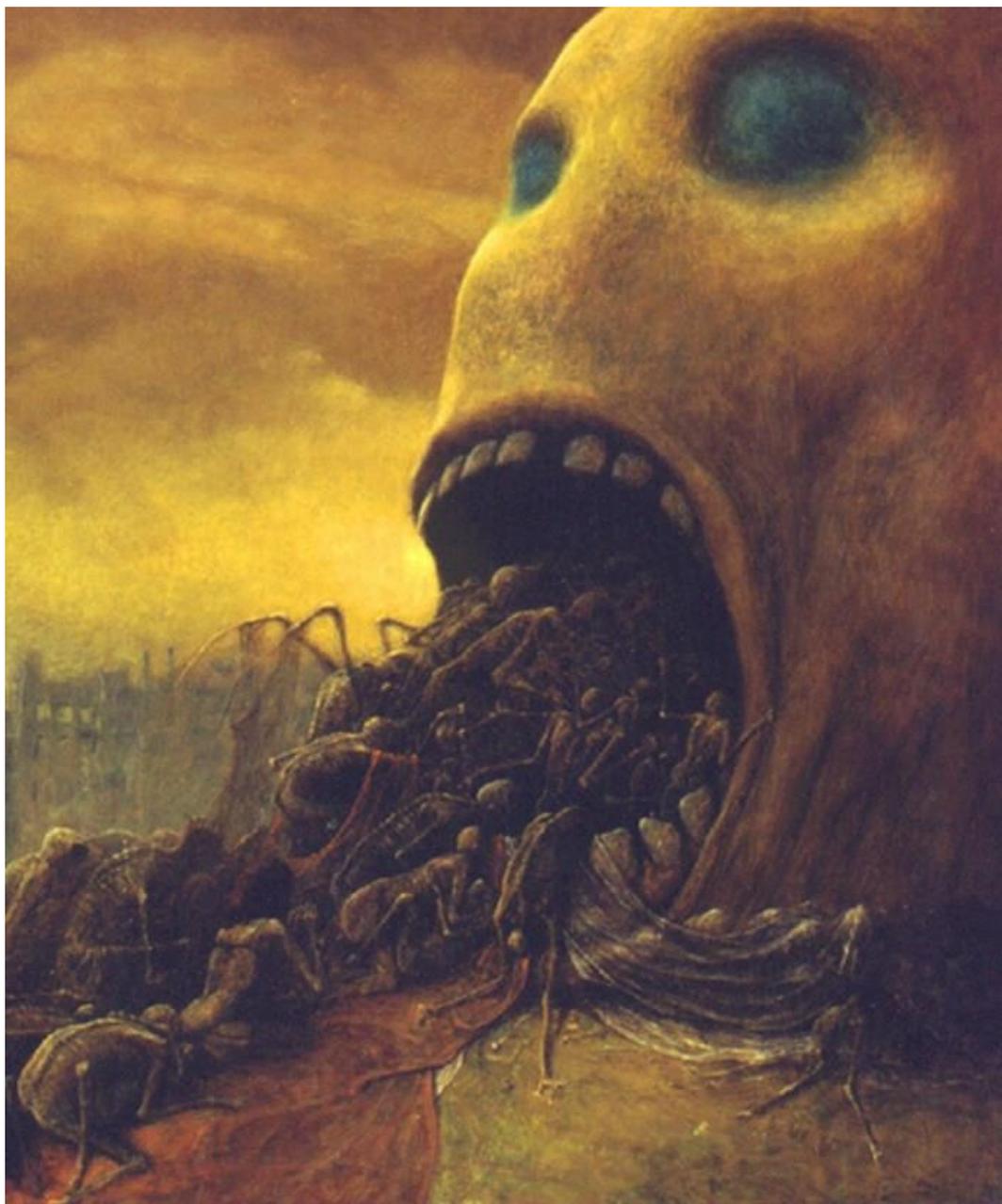
XI Сила

XII Повешенный

XIII Смерть

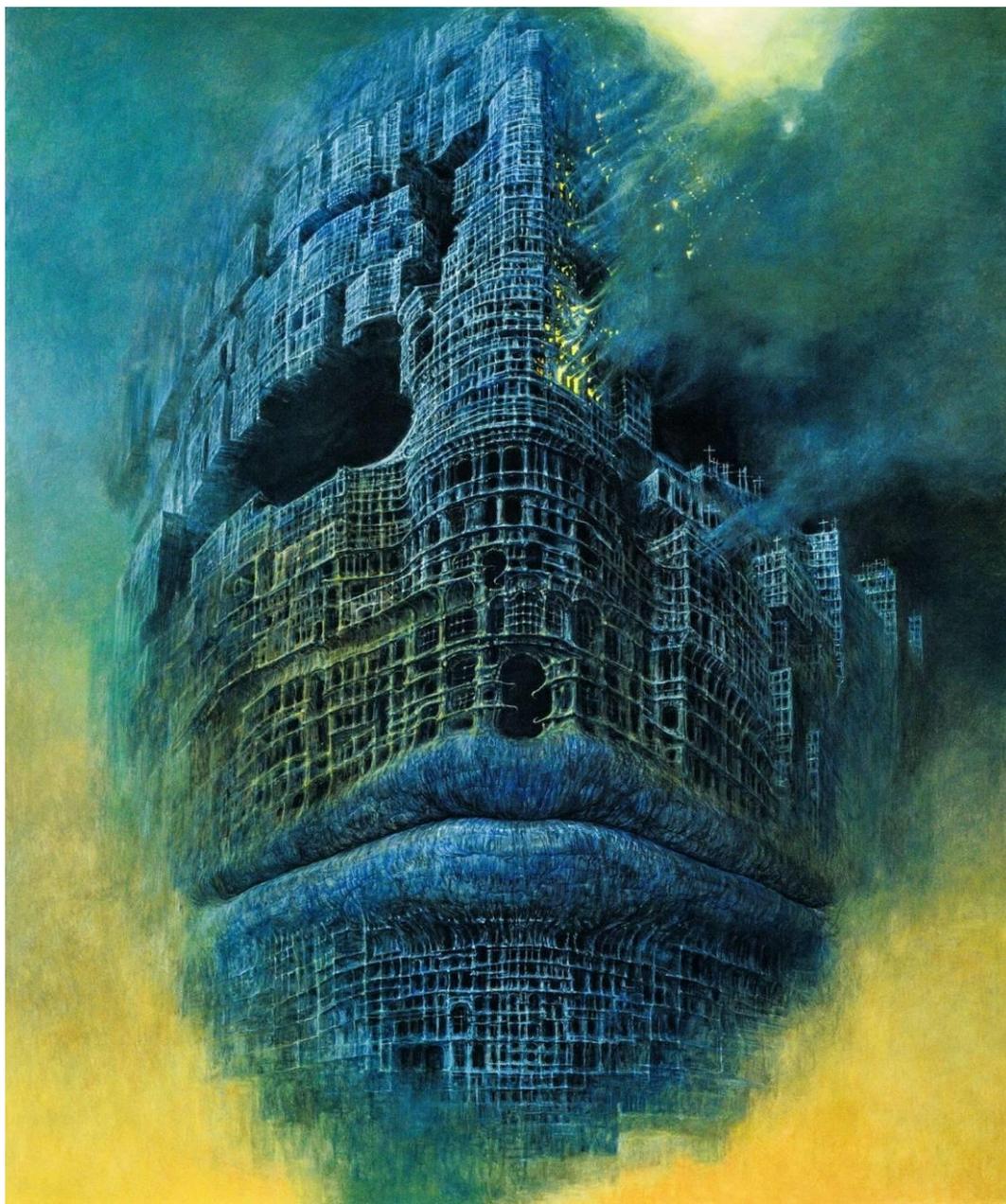
XIV Умеренность

XV Дьявол

XVI Башня

XVII Звезда

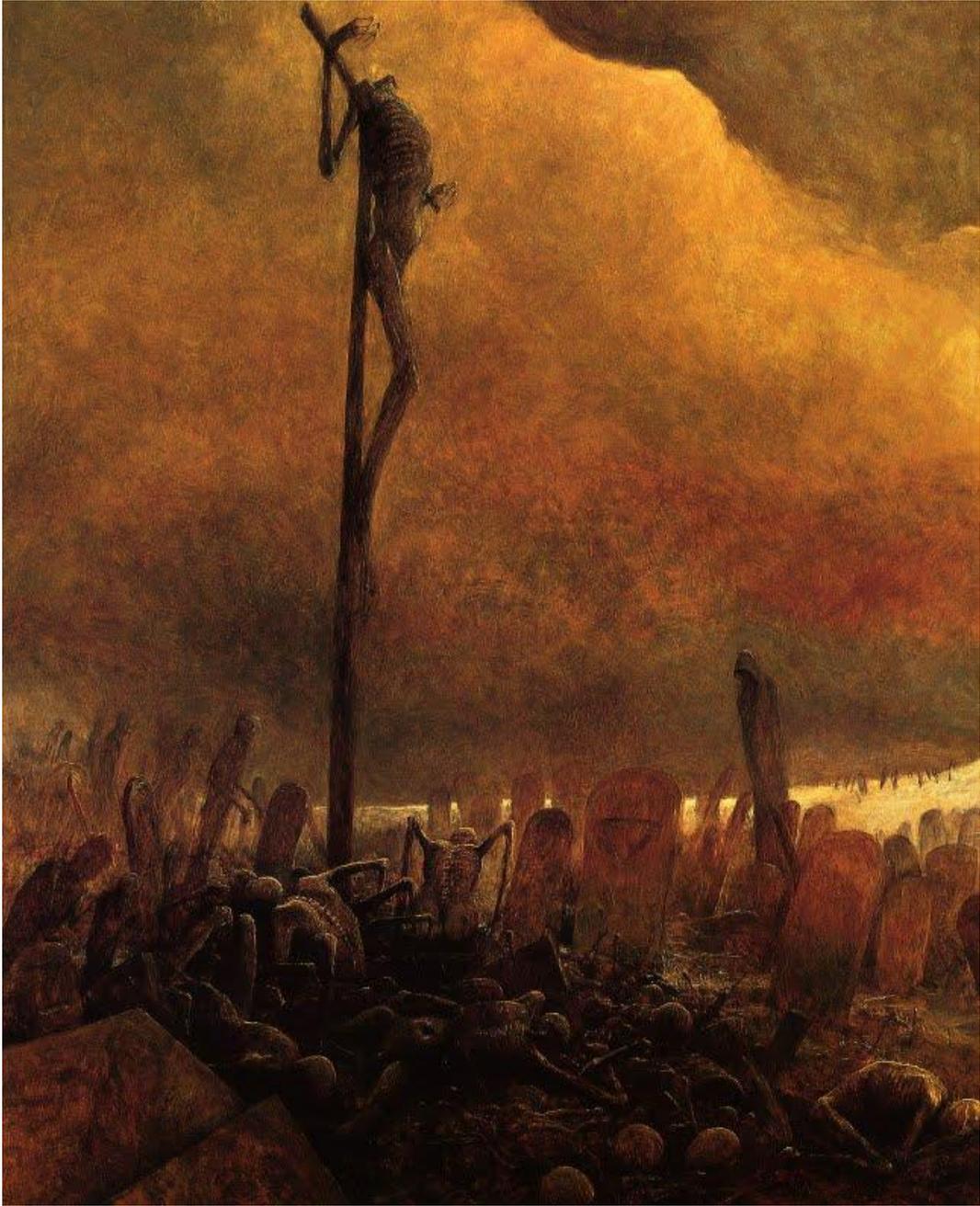
XVIII Луна

XIX Солнце

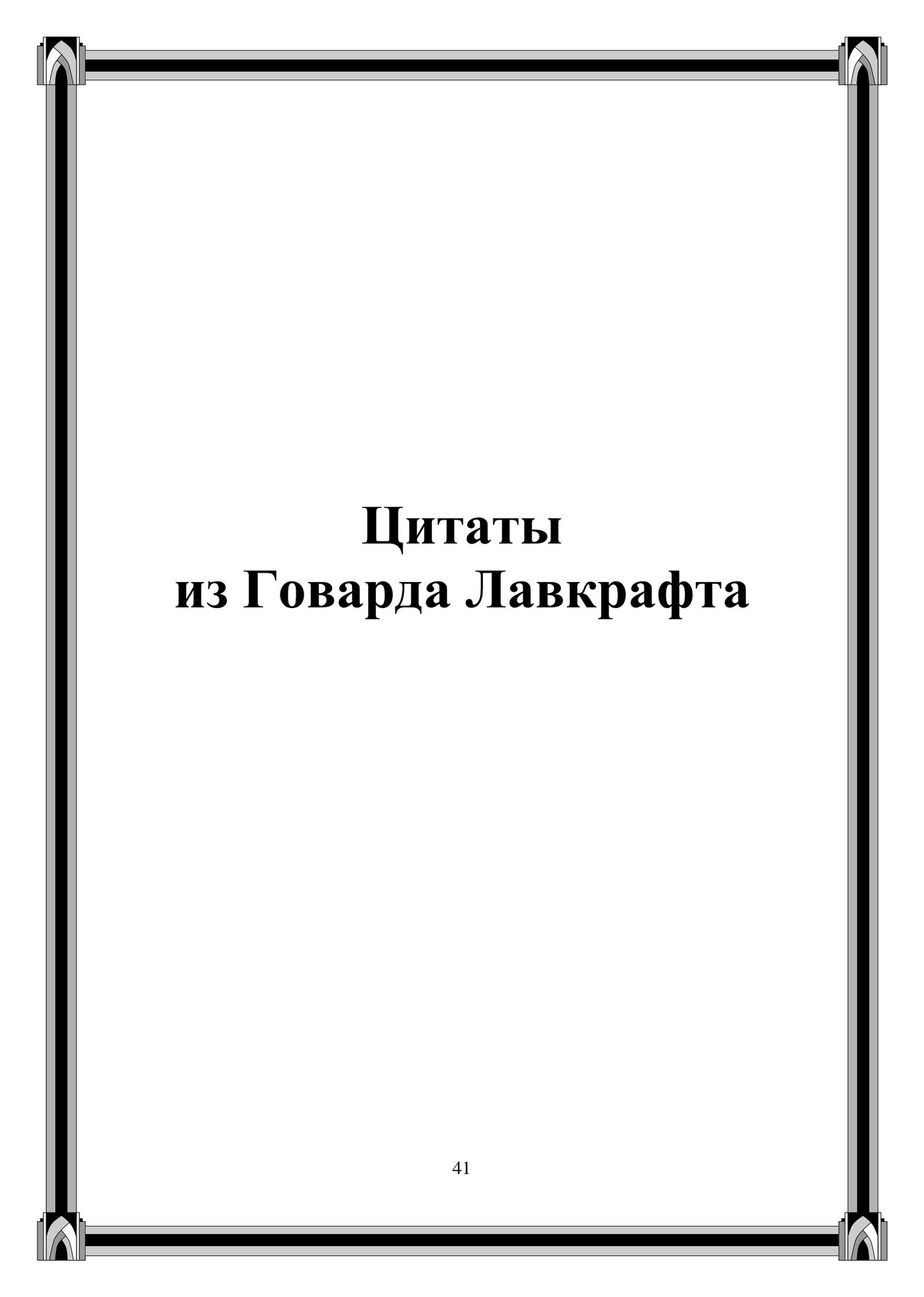
XX Суд

XXI Мир

Следующие два проекта — это начатый в августе 2016 г. и законченный в августе 2018 г., иллюстрировавший цитаты из произведений Г.Ф. Лавкрафта образами Бексиньского, а также проект августа-сентября 2018 г., один из самых неоднозначных и вызвавший массу как позитивных, так и негативных реакций аудитории — попытка проиллюстрировать Книгу Закона Кроули работами Бексиньского.

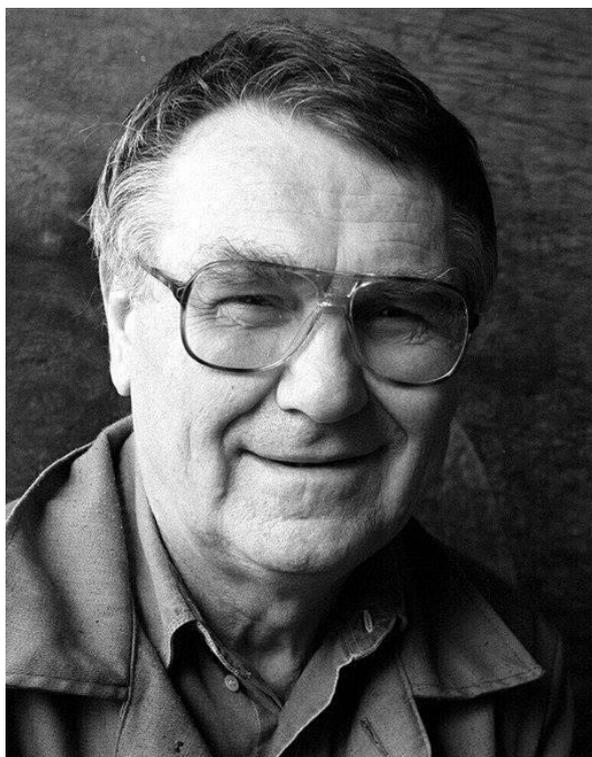

**Цитаты
из Говарда Лавкрафта**

Цитаты: Говард Филлипс Лавкрафт (1890-1937)

Образы: Здзислав Бексиньский (1929-2005)

...Это было некое чудовище, или символ, представляющий чудовище, или просто нечто рождённое больным воображением. Если я скажу, что в моём воображении, тоже отличающемся экстравагантностью, возникли одновременно образы осьминога, дракона и карикатуры на человека, то, думается, я смогу передать дух изображённого существа. Мясистая голова, снабжённая щупальцами, венчала нелепое чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; причём именно общий контур этой фигуры делал её столь пугающе ужасной.

Г.Ф. Лавкрафт. Зов Ктулху

Не имея, как мне думается, ни малейшего представления о футуризме, Йохансен удивительным образом приближается к постижению его сути, когда рассказывает о найденном им чудовищном городе; не видя возможности конкретно описать его структуру, он пытается передать лишь самое общее впечатление от «неправильных углов» и испещрённых богомерзкими изображениями и каракулями каменных поверхностей, слишком грандиозных и неохватных, чтобы быть соотнесёнными с чем-либо, существующим на Земле. Упоминание Йохансена об углах я привожу здесь намеренно, ибо в нём угадывается близкое сходство с тем, о чём мне ранее говорил Уилкокс, описывая свои ужасные сновидения. Он утверждал, что геометрия увиденного им во сне города была ненормальной, неевклидовой, а, напротив, зловеще напоминающей о пространствах и измерениях, совершенно чуждых земным.

Г.Ф. Лавкрафт. Зов Ктулху

Приблизившись к безымянному городу, я сразу же ощутил тяготеющее над ним проклятие. Я двигался по жуткой выжженной долине, залитой лунным светом, и издали увидел его; таинственно и зловеще выступал он из песков, — так высовываются части трупа из неглубокой, кое-как закиданной землёю могилы. Ужасом веяло от источенных веками камней этого допотопного чуда, этого пращура самой старой из пирамид; а исходящее от него лёгкое, дуновение, казалось, отталкивало меня прочь и внушало отступить от древних зловещих тайн, которых не знает и не должен знать ни один смертный.

Г.Ф. Лавкрафт. Безымянный город

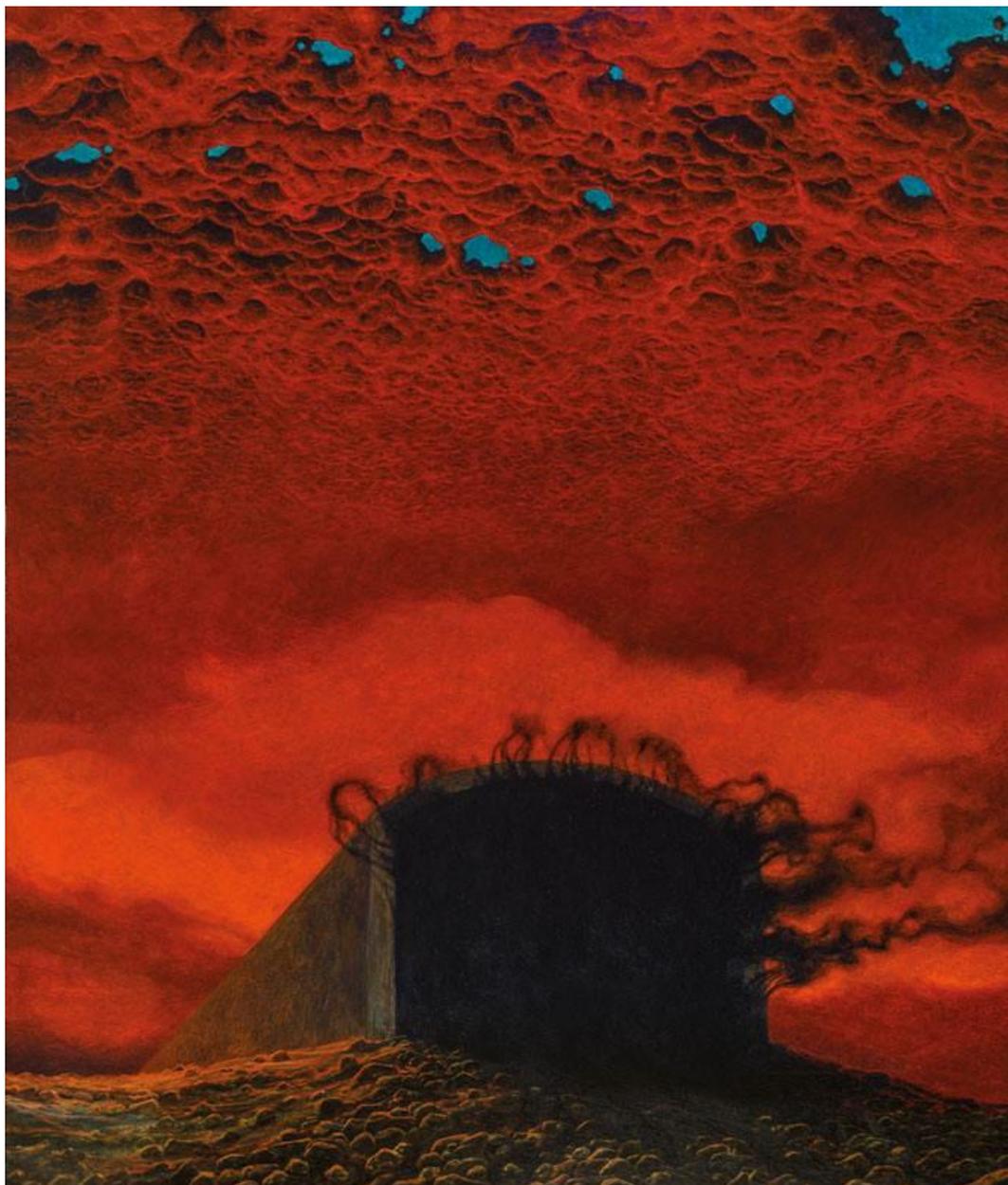
Бесполезно даже пытаться описать игру Эриха Занна в ту страшную ночь. Подобного кошмара, повторяю, мне ещё слышать не приходилось. Более того, на сей раз я отчётливо видел перед собой лицо самого музыканта, на котором словно застыла маска невыразимого, обнажённого ужаса. Он пытался вымолвить что-то — словно хотел отогнать от себя, услатить прочь нечто неведомое мне, но для него самого определённо жуткое.

Г.Ф. Лавкрафт. Музыка Эриха Занна

Было очень темно, однако город всегда светится огнями, и я надеялся увидеть их сквозь потоки дождя. Но когда я приник к этому чердачному окошку, самому высокому на улице, и под шипенье свечей и завывания безумной виолы и ночного ветра стал всматриваться в сумрак, там не оказалось ни простёртого внизу города, ни приветливых фонарей знакомых улиц — ничего, кроме беспредельного чёрного пространства, невообразимого пространства, оживлённого движением и музыкой, не похожего ни на что на этой земле.

Г.Ф. Лавкрафт. Музыка Эриха Занна

Чем больше он удалялся от мира, тем чудеснее становились его сны, но все попытки изложить их на бумаге были заранее обречены на неудачу. Куранес был старомоден и мыслил не так, как остальные писатели. В то время как они силились лишить жизнь её чудесных красочных покровов и показать во всей наготе убожество нашей реальности, Куранес искал одну только красоту. Когда истина и опыт не могли помочь ему в этих поисках, он погружался в мир собственного воображения и находил прекрасное у самого порога своей двери, среди туманных воспоминаний, детских сказок и снов.

Г.Ф. Лавкрафт. Селефаис

В минуту, когда они подъехали к самому краю пропасти, с запада неожиданно появилось золотое сияние, осветившее своим ярким светом туман, поднимавшийся со дна бездны. Последняя представляла собой бурлящий хаос из лазурного и розового сияния, наполненный странными голосами, поющими с ликованием; а в это время весь кортеж плавно погружался в пустоту и плыл по течению в сверкающую тьму.

Г.Ф. Лавкрафт. Селефаис

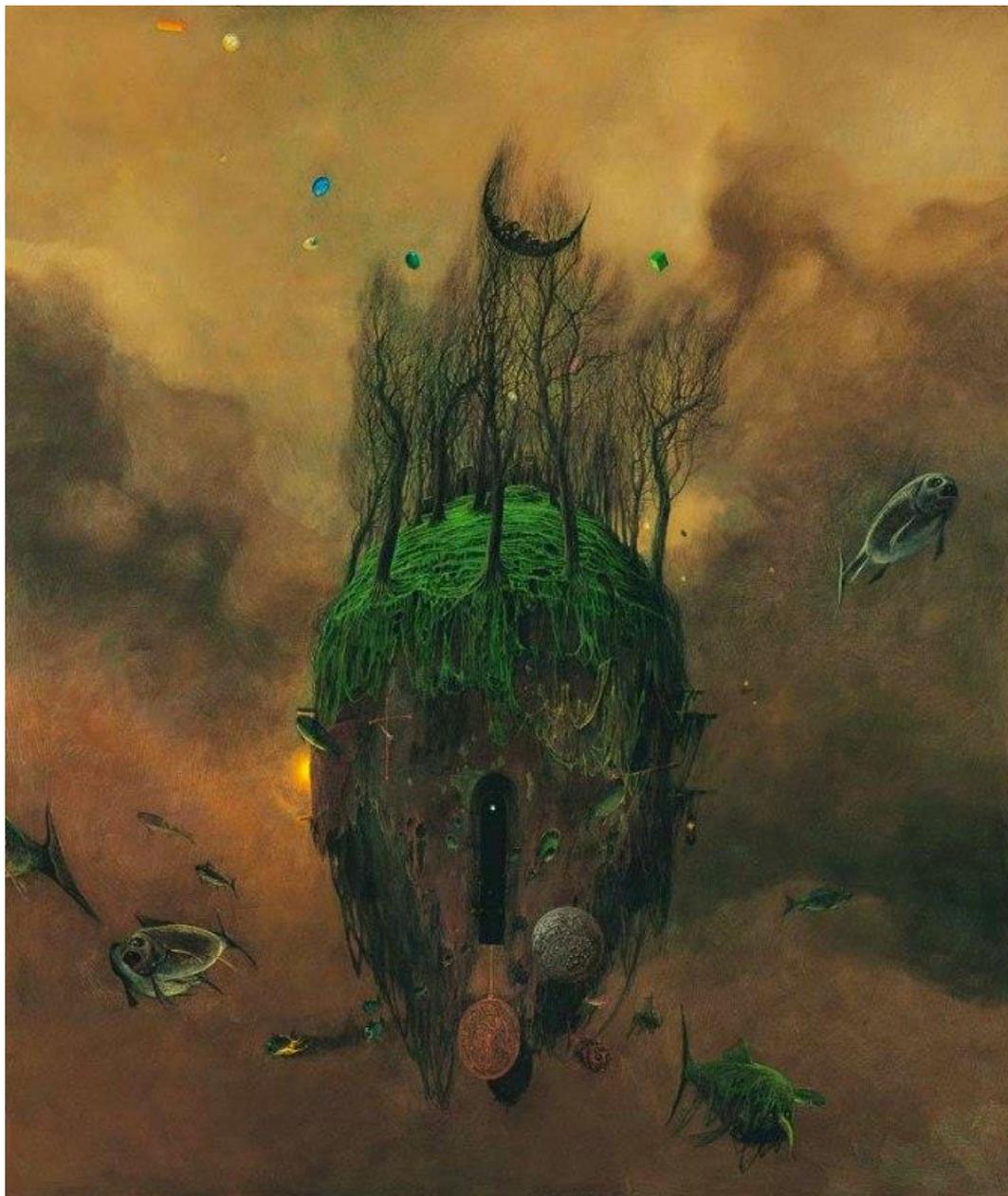
В сумерках, когда на небосводе зажигались одна за другой звезды, а луна проливали на болото сияние, похожее на то, что предстаёт глазу ребёнка, которого на ночь укачивает мать, шёл в глубину смертоносных зыбей старик. Был он в рваном пурпурном плаще, голова его была увенчана высохшими виноградными листьями. Пристально вглядывался он вдаль, будто высматривая впереди золочёные купола прекрасного сказочного города, где люди ещё верят в мечты. Той ночью вечно юная и прекрасная мелодия перестала звучать в повзрослевшем мире.

Г.Ф. Лавкрафт. Иранон

И когда наконец мой островок подплыл почти к самому берегу, а грохот водопада почти заглушил многоголосое пение, я увидел его источник — увидел и в одно ужасающее мгновение вспомнил всё. Я не могу, я не осмеливаюсь писать о том, что я увидел, ибо там, на Зелёном Лугу, хранился омерзительный ответ на все мучившие меня некогда вопросы, и этот ответ, без сомнения, сведёт с ума всякого, кто узнает его, как это уже почти случилось со мной...

Г.Ф. Лавкрафт, У. Джексон. Зелёный луг

Теперь на Земле не осталось ни единого клочка суши, помимо этой пустыни, и яростно ревущий океан продолжал неумолимо наступать на неё. Внезапно мне показалось, будто даже он испугался чего-то, испугался тёмных богов земных недр, превосходящих могуществом злого бога вод. Но так или иначе, он уже не мог повернуть вспять, и пустыня слишком сильно пострадала от кошмарных волн, чтобы остановить их наступление. Посему океан поглотил последний клочок суши и стал изливаться в дымящуюся расселину, таким образом теряя все свои завоевания. Вода отступала с затопленных земель, вновь являя взору картины разрухи и смерти, обнажая древнее океанское ложе и вместе с ним мрачные тайны незапамятной эпохи, когда Время только начиналось и боги ещё не родились.

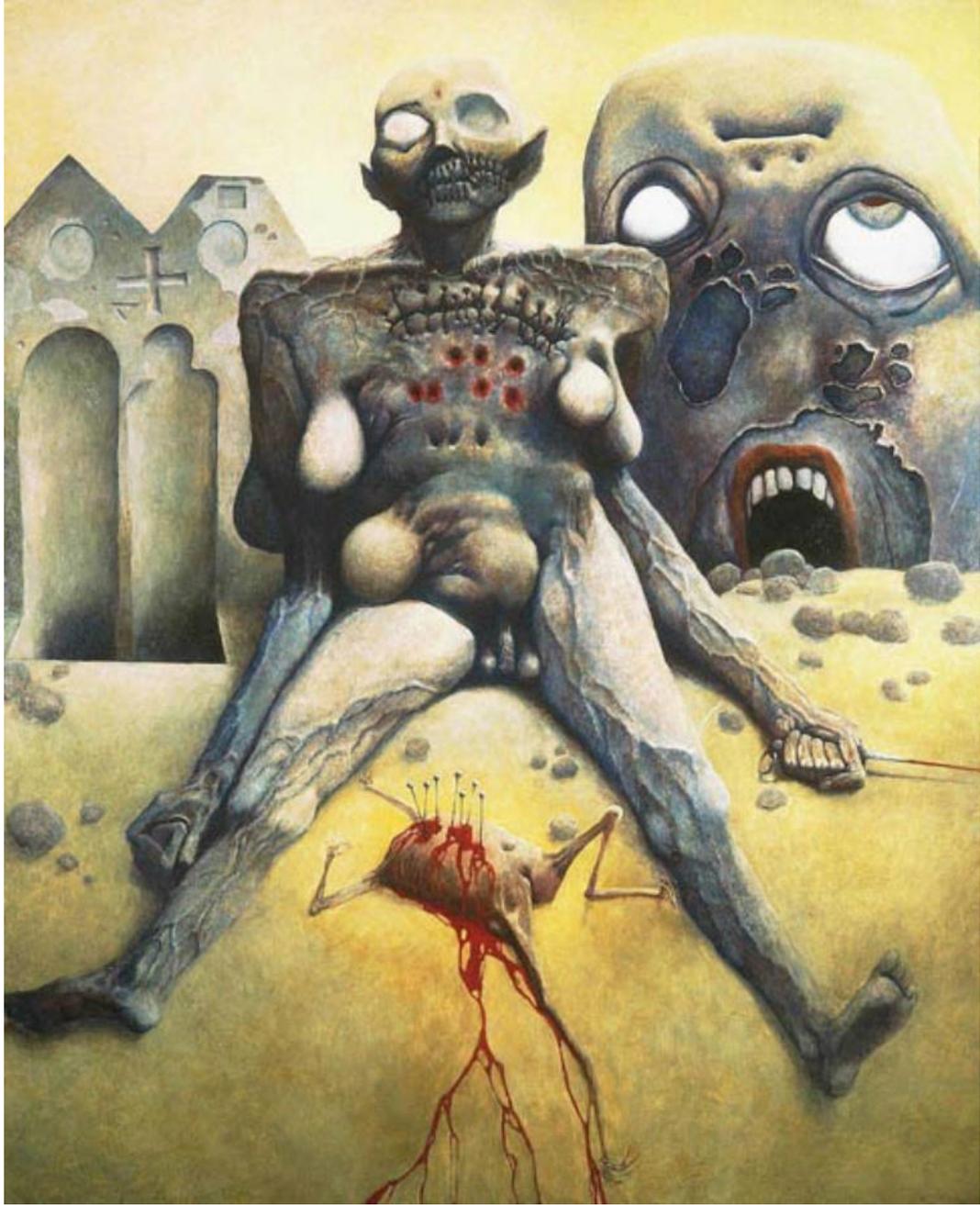
Г.Ф. Лавкрафт, У. Джексон. Ползучий хаос

У них были страшные звери с небольшой примесью человеческой крови, которых они использовали для езды и других целей. Говорят, что эти существа были плотоядными и, подобно своим хозяевам, предпочитали человеческое мясо; поэтому, хотя сами Древнейшие не размножались, у них существовало что-то вроде класса рабов — полулюдей, которые также служили пищей для хозяев и животных. Этот класс формировался очень странным способом и дополнялся оживлёнными трупами. Древнейшие знали, как превратить мертвеца в покорный автомат, который будет сохраняться почти бесконечно и выполнять любую работу, управляемый мысленными приказами.

Г.Ф. Лавкрафт, З. Бишоп. Курган

Мумифицирован был мужчина среднего роста, принадлежавший к неизвестной науке расе. Он застыл в необычной скрюченной позе, наполовину прикрыв похжиими на крабьи клешни верхними конечностями лицо с выдвинутой вперёд нижней челюстью. Нужно сказать, что лицо это поражало своими ссохшимися чертами и было искажено таким ужасом, что иных посетителей при виде его бросало в дрожь. Глаза мумии были крепко зажмурены, а за веками угадывались сильно выпуклые глазные яблоки.

Г.Ф. Лавкрафт, Х. Хилд. Вне времён

На рисунке сохранилось лишь несколько основных элементов ландшафта. Остальная его часть была застлана какой-то странной, невообразимой туманностью. Все более или менее знакомые предметы составляли здесь часть какого-то непонятного, смутного существа явно неземного свойства — явления, в грандиозности своей недоступного охвату взором смертного, явления бесконечно чуждого, чудовищного и ужасного, если судить по тому его фрагменту, что присутствовал на изображении. Там, где я своими глазами видел причудливо изгибающийся, словно живой, ствол дерева, на рисунке была изображена какая-то мерзкая бесформенная лапа, пальцы или щупальца которой отвратительно простирались вперёд, словно пытаясь нащупать нечто, находившееся на земле под ними.

Г.Ф. Лавкрафт, Д.У. Раймел. Дерево на холме

...человек во время сна, утратив свои земные ощущения, на самом деле переносится в иную бестелесную жизнь, природа которой существенно отличается от той жизни, которая нам известна, и только смутные и весьма неясные воспоминания остаются в памяти после пробуждения. По этим расплывчатым и обрывочным воспоминаниям мы можем составить множество предположений, но мало что сумеем доказать. Мы можем догадываться, что в мире снов материя в том смысле, как она понимается в этом мире, вовсе не обязательно стабильна и непрерывна, и что время и пространство там не существуют в том виде, как мы их себе представляем во время бодрствования. Иногда я начинаю верить, что это менее материальное бытие и есть наша настоящая жизнь, и что наше суетное пребывание на земном шаре вторичный или по крайней мере случайный феномен.

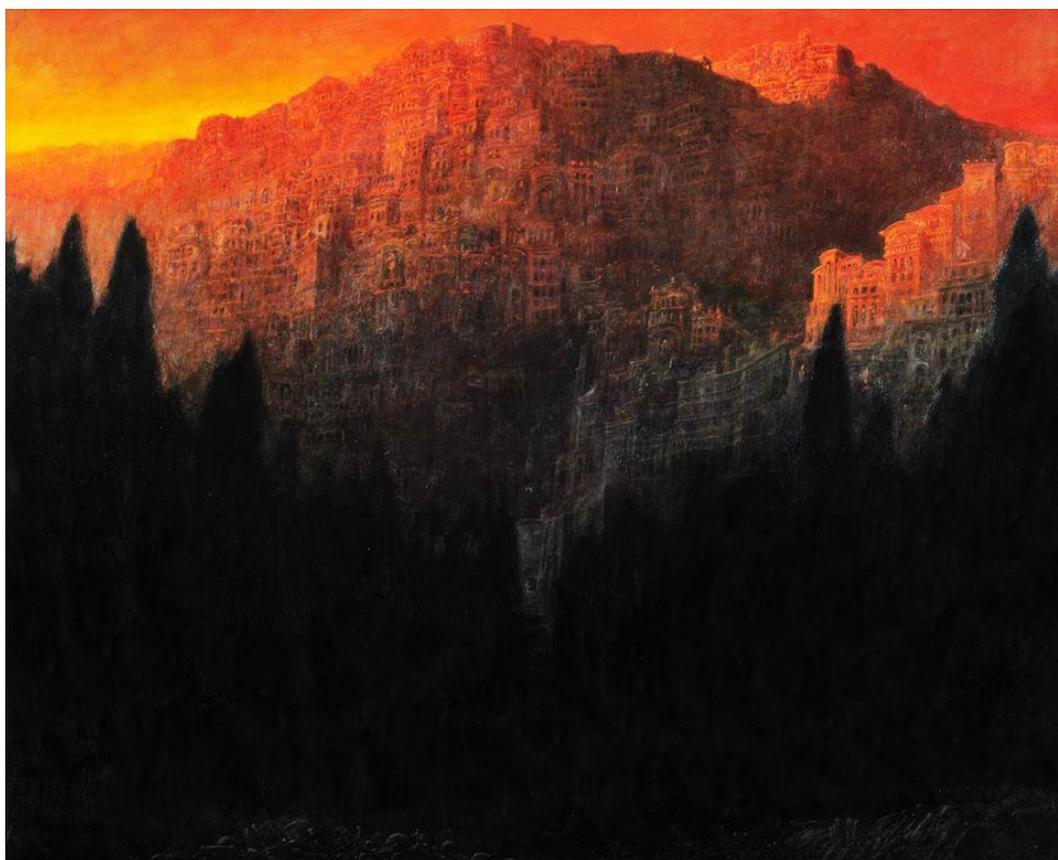
Г.Ф. Лавкрафт. По ту сторону сна

Аккорды, вибрато и экстатические гармонии, казалось, доносились со всех сторон одновременно, а между тем перед моим изумлённым взором разворачивалось зрелище невероятной красоты. Стены, колонны и архитравы, полные живого пламени, ослепительно сияли вокруг меня, как будто плывущего в воздухе, и устремлялись ввысь на головокружительную высоту, к венчавшему это помещение радужному куполу. Это царственное величие дополнялось — или, скорее, перемежалось, как в калейдоскопе, — картинами бескрайних равнин и цветущих долин, высоких гор и уютных гротов. Каждая из этих сцен таила в себе особое очарование, несказанно улаждая мой взор, а все вместе они создавали нечто целостное — яркое, воздушное и переливчатое, в равной мере сочетающее в себе духовную и материальную субстанции. При этом я чувствовал, что ключ ко всем этим метаморфозам находится не где-нибудь, а в моём собственном мозгу: каждый новый открывавшийся вид был мгновенным откликом на моё подспудное желание увидеть именно эту картину.

Г.Ф. Лавкрафт. По ту сторону сна

В долине Нис ущербная луна сияет мертвенно и тускло, концами своего неровного серпа касаясь губительной листвы гигантских анcharов. В глубине долины полно уголков, где царит вечный мрак, и те, кто там обитает, надёжно скрыты от постороннего взора. Среди дворцовых руин, разбросанных по заросшим травой и кустарником склонам, стелются ползучие лозы и побеги вьющихся растений — цепко оплетая надломленные колонны и зловещие монолиты, они взбираются на мраморные мостовые, выложенные руками неведомых зодчих.

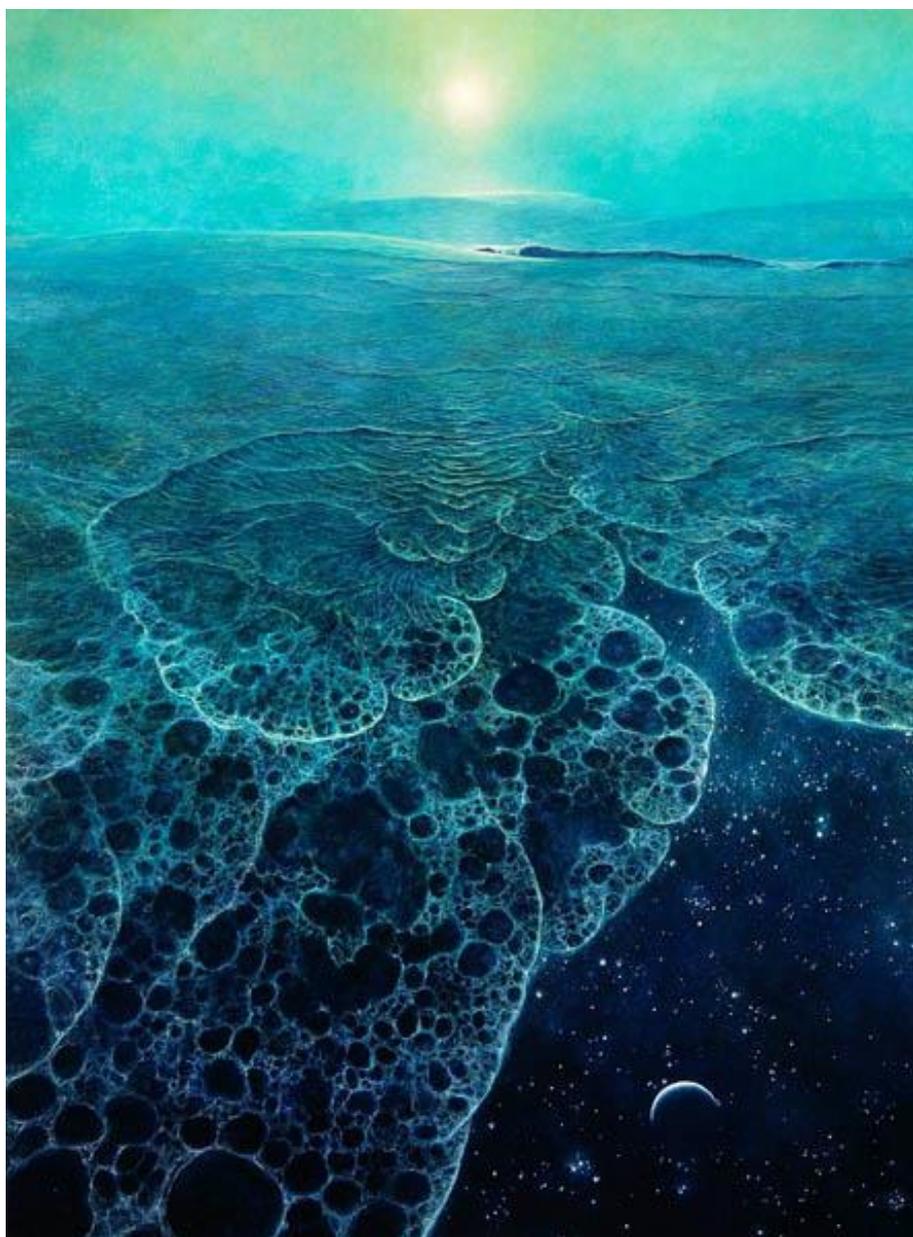
Г.Ф. Лавкрафт. Память

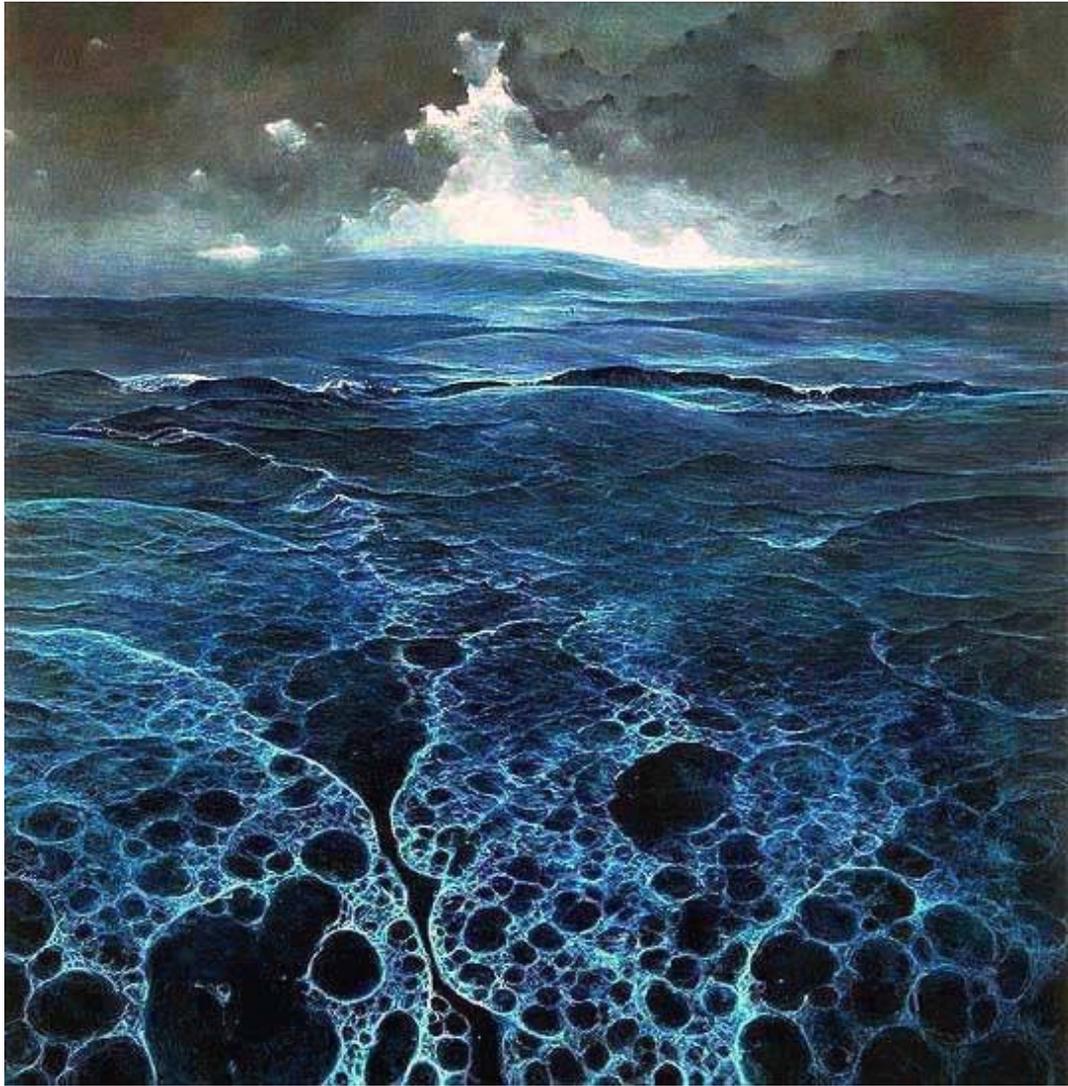

Но чудеснее людской фантазии и книжной премудрости была тайная мудрость океана. Голубой, зелёный, серый, белый или чёрный, спокойный, волнующийся или вздымающийся водяные горы, океан никогда не умолкает. Всю свою жизнь я наблюдал за ним и прислушивался к его шуму. Сначала он рассказывал мне простенькие сказочки про тихие пляжи и соседние гавани, но с годами он стал дружелюбнее и говорил уже о других вещах, более странных и более отдалённых в пространстве и во времени. Иногда в сумерках серая дымка на горизонте расступалась, чтобы дать мне возможность взглянуть на пути, проходящие за ней, а иногда ночью глубокие морские воды делались прозрачными и фосфоресцировали, чтобы я мог увидеть пути, проходящие в их глубинах. И я мог взглянуть на все пути, которые были там, и на те, которые могли быть, и те, что существуют, потому что океан древнее самих гор и наполнен снами и памятью Времени.

Г.Ф. Лавкрафт. Белый корабль

Когда Белый Корабль молчаливо отплыл от украшенных храмами террас страны Зар, впереди, на дальнем горизонте мы узрели остроконечные верхушки зданий огромного города, и бородатый человек сказал мне: Это Таларион, город тысячи чудес, где находится всё таинственное, что люди тщетно пытались постигнуть. И я снова взглянул с близкого расстояния и увидел, что город этот величественнее любого другого города, который я знал или видел во сне. Так высоко в небо возносились шпили его храмов, что невозможно было разглядеть их острия, и далеко за горизонт простирались его мрачные серые стены, поверх которых можно было разглядеть только крыши немногих домов, странные и зловещие, хотя и украшенные фризами и соблазнительными скульптурами.

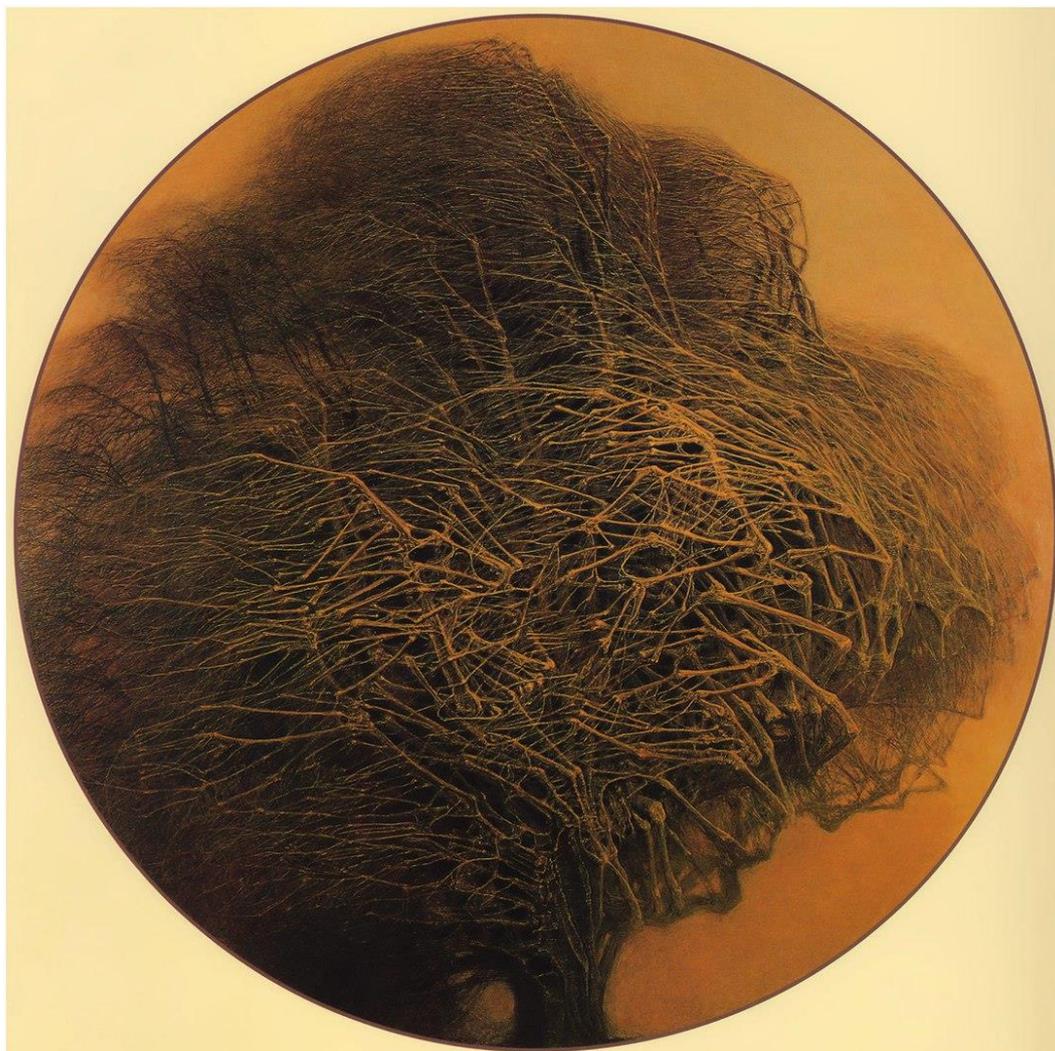
Г.Ф. Лавкрафт. Белый корабль

На цветущем склоне горы Менэлус, что в Аркадии, неподалёку от развалин древней виллы растёт оливковая роща. Рядом с ней возвышается надгробие, некогда прекрасное, с величественными скульптурами, но ныне разрушенное, как и дом. У одного края могилы, раздвинув потемневшие от времени плиты пентелийского мрамора, растёт необычайных размеров олива. Вид её вызывает отвращение сходством с каким-то уродливым человеком или с телом, обезображенным смертью. Селяне избегают ходить мимо него по ночам, когда лунный свет едва пробивается сквозь кривые ветви.

Г.Ф. Лавкрафт. Дерево

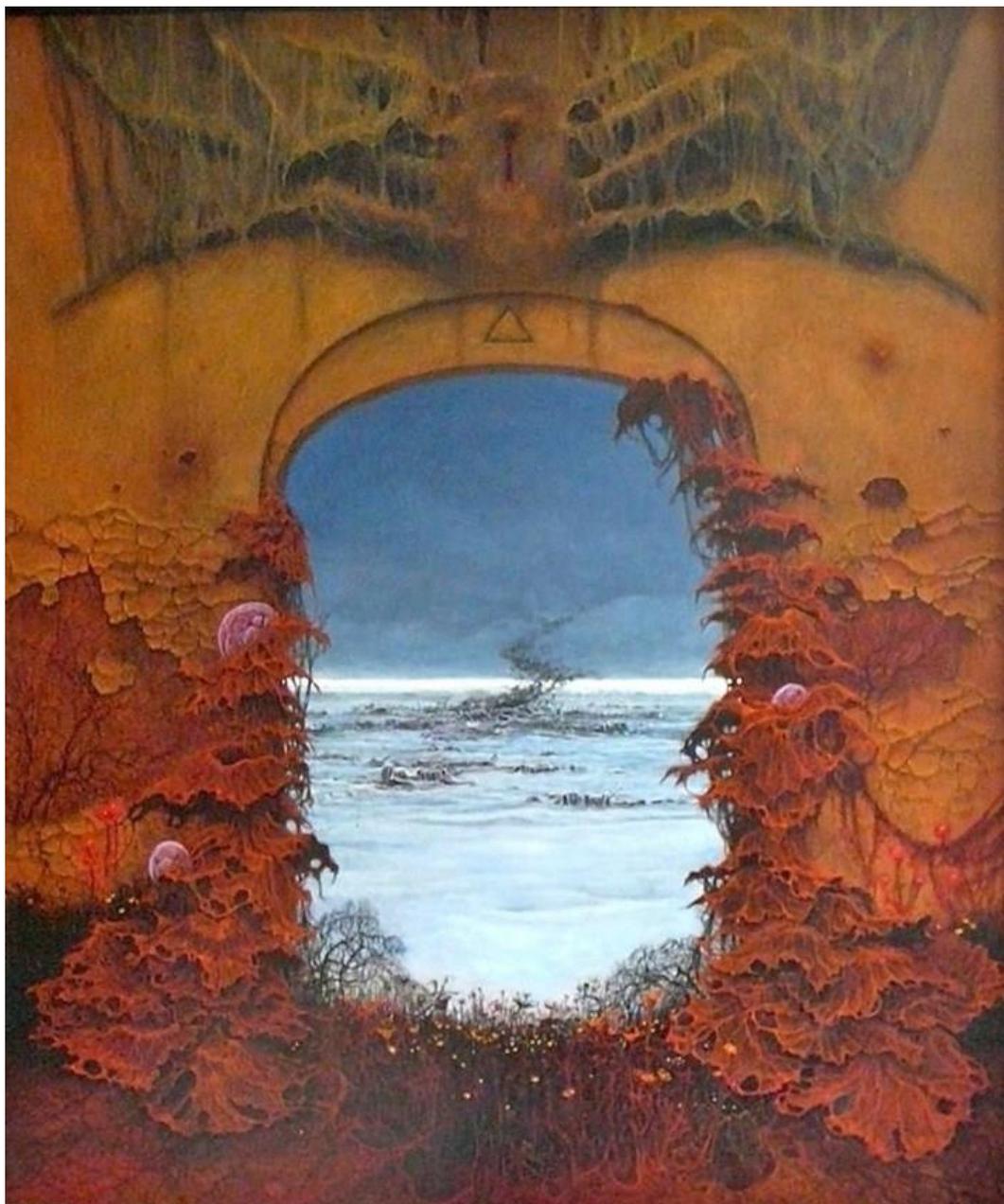
... я тщетно стараюсь стряхнуть с себя эту дьявольскую дремоту и избавиться от навязчивого образа каменного дома, расположенного к югу от угрюмого болота и кладбища на пригорке; а Полярная звезда, безжалостная и насмешливая, смотрит вниз с чёрного небосвода, зловеще подмигивая мне и напоминая собой всевидящее око неведомого безумца, который жаждет донести до людей некое диковинное послание и тщетно силится восстановить его в своей памяти, но не может вспомнить ничего, кроме того, что послание это ещё совсем недавно обременяло его мозг.

Г.Ф. Лавкрафт. Полярная звезда

Одни из мудрецов восторженно расписывали чудеса, таившиеся по ту сторону стены, другие с содроганием говорили об ужасах и великих разочарованиях. Я не знал, кому из них верить, но желание попасть в ту неведомую страну разгорелось во мне ещё сильнее, ибо ничто так не притягивает нас, как тайна и неопределённость, и ничто так не пугает, как проза повседневности.

Г.Ф. Лавкрафт. Ex oblivione

Постепенно картина изменилась. Скалы уступили место продуваемой всеми ветрами пустыне, среди которой, словно мираж, возник заброшенный город, утерянный Город Столбов, легендарный Ирем, и Филлипс знал, что, хотя нога человека уже давно не ступала по этим улицам, здесь — среди древних каменных зданий, сохранившихся в почти неизменном виде с тех пор, как обитатели города были уничтожены или изгнаны неведомо откуда явившимися безжалостными врагами, — всё ещё скрывались таинственные и зловещие существа. Однако никого из них не было видно; был только подспудно затаившийся страх перед неизвестностью — как тень, упавшая на эту землю из глубины давно минувших времён.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Лампа Альхазреда

Но все эти картины он наблюдал как бы через окно или через дверь, казалось, манившие его покинуть суетный мир и отправиться в путешествие по этим волшебным просторам. Искушение росло и росло, он дрожал от желания повиноваться, отбросить всё, чем он жил до сих пор, и попробовать стать кем-то другим, ещё неизвестным себе самому, — но вместо этого, сделав над собой усилие, он погасил лампу и вновь увидел уставленные книгами стены кабинета дедушки Уиппла.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Лампа Альхазреда

Если справедливо утверждение, что человеку всегда суждено жить с таким чувством, будто он стоит на краю пропасти, то большинству людей в критические моменты жизни свойственно испытывать нечто вроде прозрения — когда таинственные и бездонные глубины, лежащие за пределами маленького людского мира, вдруг становятся близкими и доступными. Это значит, что вы вкусили от источника беспредельного знания, что редко кому удаётся; но подобное соприкосновение с неведомым не проходит бесследно, наполняя ужасом сердца даже самых отважных. Разве может кто-то из ныне живущих доподлинно знать, как появился человек и каково его место в этом мире, или с достаточной долей уверенности утверждать, что человечеству уготован бесславный конец?

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Пришелец из космоса

А вверху, над трубой дома, уже возникло и начало, уплотняясь, обретать форму нечто, своей темнотой выделявшееся даже на фоне ночного неба. Ещё секунда — и чёрная комета прорезала небосвод, стремительно уносясь к далёким созвездиям, туда, откуда она однажды была вызвана Колдуном Поттером, чтобы стать частью его самого, а затем, дождавшись приезда ничего не подозревающих наследников, продолжить своё земное существование уже в новом обличье.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Ведьмин лог

А увидел я кости, побелевшие, выцветшие кости — вероятно, они долго пролежали в воде и их только недавно выбросило на берег. Может быть, они остались от чьей-нибудь коровы, утонувшей в незапамятные времена. Но не успела эта догадка прийти ко мне в голову, как я тут же отмёл её, ибо часть костей, лежавших предо мной, явно принадлежала человеку, и, пошарив вокруг глазами, я увидел человеческий череп. Но не все кости были человеческими. Среди них были и такие, каких мне не случалось видеть никогда раньше. Это были длинные и гибкие, как плети, кости, которые, похоже, принадлежали какому-то не до конца сформировавшемуся организму. При этом они так переплелись с костями человека, что невозможно было определить, где кончаются одни и начинаются другие.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Тайна среднего пролёта

Чтобы стряхнуть с себя наваждение, я встал с постели и принялся расхаживать в темноте по дому, то и дело замирая у окна, чтобы поглядеть на залитый лунным светом пейзаж. Поначалу это вроде бы помогло, но спустя некоторое время меня вновь принялись терзать галлюцинации — мне показалось, что на опушке леса, почти вплотную подступающего к дому, стоит высокая худая фигура, а о её ноги трётся какая-то уродливая, бесформенная тварь. Видение продолжалось всего несколько секунд, после чего оба призрака скрылись в лесной чаще, куда не проникал свет луны.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Тайна среднего пролёта

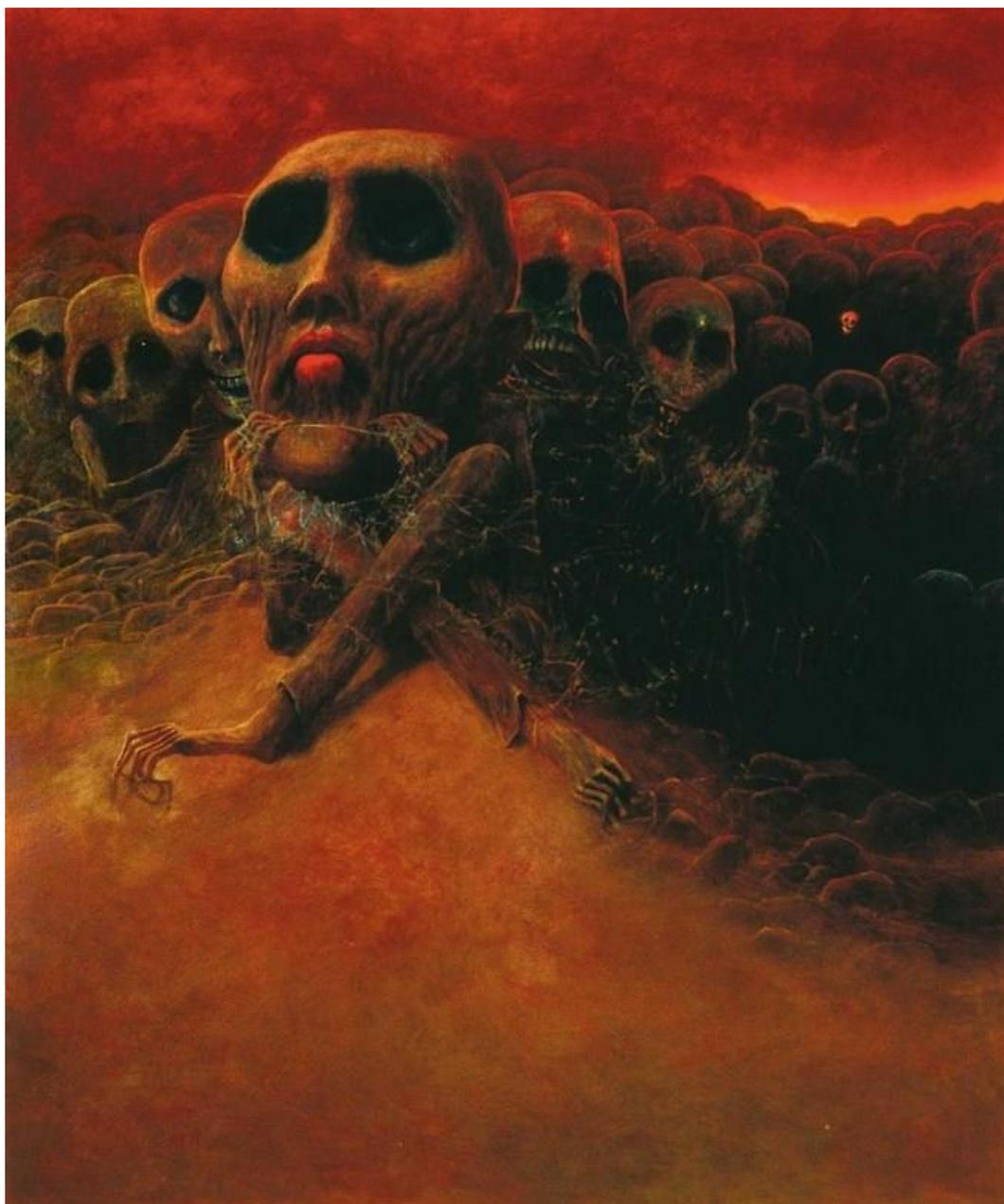
Часы! Идущие часы в доме, где никто не жил вот уже три года. Николас не верил своим ушам. Должно быть, кто-то всё-таки проник сюда и завёл часы. Оглянувшись по сторонам, он увидел рядом с дверью альков, в котором стояли необычные, явно штучной работы часы высотой почти в три фута. Циферблат часов был покрыт странными рисунками, изображавшими свернувшихся в кольца змей и каких-то причудливых тварей, один только вид которых вызвал в нём почти панический, до боли знакомый страх, словно где-то в глубине его памяти среди смутных воспоминаний детства проснулось одно, позволившее ему вспомнить то, что он уже видел — и не на рисунке, а в действительности. Как зачарованный, разглядывал он циферблат, пока наконец не понял, что стрелки часов показывают нечто большее, нежели просто время, ибо за цифрами и буквами скрывались не только часы и минуты. И не только дни.

Г.Ф. Лавкрафт, А.У. Дерлет. Наблюдатели

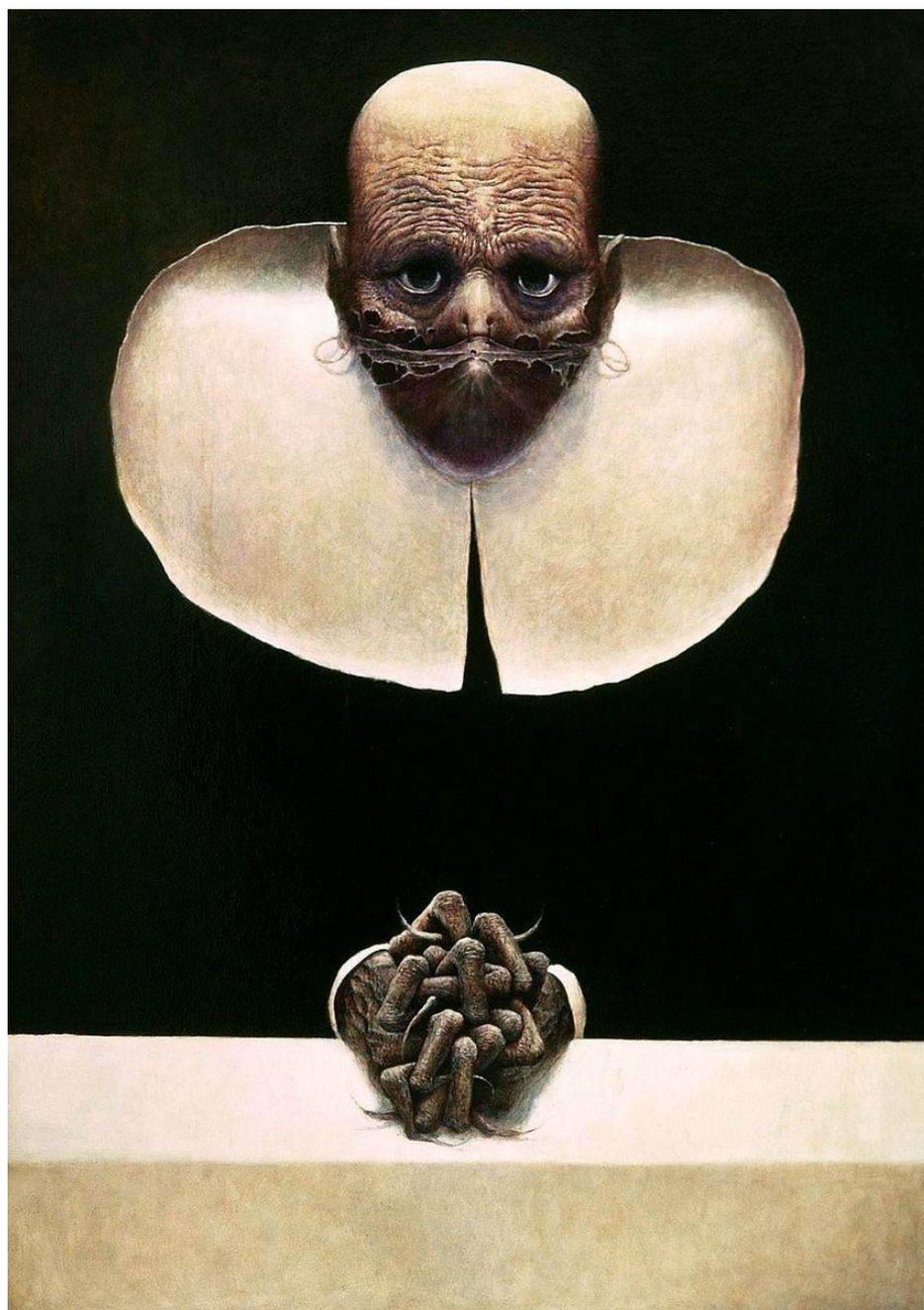
Это началось внезапно, без предупреждения: из неведомой норы, подобно крысе, метнулась одна тварь, раздалось дьявольское пыхтение и приглушенное хрюканье, и потом из отверстия под камином хлынули потоком омерзительные, словно изъеденные проказой, уродливые твари, страшнее самой смерти и самого безумия. Вскипая, булькая, пузырясь подобно змеиному яду, этот поток изливался из зияющего отверстия, растекался, как гной, и устремлялся из погребца, чтобы распространиться по проклятому полуночному лесу, неся с собой ужас, безумие и смерть. Бог знает, сколько их было — должно быть, сотни. Вид этого потока при мерцающем свете молний потрясал душу. Когда он поредел и стали мелькать отдельные твари, я увидел, что они похожи на гномов — уродливые волосатые не то черти, не то обезьяны, чудовищная дьявольская карикатура на обезьянье племя.

Г.Ф. Лавкрафт. Притаившийся ужас

Он был очень худ — буквально скелет, обтянутый кожей, — а его тихий неглубокий голос относился к разряду тех, что именуют замогильными. [...] Пока он говорил, я мельком увидел его лицо в желтоватом свете от окна мансарды — единственного освещённого окна в ближайшем доме. Это было лицо пожилого человека с правильными, можно даже сказать, красивыми чертами, и мне сразу подумалось, что такие утончённые породистые лица не очень-то согласуются с нынешней эпохой и данным местом. Ко всему прочему, в его лице, хоть и довольно привлекательном, было нечто тревожащее — возможно, чрезмерная бледность и невыразительность или всё то же явное несоответствие окружающей обстановке, — что не позволяло мне чувствовать себя уверенно и спокойно в обществе этого человека.

Г.Ф. Лавкрафт. Он

Неописуемые формы и элементы, одновременно безжизненные и движущиеся, смешались в беспорядке, вызывавшем ужас и отвращение. Возле каждого знакомого предмета располагалась целая микровселенная фантастических существ. Казалось, привычная обстановка композиционно вошла в состав этого кошмара, и наоборот. Среди этих живых предметов были чёрные гигантские студенистые чудовища, которые мягко содрогались от вибраций, исходящих от машины Тилингаста. Уродливые создания прямо-таки заполнили комнату. С ужасом, граничащим с безумием, я наблюдал за их поведением. Наполовину жидкие и текучие, они могли передвигаться, проникать друг в друга, но самое жуткое — они могли также проникать в твёрдые предметы. Эти существа ни на мгновение не оставались неподвижными, они плавно перемещались, скользили. Иногда они пожирали себе подобных. В этом случае агрессор просто сливался со своей жертвой, поглощая её.

Г.Ф. Лавкрафт. Из глубин мироздания

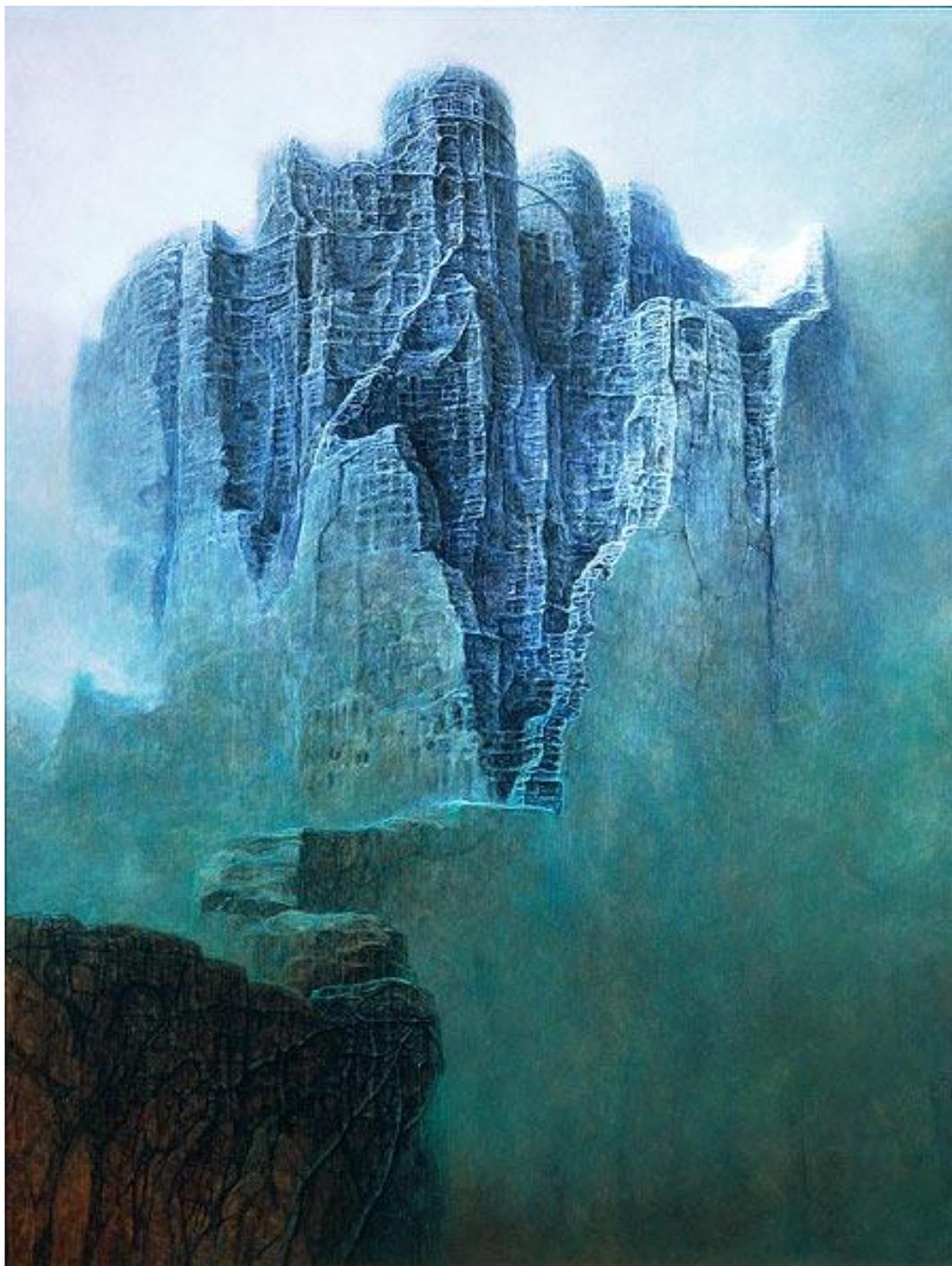
Дрожа от страха, странным образом смешанного с восторгом, я пересёк свою круглую комнату и подошёл к северному окну, из которого открывался вид на деревню и луга по кромке болота. Глаза мои снова округлились от удивления, словно до того момента я видел только самые обычные вещи: по залитому жутким багровым светом лугу двигалась длинная процессия странных существ, извивавшихся, как в самом кошмарном сне. То скользя по земле, то паря в воздухе, одетые в белое духи болот медленно возвращались домой — к незыблемым топям и развалинам на островке; их силуэты образовывали какие-то странные переплетения, похожие на фигуры древних ритуальных плясок. Полупрозрачными руками размахивали они в такт ужасной мелодии невидимых флейт, увлекая к болоту толпу батраков, неуверенно шагавших за ними со скотской, слепой, бессмысленной покорностью, словно их толкала вперёд невидимая, но властная злая сила.

Г.Ф. Лавкрафт. Лунное болото

На высочайшей из земных вершин живут боги земли, и ни один человек не отважится сказать, что ему довелось видеть их. Когда-то они обитали на других вершинах, пониже, но с тех пор, как род людской начал распространяться с равнин на скалистые снежные склоны, боги стали уходить на все более и более недоступные горы, пока в конце концов не осталось им последней, самой высокой вершины. Покидая прежние горы, они забирали с собой все свои знаки, и лишь однажды, как гласит молва, оставили некий образ, высеченный на поверхности пика Нгранек.

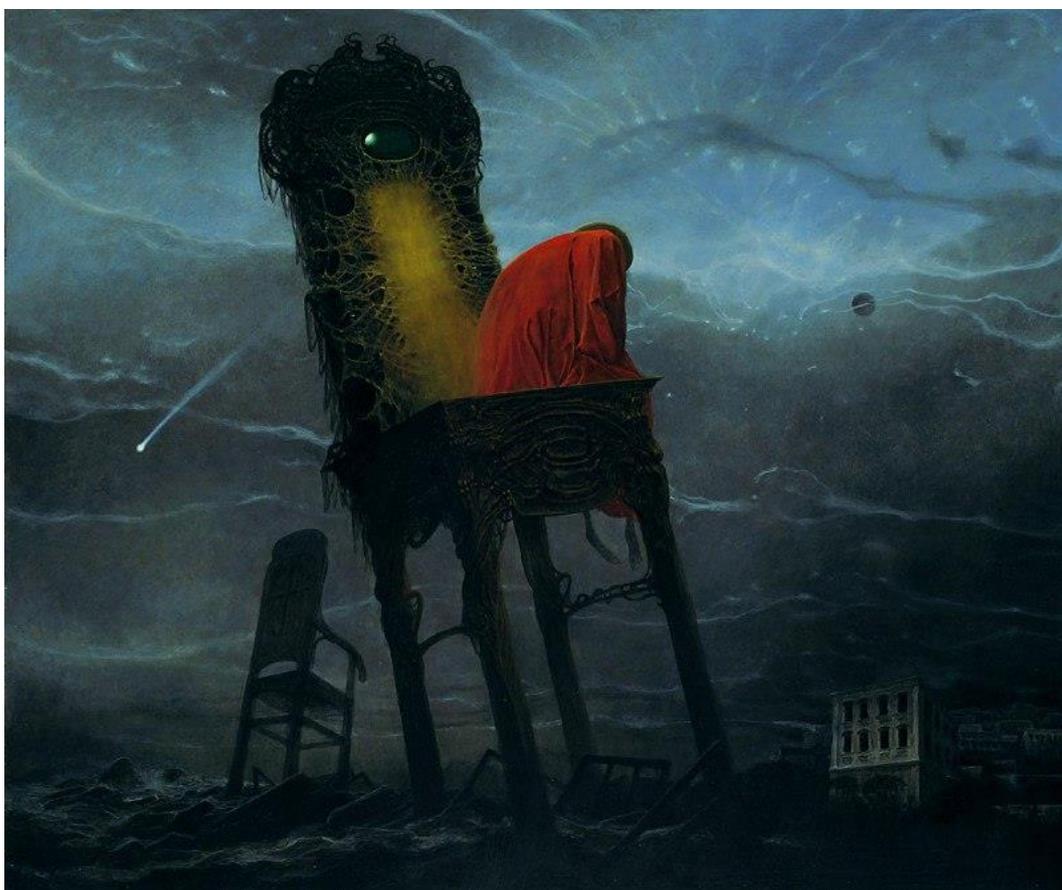
Г.Ф. Лавкрафт. Другие боги

Я не в состоянии описать то, чем мы занимались, поскольку эти занятия имели слишком мало общего с обыденной жизнью. Объектом нашего изучения была неизмеримая и устрашающая вселенная, лежащая вне познаваемых материй, времён и пространств, — вселенная, о существовании которой мы можем лишь догадываться по тем редким, особенным снам, которые никогда не посещают заурядных людей и лишь пару раз в жизни могут привидеться людям с богатым и ярким воображением. Мир нашего повседневного существования соотносится с этой вселенной, как соотносится мыльный пузырь с трубочкой, из которой его выдувает клоун, всегда могущий по своей прихоти втянуть пузырь обратно. Учёные мужи могут иметь кое-какие догадки на сей счёт, но, как правило, они избегают об этом думать. Мудрецы пытались толковать такие сны, что вызывало лишь смех у бессмертных богов.

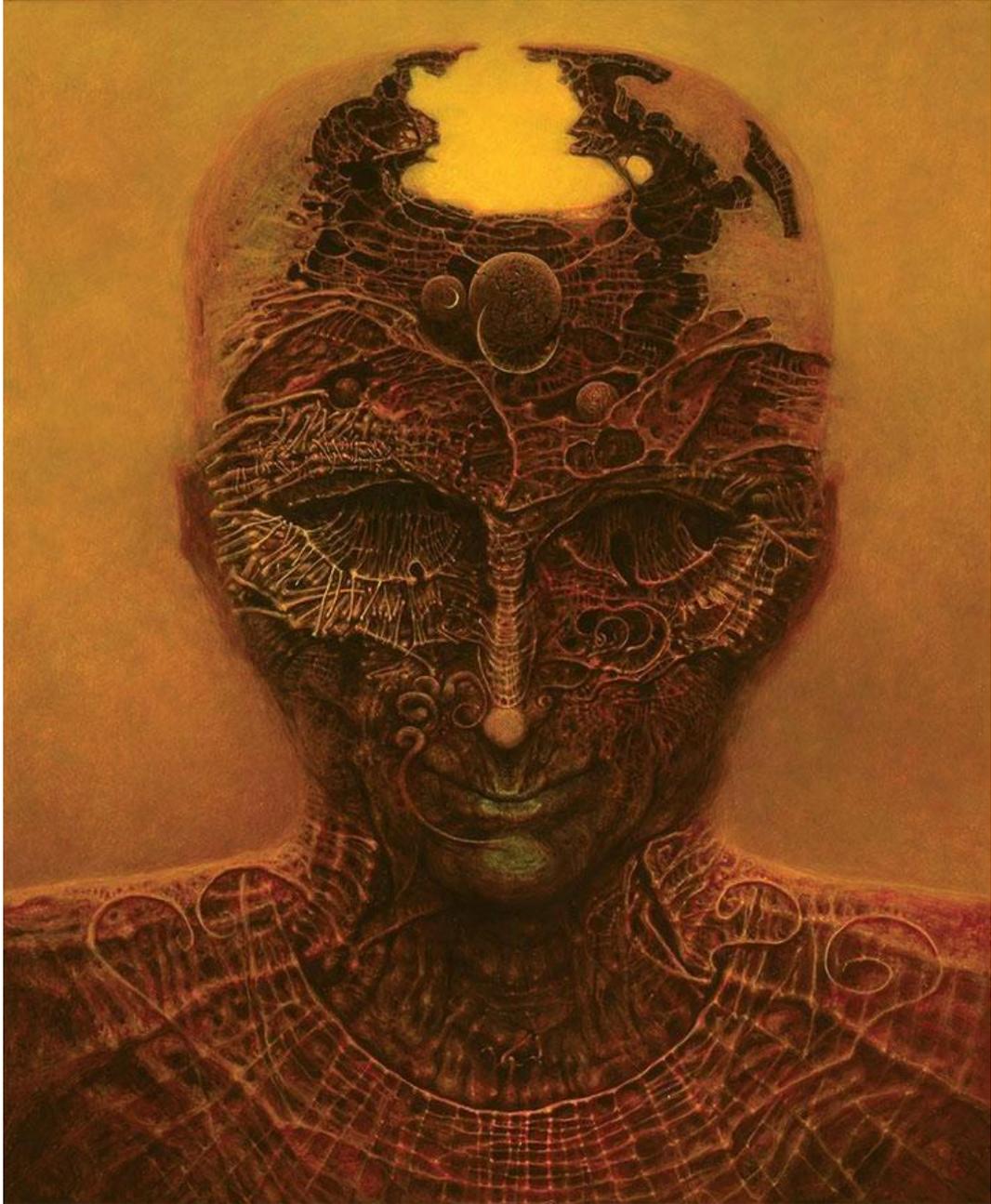
Г.Ф. Лавкрафт. Гипнос

С годами он научился различать медленно проплывающие звёзды, называл их по именам, а в своём воображении продолжал следить за их полётом и после того, как они исчезали из виду. Так проходила его жизнь, пока однажды его сознание не раскрылось для таких потрясающих картин, какие не дано узреть обычному человеческому глазу. В ту ночь была разом преодолена гигантская пропасть, и загадочные небеса спустились к окну одинокого мечтателя, чтобы смешаться с воздухом его тесной комнатушки и сделать его свидетелем невероятных чудес. В полночь комнату озарили потоки лилового сияния с золотистыми блёстками, а за ними внутрь ворвались вихри огня и пыли, насыщенные ароматами запредельных миров. И он узрел пьянящий океанский простор, озарённый неведомыми людям солнцами, а также диковинных дельфинов и морских нимф, резвящихся в неизмеримых глубинах. Некая беззвучная и беспредельная стихия приняла мечтателя в свои объятия и увлекла его в таинственные дали, при этом не коснувшись его тела, которое так и застыло на подоконнике. Много дней, несовпадающих с земными календарями, ласковые волны запредельных сфер несли человека к его мечтам — тем самым мечтам, которые были забыты и утрачены остальными людьми.

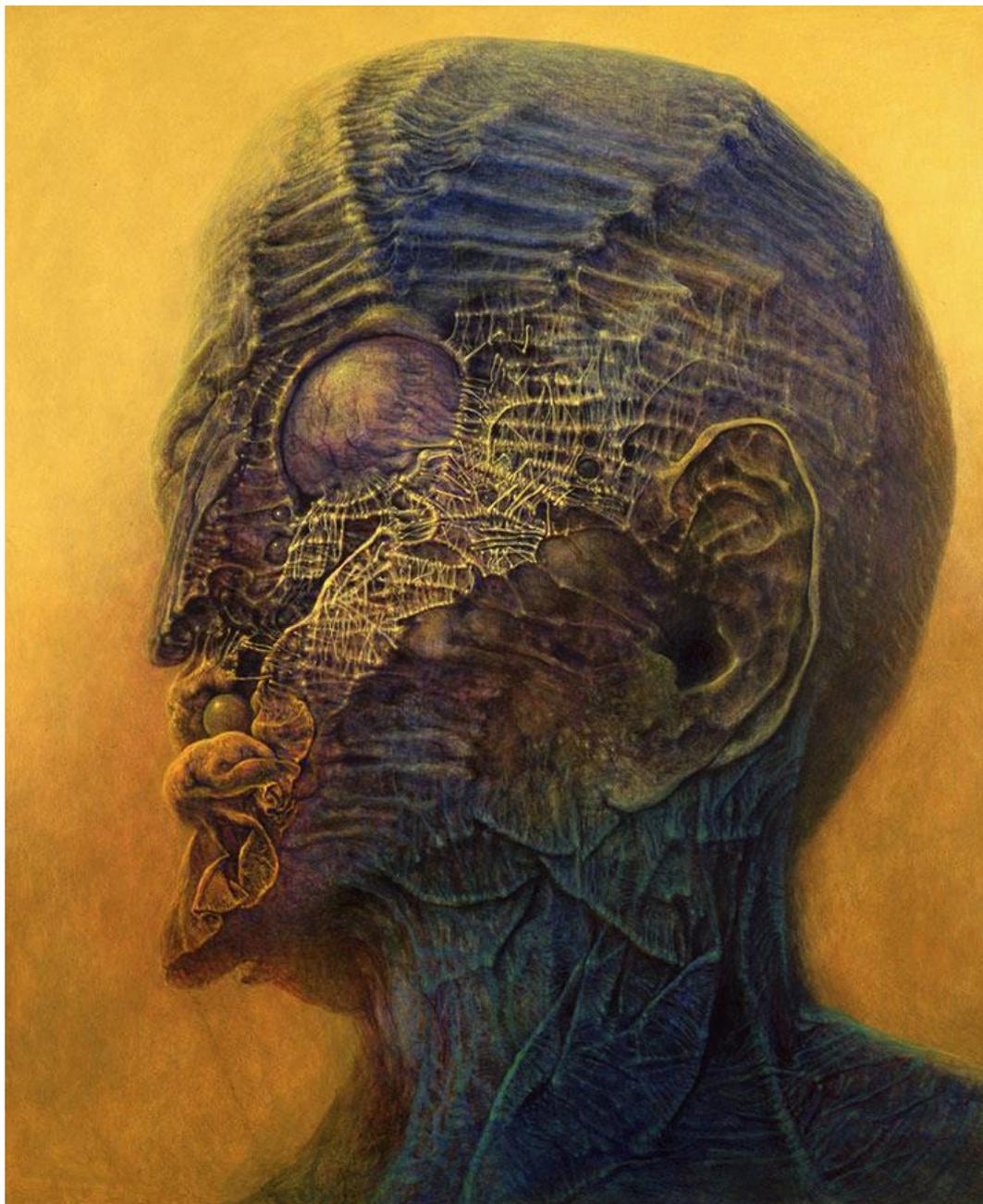
Г.Ф. Лавкрафт. Азатот

Вот тогда-то и объявился Ньярлатхотеп, выходец из Египта. Говорили, что он представитель старинного рода и выглядит как фараон. Феллахи, завидев его, простирались ниц, хотя и не могли объяснить почему. Сам он утверждал, что восстал из глубины двадцати семи столетий и что до него доходили послания с других планет.

Г.Ф. Лавкрафт. Ньярлатхотеп

А потом с нами стало твориться что-то неладное. Думаю, причиной тому послужил болезненный, зеленоватый свет луны, ибо как только погасли фонари, мы произвольно выстроились в своего рода шеренги и принялись двигаться к некой известной нам цели, о которой не смели не только говорить, но и думать.

Г.Ф. Лавкрафт. Ньярлатхотеп

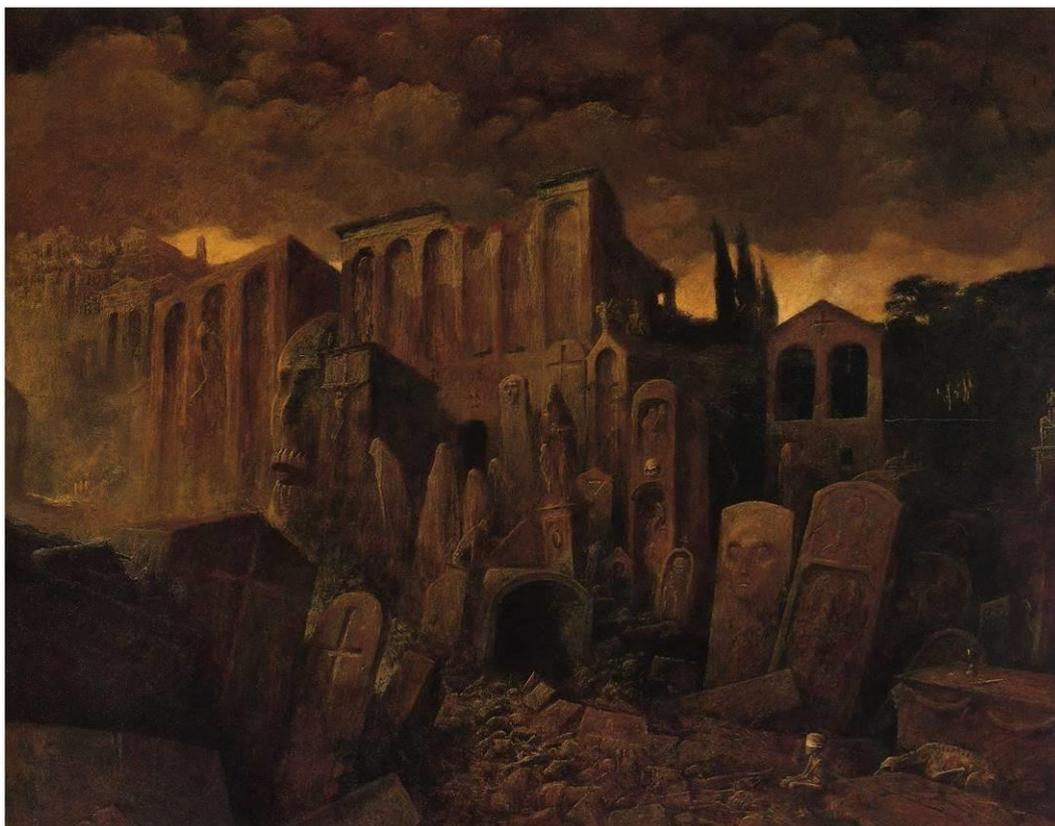
В глубине его души таилась мучительная вера в то, что где-то существует доступная дверь, ведущая во внешние миры, неясное представление о которых он получил по своим снам. Эта дверь могла быть реальной и находиться в видимом мире, а могла существовать только в его сознании. Возможно, его мозг, сам по себе малоизученный, таил какое-то связующее звено с его прошлыми и будущими жизнями в иных измерениях — связь со звёздами, с вечностью и бескрайними пространствами, лежащими далее за звёздным небом.

Г.Ф. Лавкрафт. Потомок

Наш домашний музей представлял собою место поистине богомерзкое: с каким-то дьявольским вкусом и неврастенической извращённостью создавали мы там целую вселенную страха и тления, чтобы распалить свои угасавшие чувства. Находился он в потайном подвале глубоко под землёй; огромные крылатые демоны из базальта и оникса, оскалившись, изрыгали там неестественный зелёный и оранжевый свет, потоки воздуха из спрятанных в стенах труб заставляли прыгать в диком танце смерти полосы красной погребальной материи, вплетённые в тяжёлые чёрные занавеси. Особое устройство позволяло наполнять разнообразными запахами воздух, поступавший через трубы в стенах: потворствуя самым диким своим желанием, мы выбирали иногда аромат увядших лилий с надгробий, иногда дурманящие восточные благовония, словно доносящиеся из неведомых капищ царственных мертвецов, а порой я содрогаюсь, вспоминая теперь об этом страшный, тошнотворный смрад открытой могилы.

Г.Ф. Лавкрафт. Пёс

Мы нашли в гробу ещё кое-что — это был очень любопытный, необычного вида амулет, который покойник, очевидно, носил на цепочке вокруг шеи. Он представлял собою странную фигурку сидящей крылатой собаки, или сфинкса с собачьей головой, искусно вырезанную в древней восточной манере из небольшого куса зелёного нефрита. И всё в этой твари служило напоминанием о смерти, жестокости и злобе.

Г.Ф. Лавкрафт. Пёс

Это были кошмарные призраки гигантских размеров и самых чудовищных очертаний, в одних случаях видимые, в других только осязаемые; в безлунные ночи они как бы плыли по воздуху, появляясь то в старом доме, то возле склепа позади него, то на могиле, где рядом с безымянной плитой пустило корни молодое деревцо. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как то утверждала голословная молва, или нет, я не знаю, но, во всяком случае, призраки эти оставляли по себе сильное и неизгладимое впечатление. Неспроста старейшие из местных жителей испытывали к ним суеверный страх ещё каких-нибудь только два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти перестали вспоминать, что, кстати, и могло послужить причиной их преждевременной кончины. Наконец, если взглянуть на проблему с эстетической стороны и вспомнить, какие гротескные, искажённые формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то нельзя не согласиться, что вряд ли удаётся добиться связного и членораздельного описания и выражения в случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной паробразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кошунство по отношению к природе. Эта чудовищная химера, порождённая мёртвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека не представляет ли она нам во всей неприглядной наготе всё подлинно, всё откровенно НЕИМЕНУЕМОЕ?

Г.Ф. Лавкрафт. Неименуемое

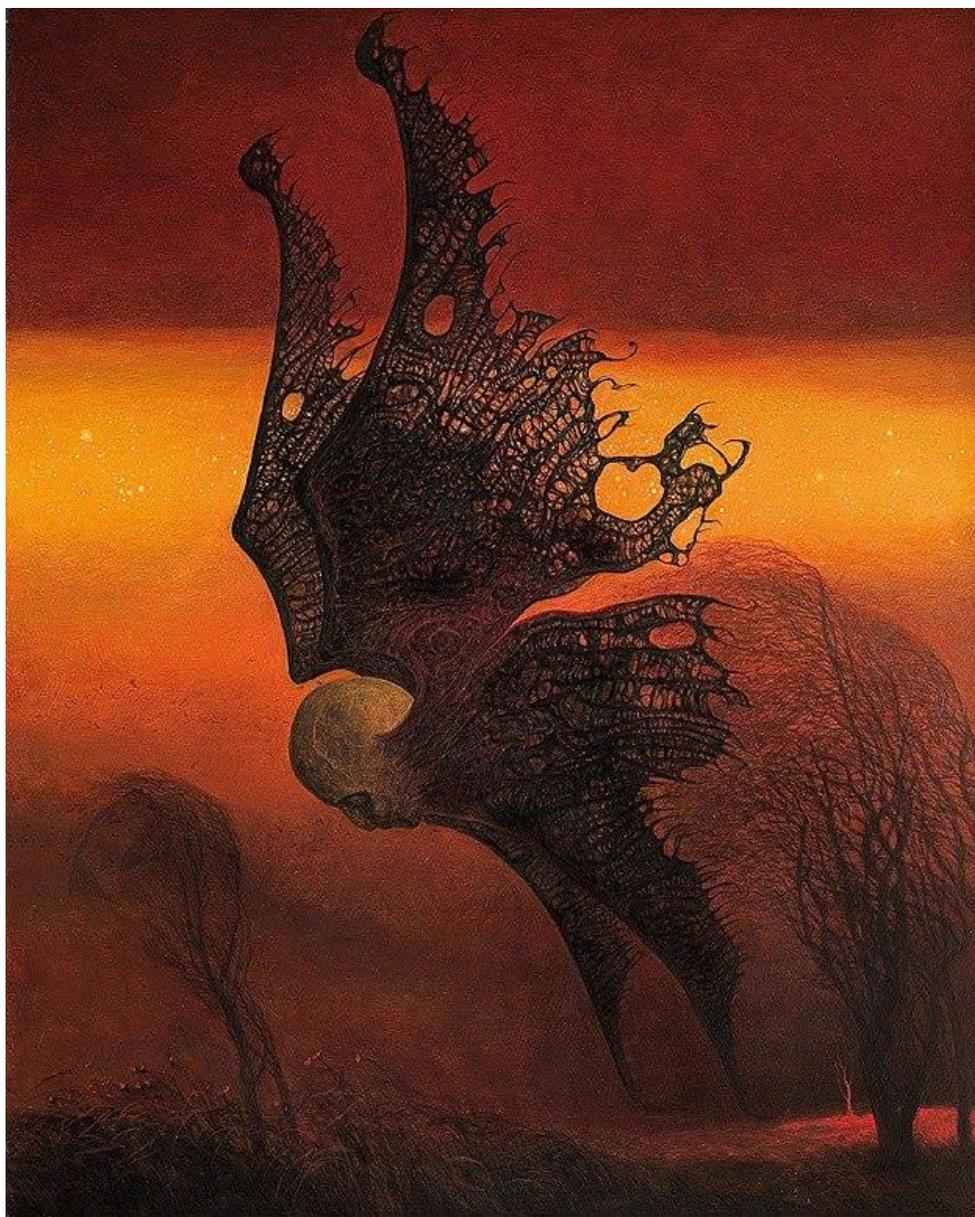
Тело вздрагивало всё сильнее, затем мертвец начал приподниматься, и, несмотря на ужас и отвращение, мы не могли оторвать глаз от его беспокойно шевелившихся рук, судорожно вытянутых ног и конвульсивно сокращавшихся мышц. Внезапно обезглавленный труп простёр перед собой руки; его жест бесспорно свидетельствовал об отчаянии — осмысленном отчаянии — и наглядно подтверждал все предположения Герберта Уэста.

Г.Ф. Лавкрафт. Герберт Уэст, реаниматор

Из невообразимой гущи мрака по ту сторону гангренозного дыхания негнущего огня, из сатанинских пространств, где влачит свои волны маслянистая река, неслышно, невидимо и неодолимо, приближалась, ритмично хлопая крыльями, стая неких дрессированных тварей, в уродстве своём недоступных ни охвату незамутнённым взором, ни осмыслению неповреждённым рассудком. Какие-то гибриды из ворон, кротов, муравьёв, летучих мышей и полуразложившихся людских тел... словом, это было нечто такое, о чём я не могу, да и не хочу вспоминать. Медленно и неуклюже приближались они, частично на своих перепончатых лапах, частично с помощью перепончатых крыльев, и, когда они наконец достигли толпы священнодействующих, те принялись хватать и седлать их — и один за другим уносились прочь вдоль подземной реки в глубины преисподней, в галереи страха, туда, где отравленные ручьи пополняют чудовищные водопады, навеки скрытые от глаз людских.

Г.Ф. Лавкрафт. Праздник

Нижние из пещер подземных, — писал безумный араб, — недоступны глазу смотрящего, ибо чудеса их непостижимы и устрашающи. Проклята земля, где мёртвые мысли оживают в новых причудливых воплощениях; порочен разум, пребывающий вне головы, его носящей. Великую мудрость изрёк Ибн Шакабао, сказав: блажен тот погост, где нет колдуна; блажен тот город, чьи колдуны обращены во прах. Ибо древнее поверье гласит, что душа, проданная диаволу, не спешит покидать пределы склепа, но питает и научает самого червя грызущего, пока сквозь тлен и разложение не пробьётся новая чудовищная жизнь и жалкие поедатели падали не наберутся хитроумия, чтобы вредить, и силы, чтобы губить. Огромные ходы тайно проделываются там, где хватило бы обычных пор земных, и рождённые ползать научаются ходить.

Г.Ф. Лавкрафт. Праздник

Здесь веками назревал чудовищный гнойник Вселенной, и сейчас, когда его разбередили нечестивыми ритуалами, он готовился начать пляску смерти, цель которой состояла в том, чтобы обратить всех живущих на земле во вздутые пористые свёртки гниющей плоти и крошащихся костей, слишком мерзостные даже для могилы. Сатана правил здесь свой Вавилонский бал, и святящиеся, покрытые пятнами разложения руки Лилит были омыты кровью невинных младенцев. Инкубы и суккубы возносили хвалу Великой матери Гекате, им вторило придурочное бляянье безголовых уродов. Козлы плясали под разнuzданный пересвист флейт, а эгипаны, оседлав прыгавшие подобно огромным лягушкам валуны, гонялись за уродливыми фавнами. Естественно, не обошлось и без Молоха и Астарты — ибо посреди этой квинтэссенции дьяволизма границы человеческого сознания рушились, и его взору представляли все ипостаси царства зла и все его запретные измерения, когда-либо являвшиеся или презревавшиеся на земле.

Г.Ф. Лавкрафт. Кошмар в Ред-Хуке

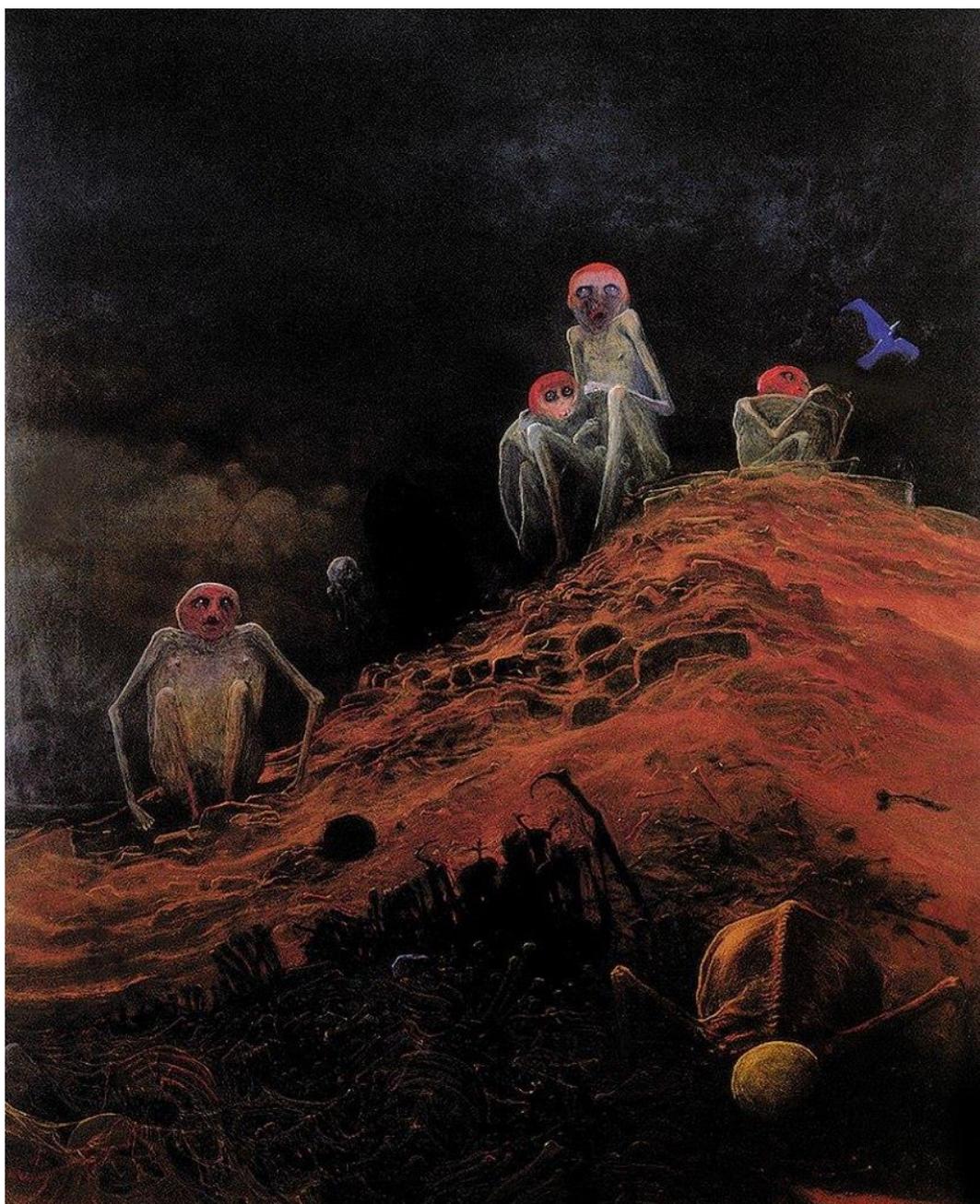
О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай (в этом месте адское сборище испустило отвратительный вой) и льющаяся кровь (здесь последовали душераздирающие вопли вперемешку со звуками, которым нет названия на земле), ты, что крадёшься в тени надгробий, (затем, после глубокого свистящего выдоха) ты, что приносишь смертным ужас и взамен берёшь кровь, (далее, вслед за короткими, сдавленными воплями, исшедшими из неисчислимого множества глоток) Горго, (и эхом повторенное) Мормо, (и затем в исступлении экстаза) тысячеликая луна, (и на выдохе, в сопровождении флейт) благоволи принять наши скромные подношения!

Г.Ф. Лавкрафт. Кошмар в Ред-Хуке

Перед нами не художественная интерпретация, а сам ад, показанный нам с кристальной ясностью и предельной объективностью. Господи, так оно и есть! Этот человек ничего не фантазировал и не романтизировал, он даже не пытается навязать нам болтушку из эфемерных мечтаний, но холодно и иронически показывает неизменный, механистический, крепко укоренённый мир кошмаров, который он видит целиком, ярко, точно и безошибочно. Один Бог знает, каким был этот мир и где Пикман подглядел своих богопротивных тварей, которые скачут, прыгают и ползают в нём; но каков бы ни был нечестивый источник его образов, одно ясно как день: Пикман был во всех смыслах в своих идеях и их воплощении неизменным, последовательным, почти убеждённым реалистом.

Г.Ф. Лавкрафт. Модель Пикмана

Во времени и пространстве, в реальности и видениях существуют крутые изломы, известные лишь духовидцам. Я неплохо знал Картера и подумал, что он нашёл способ забраться в эти лабиринты, но не мог сказать, вернётся или не вернётся он назад. Он хотел попасть в страну снов и тосковал по детским годам. Потом он отыскал ключ, и я почему-то сразу решил, что он сумел им воспользоваться. Когда мы увидимся, я непременно спрошу его об этом, ибо рассчитываю в скором времени встретиться с ним в городе снов, куда мы оба всю жизнь стремились. Ходят слухи, будто в Улгаре, что за рекой Скай, власть перешла к новому королю. Он восседает на опаловом троне в Илек-Ваде, сказочном городе, где башни стоят на стеклянных утёсах, нависая над сумрачным морем. Под ним бородатые гнорри с плавниками прорыли таинственные ходы, и мне кажется, я знаю, как объяснить этот слух. Мне бы очень хотелось взглянуть в большой серебряный ключ. Уверен, что в его загадочной арабеске спрятаны символы всех тайн безразличного Космоса.

Г.Ф. Лавкрафт. Серебряный ключ

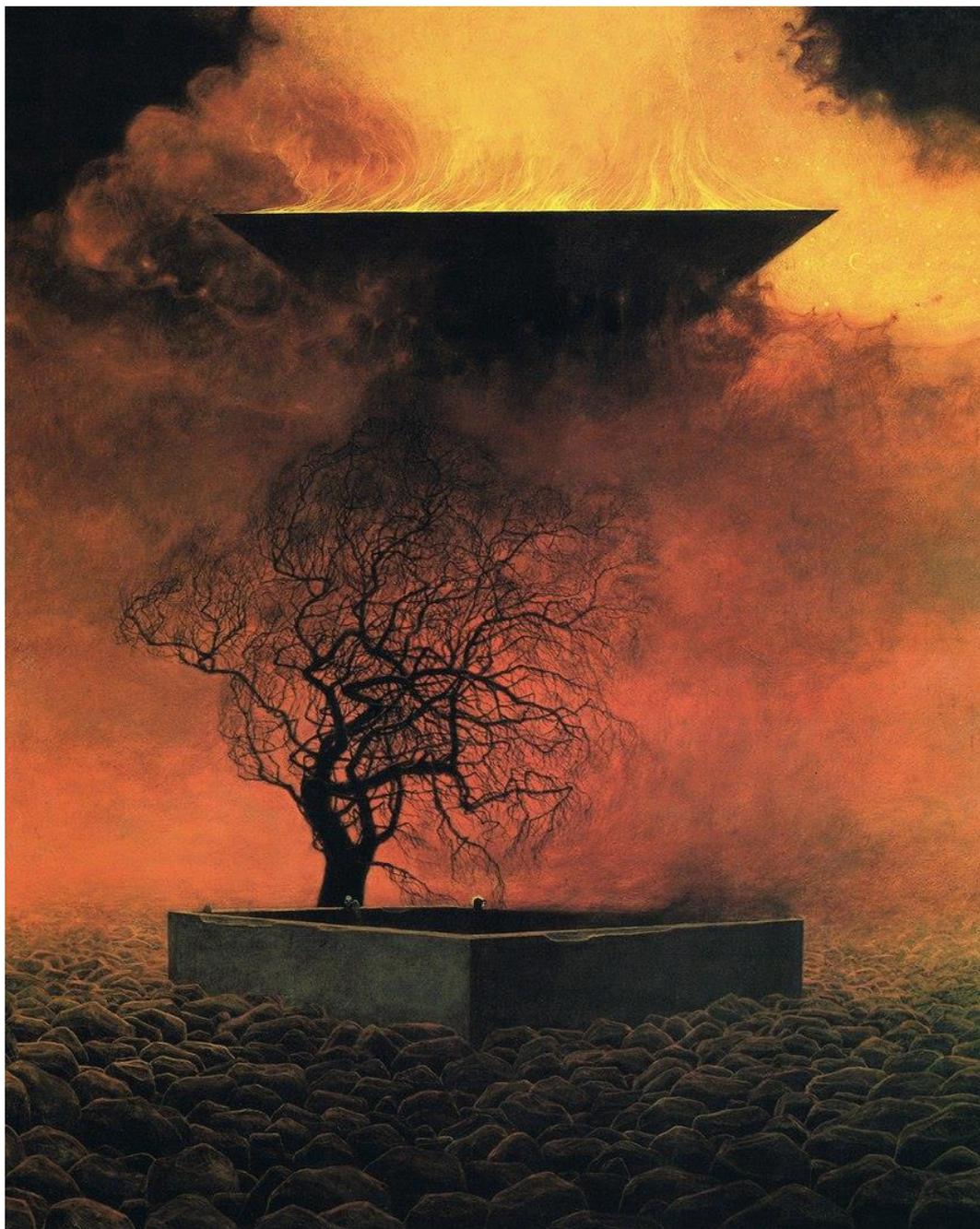
По утрам у скал за Кингспортом с моря поднимается туман. Белый и слоистый, он поднимается из морских глубин к своим собратьям-облакам, принося им видения подводных пастбищ и таинственных пещер Левиафана. Позднее частички этих видений возвращаются на землю вместе с бесшумными летними дождями, которые падают на островерхие крыши домов, где обитают поэты. Человеку в этой жизни трудно обойтись без тайн и старинных легенд, без тех сказочных историй, что по ночам нащёптывают друг другу планеты.

Г.Ф. Лавкрафт. Загадочный дом на туманном утёсе

Между тем исходивший из колодца столб света становился всё ярче и ярче, а в головах сбившихся в кучу дрожащих людей, напротив, всё более сгущалась тьма, рождая мрачные образы и роковые предчувствия, выходившие далеко за границы обычного человеческого сознания. Теперь сияние уже не исходило, а вырывалось из тёмных недр, бесшумно поднимаясь к нависшим тучам.

Г.Ф. Лавкрафт. Цвет из иных миров

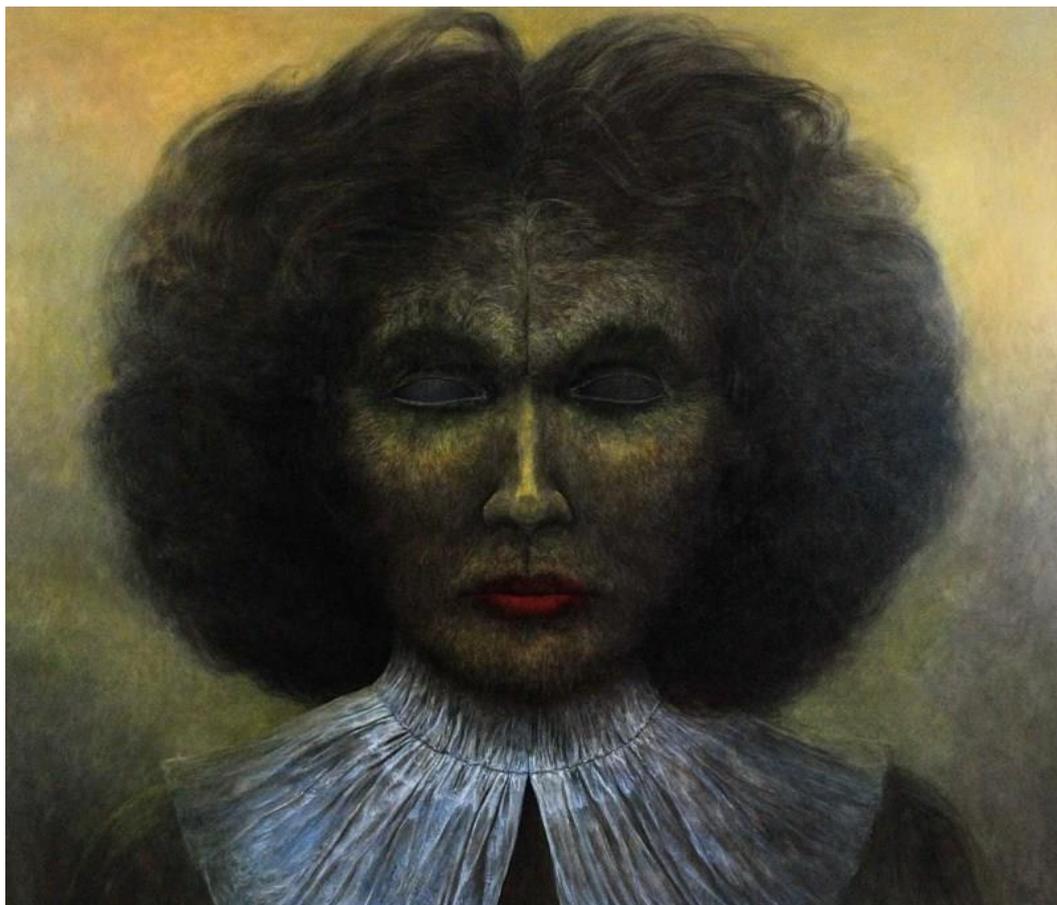
Ибо, несмотря на покой, принесённый мне забвением, я никогда не забываю о том, что я — изгой, странник в этом столетии и чужак для всех, кто пока ещё жив. Мне это стало ясно — раз и навсегда — с того момента, когда я протянул руку чудовищу в огромной позолоченной раме; протянул руку — и коснулся холодной и гладкой поверхности зеркала.

Г.Ф. Лавкрафт. Изгой

Самое необычное, впрочем, заключалось в достоверно подтверждённых случаях её воздействия на окружающих. Она, вне всякого сомнения, была настоящим гипнотизёром. Устремив странный немигающий взгляд на одноклассницу, она почти неизменно вызывала у последней отчётливое ощущение взаимообмена душами — точно её душа на мгновение переселялась в тело школьной волшебницы и получала способность взглянуть на своё собственное тело со стороны, при этом глаза невольной жертвы начинали сверкать и вылезать из орбит, принимая совершенно чуждое им выражение.

Г.Ф. Лавкрафт. Тварь на пороге

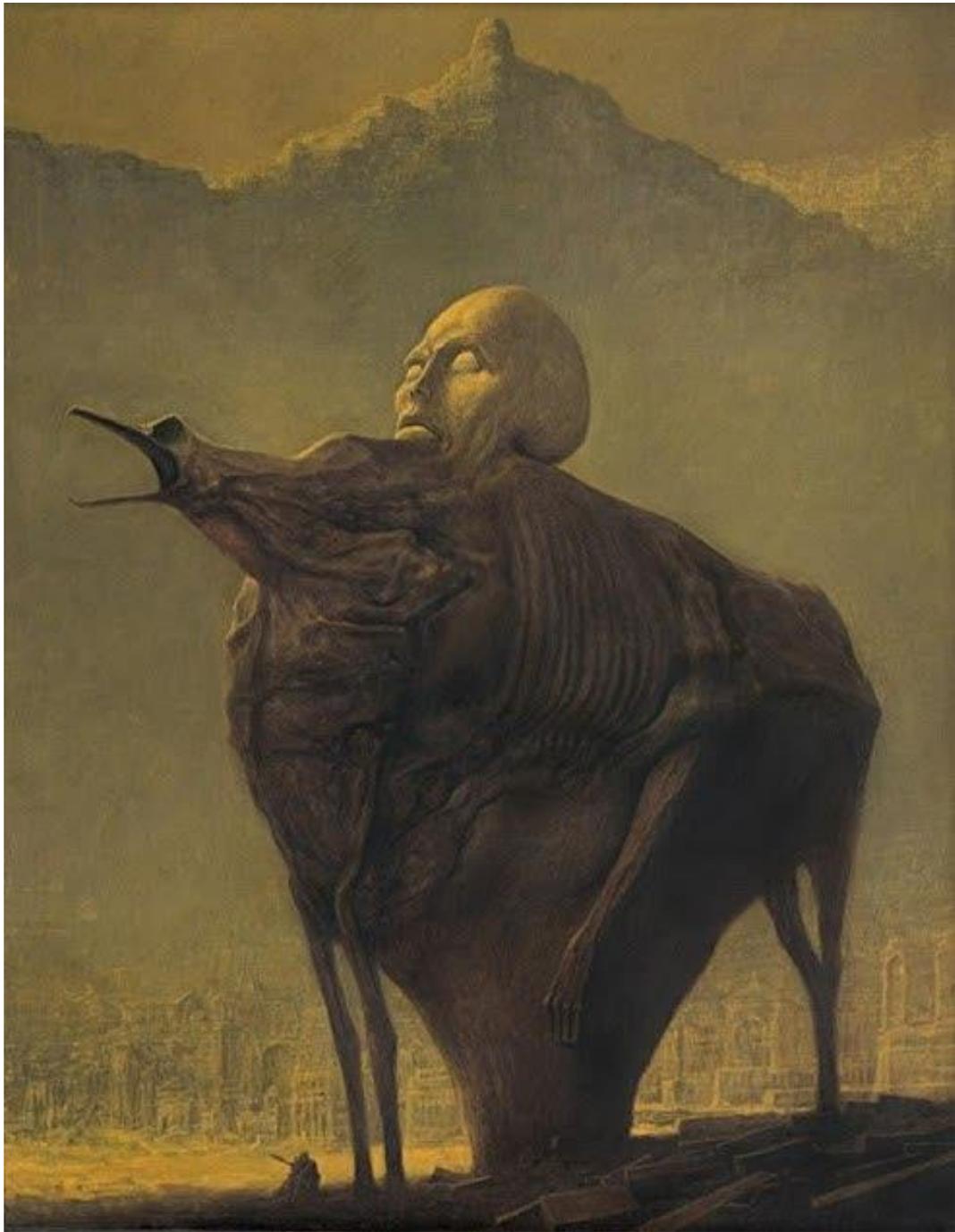

Не должно думать, ... что человек есть либо старейший, либо последний властелин на Земле и что жизнь есть только то, что ему ведомо. Нет же — Властители Древности пребудут ныне, присно и во веки веков. Не в пространствах, которые нам известны, но между ними ходят Они, неизменные в своём властном спокойствии, лишённые измерений и невидимые для нас. [...] Иногда по Их духу можно определить, что Они где-то рядом, но никому не дано даже представить себе полностью Их внешность, хотя некоторые из вас могут столкнуться с теми, кто ниспослан Ими в гущу рода человеческого; и на Земле можно встретить порою человекоподобных, отличных своею внешностью от классического человека, но и это не поможет вам создать в своём воображении Их истинный облик. Невидимые и смердящие, бродят Они в пустынных местах, где в нужную пору произносятся Слова и свершаются Обряды. Ветер носит Их голоса, и земля произносит Их откровения. Они сокрушают леса и уничтожают города, но ни лесу, ни городу никогда не дано увидеть поражающую их десницу.

Г.Ф. Лавкрафт. Данвический ужас

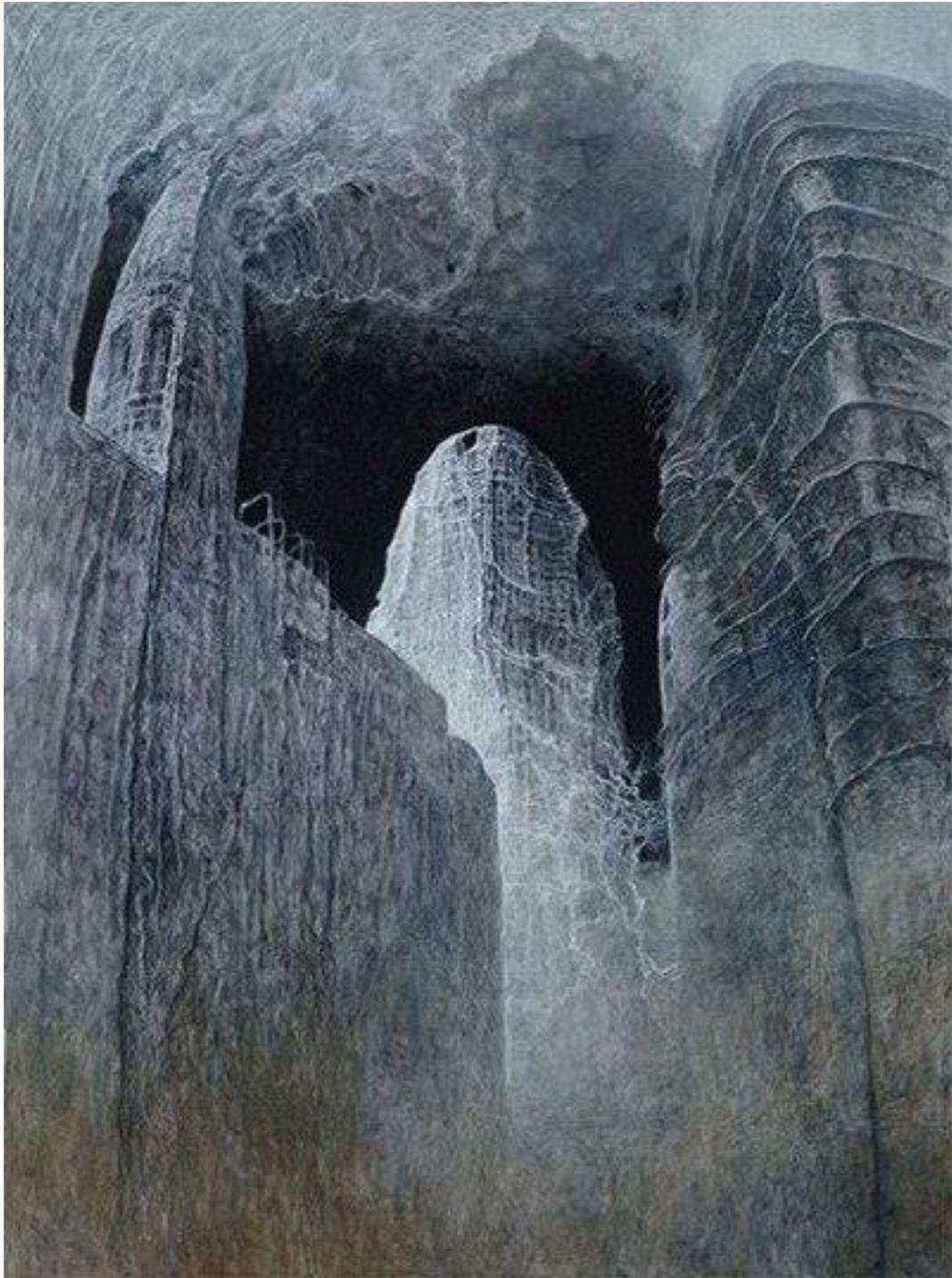

На Юготе есть величественные города; они обнесены гигантскими каскадами башен из чёрного камня — наподобие того, который так и не дошёл до вас с моей посылкой. Тот камень привезён на Землю с Югота. Солнечный свет на этой планете не ярче звёздного, но тамошним обитателям свет и не нужен. У них есть другие, более развитые органы чувств, и свои громадные дома и храмы они строят без окон. Свет им даже вреден — он мешает и сбивает с толку, потому что в чёрном космосе за пределами нашего пространства и времени, откуда они пришли, света вообще не существует. Впечатлительному человеку пребывание на Юготе грозит сумасшествием — но я всё равно еду. От одного взгляда на порожистые чёрные реки, протекающие под загадочными гигантскими мостами — а мосты эти возвели представители какой-то ещё более древней цивилизации, вымершей и преданной забвению до того, как пришельцы прибыли на Юггот из бездны мироздания, — всякий начнёт творить, как Данте или Эдгар По, если, конечно, сумеет остаться в здравом уме.

Г.Ф. Лавкрафт. Шепчущий во тьме

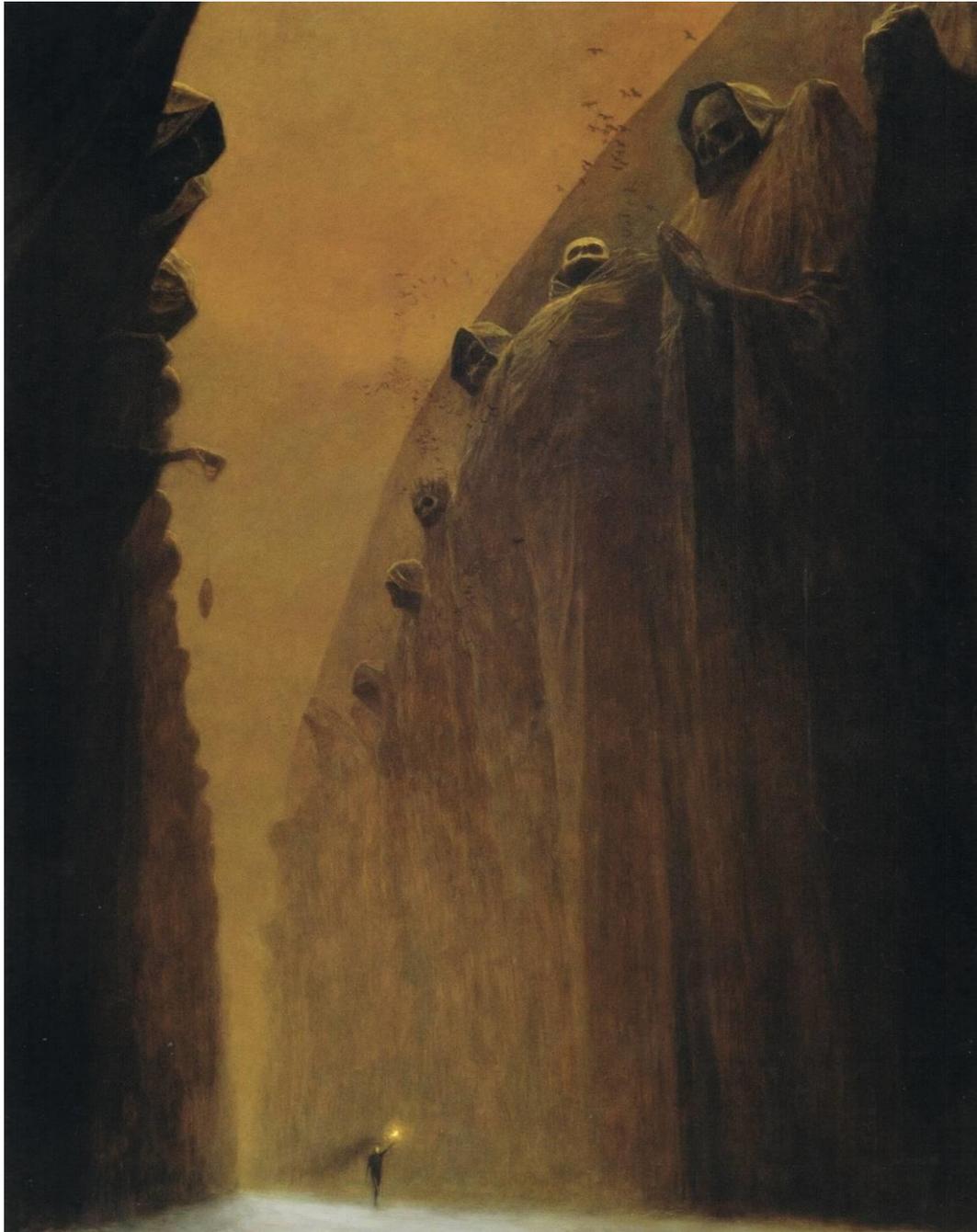
Дерзнувшие заглянуть за Преграду и принять Его в качестве Проводника ... совершают непоправимую ошибку, ибо, как сказано в Книге Тота, страшную цену придётся платить всего за один только взгляд. Ушедшим на ту сторону не суждено вернуться. Бесконечность за пределами этого мира населена призраками тьмы, от которых нет спасения. Они блуждают в ночи, где защитой от них не является даже Знак Древних; они незримо присутствуют у изголовья каждой могилы, питаются тем, что исходит оттуда. Но все эти призраки — ничто в сравнении со Стражем Ворот, ведущим безрассудных за пределы всех миров, во Всепоглощающую Бездну. Он — это Умр-ат-Тавил, старейший из Властителей Древности, именуемый также Продлившим Жизнь.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

Внезапно череда мелькающих картин сменилась более-менее устойчивым, хотя и несколько расплывчатым изображением. Перед ним вздымались каменные громады самых причудливых конфигураций, не подчинявшихся обычным законам геометрии. С неба, имевшего совершенно невообразимый оттенок, под разными углами струились потоки света, скользя по резным иероглифам на изогнутой шеренге гигантских шестигранных пьедесталов, которые были увенчаны какими-то покрытыми материей фигурами.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

Ещё одна фигура находилась не на пьедестале, а плыла над туманной поверхностью вдоль их подножий. В её постоянно изменяющихся очертаниях временами проглядывало отдалённое сходство с человеческими формами, при том что высотой она раза в полтора превосходила обычного человека. Как и фигуры на пьедесталах, она была закутана в покрывало из материи нейтрального цвета. Картер не заметил в покрывале никаких отверстий для глаз — возможно, этому существу они и не требовались, если его органы восприятия выходили за пределы сугубо физических чувств.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

И вот на поверхности каменной стены, к которой был всё так же прикован его взгляд, проступили очертания титанической арки, напоминавшей ту, что он видел давным-давно в пещере, в таком далёком и кажущемся теперь нереальным трёхмерном земном пространстве. С некоторым опозданием он обнаружил, что производит манипуляции с серебряным ключом, инстинктивно совершая ритуал вроде того, с помощью которого он открыл Первые Врата.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

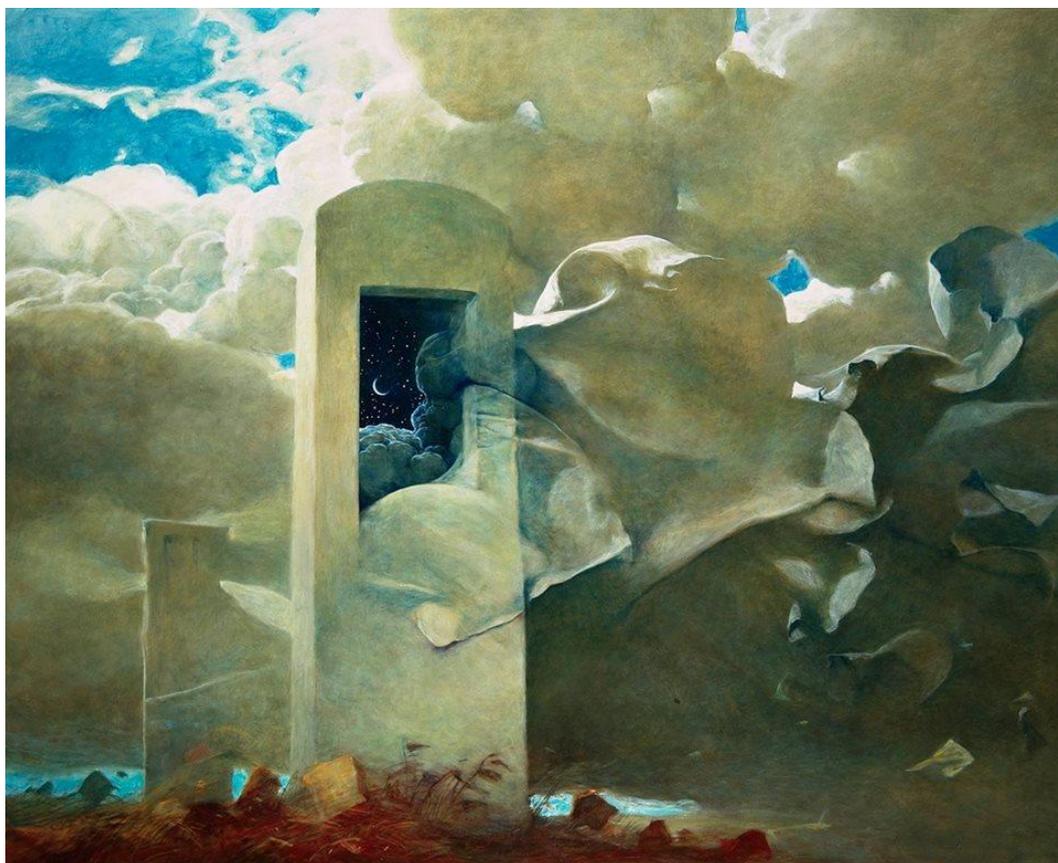
Ужас этот возрастал по мере осознания Картером всего, что с ним случилось. Дотоле самые страшные мгновения были испытаны им в ту ночь, когда двое при свете ущербной луны отправились на старое кладбище, откуда вернулся лишь один из них, — но тот страх не шёл ни в какое сравнение с этим. Ни смерть, ни душевные или физические муки не могут породить такого отчаяния, какое вызывает утрата собственной индивидуальности. Обратившись в ничто, мы обретаем забвение; но осознавать себя существующим, одновременно зная, что ты лишён собственного «я» и более не являешься единственным и неповторимым, чем-то отличным от всех других, — вот он, истинный апофеоз ужаса.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

Он осознал, что любая форма в пространстве образуется путём сечения какой-либо фигуры, существующей в большем количестве измерений. Так, квадрат является результатом сечения куба, а круг — результатом сечения сферы. В свою очередь, трёхмерные куб и сфера возникают при сечении четырёхмерных образов, известных людям лишь по догадкам и сновидениям; четырёхмерные создаются посредством сечения пятимерных — и так далее, вплоть до невообразимой бесконечности. Мир людей и земных богов это всего лишь низшее проявление ничтожно малой величины — трёхмерное сечение того, что расположено в области за Первыми Вратами, где Умр-ат-Тавил навеивает сны Властителям Древности. Люди именуют эту жалкую копию реальностью, при этом полагая нереальным многомерный оригинал, хотя на деле всё обстоит прямо противоположным образом. То, что мы считаем сущностью и реальностью, есть лишь иллюзия и призрак, тогда как истинной сущностью и реальностью является как раз то, что кажется нам призрачным и иллюзорным.

Г.Ф. Лавкрафт. Врата Серебряного Ключа

Поддавшись безотчётному инстинкту, он вновь перевёл взгляд на камень, и под его непостижимым влиянием у него в мозгу явилось туманное видение. Он увидел фигуры в клобуках, которые своим видом не походили на людей, и бескрайнюю пустыню, испещрённую высокими, до небес, резными каменными монолитами. Он увидел башни и стены в мрачных безднах под морским дном и круговерти пространств, где клочья чёрного тумана клубились на фоне холодного алого зарева. А позади всего этого он узрел бездонную пучину тьмы, где твёрдые и текучие формы можно было различить лишь по их воздушному кружению, и неосязаемые могучие силы, казалось, упорядочивали этот безграничный хаос и давали ключ ко всем парадоксам и тайнам ведомого нам мира.

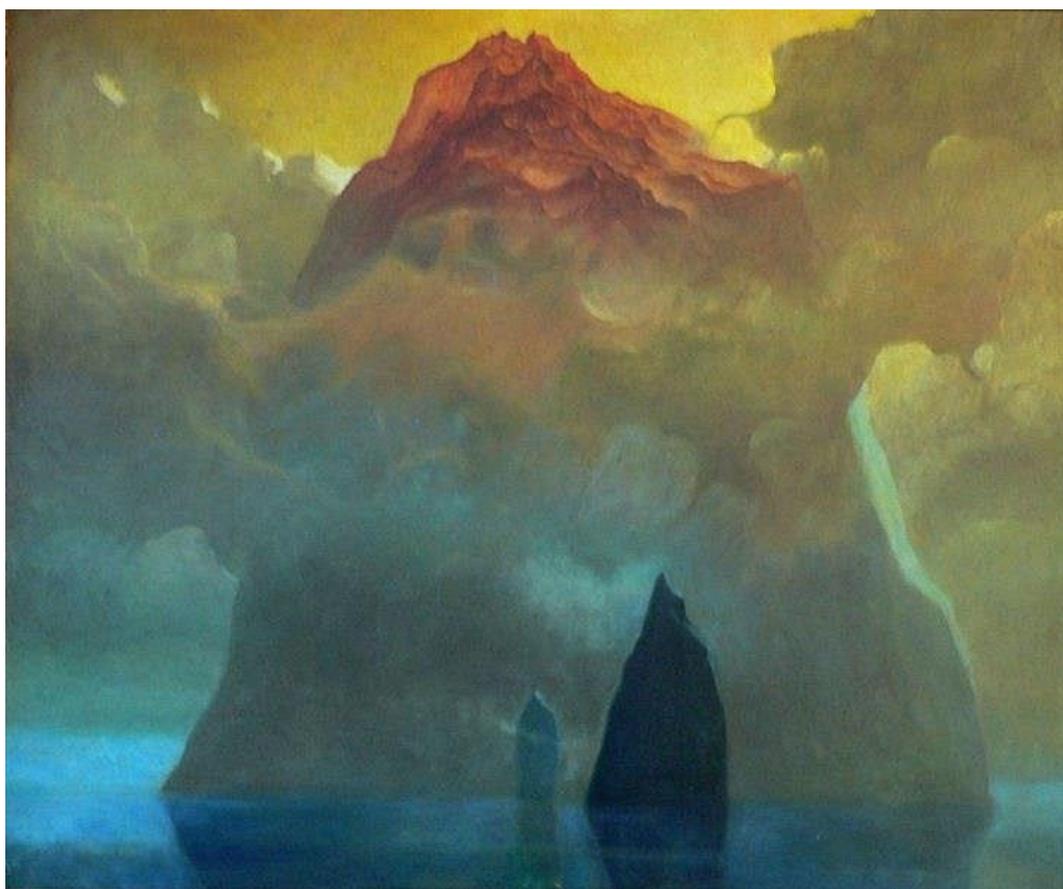
Г.Ф. Лавкрафт. Скиталец тьмы

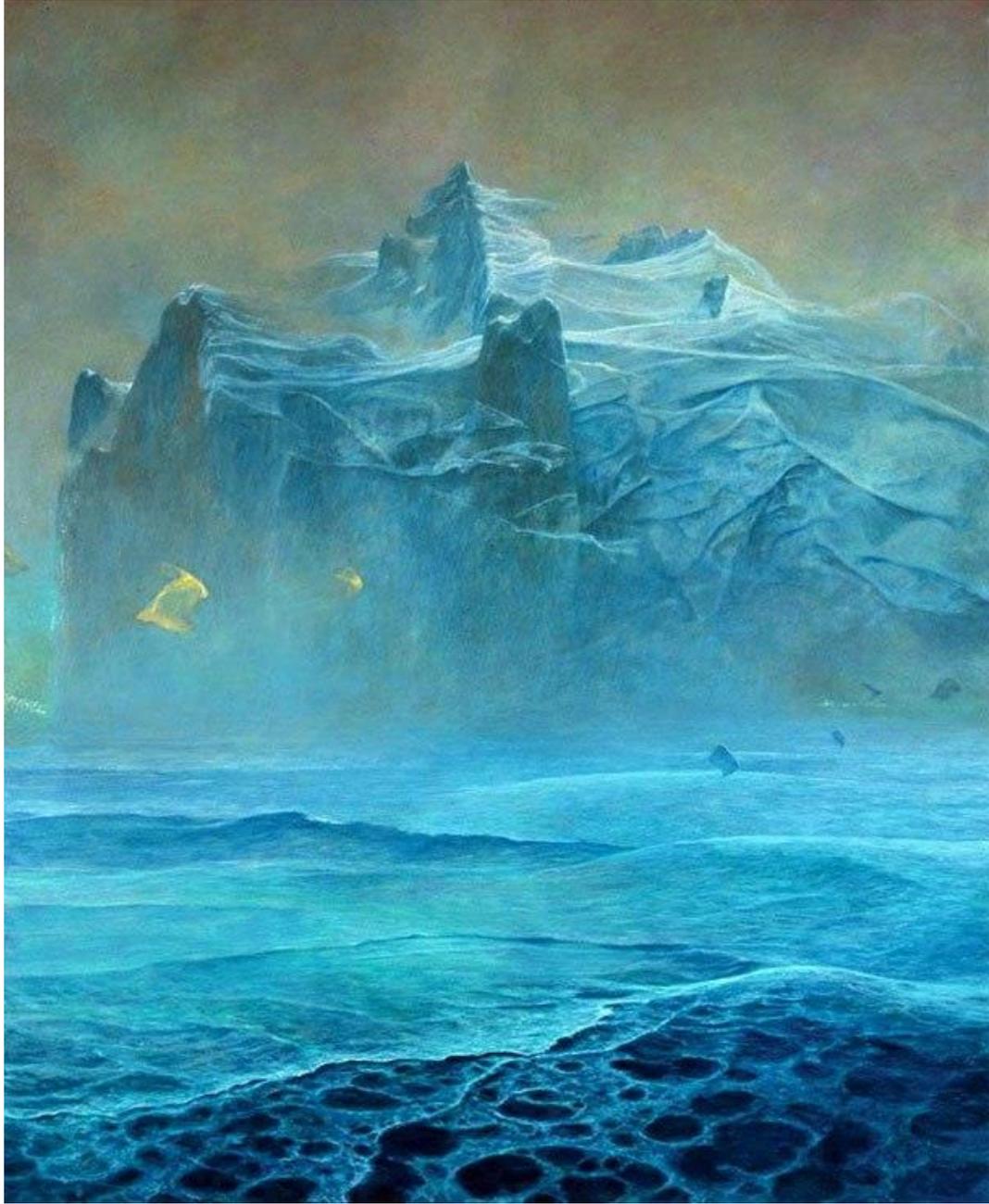

Когда на горизонте возник зубчатый силуэт овеянных магией пиков, первым его заметил моряк Ларсен; на его крики все бросились к окнам. Мы двигались с большой скоростью, однако силуэт выростал совсем незаметно, из чего можно было заключить, что горы находятся в огромном отдалении и видны только потому, что необычайно высоки. Но мало-помалу они грозно поднимались на западном небосклоне, и мы смогли разглядеть в отдельности их голые чёрные вершины и испытать удивительное ощущение нереальности при виде этой картины: залитые розоватым антарктическим светом горы на фоне переливающихся всеми цветами радуги облаков снежной пыли. Во всём этом постоянно и упорно чудилась некая ошеломляющая тайна, обещание будущих открытий, словно между кошмарных нагих шпилей открывались зловещие врата в заповедное царство снов, где мрачные бездны таили в себе отдалённые времена, пространства, иные измерения. Было трудно отделаться от чувства, что встретился с некой злой силой — хребтами безумия, дальние склоны которых обрываются в проклятую бездну, край земли. Бурливый, слабо светящийся фон из облаков казался чуждым земным пространствам, тая в себе невыразимый словами намёк на некую расплывчатую, бесплотную потусторонность и жуткое напоминание о полном одиночестве, пустоте и обособленности, о вековом мёртвом сне этого нехоженого и непознанного южного мира.

Г.Ф. Лавкрафт. Хребты безумия

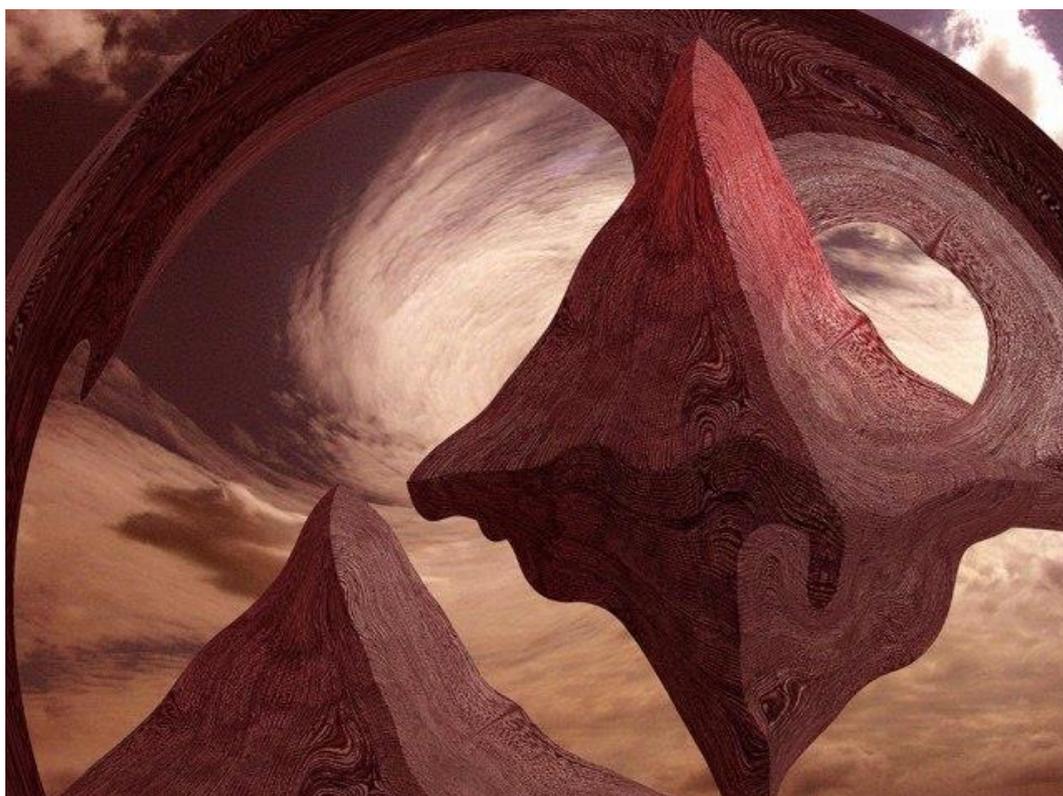
Не столь удивительной, но всё же загадкой были странные пещеры, рядом с которыми особенно изобиловали те самые выступы — их входы тоже поражали правильностью формы. Как сообщал прежде Лейк, они были близки к прямоугольнику или полукругу, словно природное отверстие было расширено и выправлено рукой волшебника. Бросалось в глаза, что их много и разбросаны они повсюду; предположительно, известняковые слои сплошь были изрыты туннелями, образовавшимися в результате растворения породы. В самую глубь пещер мы заглянуть не могли, но вроде бы сталактитов и сталагмитов там не было. Склоны вокруг отверстий были сплошь ровные и гладкие, и Данфорту показалось, что мелкие щербины и трещины на них складываются в необычные узоры.

Г.Ф. Лавкрафт. Хребты безумия

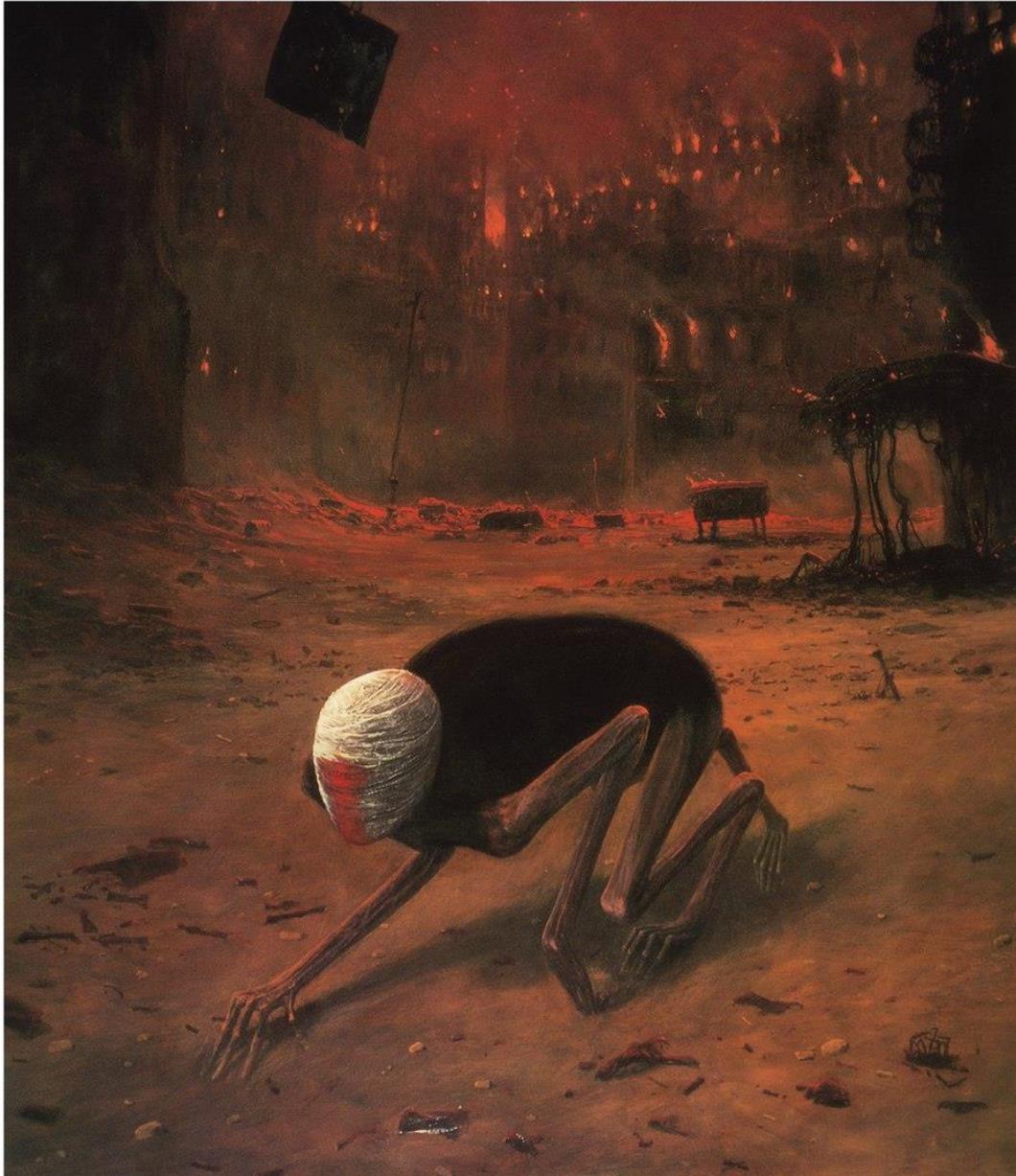
Мы стояли в туннеле, и из его пятнадцатифутового поперечника, как гной из свища, выдавливалась кошмарная пластичная масса — чёрная, переливчатая, вонючая. Немилосердно набирая скорость, она гнала перед собой вновь сгущавшуюся спираль бледных подземных испарений. Крупнее любого поезда метро, эта жуткая, неопишущая тварь состояла из бесформенной, пузырящейся протоплазмы; по слабо светящейся передней поверхности перебегали с места на место бесчисленные зеленоватые огоньки — это выскакивали там и сям, как прыщи, временные глаза. Давя по пути обезумевших от страха пингвинов, чудовище скользило к нам по полу, который оно и ему подобные давно превратили в гладкое зеркало. И вновь леденящий душу, глумливый крик: «Текели-ли! Текели-ли!»

Г.Ф. Лавкрафт. Хребты безумия

Трудно сказать, почему вид этого существа, каким бы уродливым оно ни было, мог так потрясти его. Возможно, определённые формы способны внушать необъяснимый ужас, пробуждая древние, таящиеся в подсознании инстинкты, — словно исчезает на миг спасительное покрывало, и человек остаётся один на один с непознаваемыми вселенскими силами, с тем неизвестным, что доселе скрывали от него спасительные иллюзии здравого смысла.... Природа никогда не создавала чего-либо подобного: создание выглядело как бы незавершённым, словно некий безумец слепил его из частей, не подходящих друг к другу.

Г.Ф. Лавкрафт. История Чарльза Декстера Варда

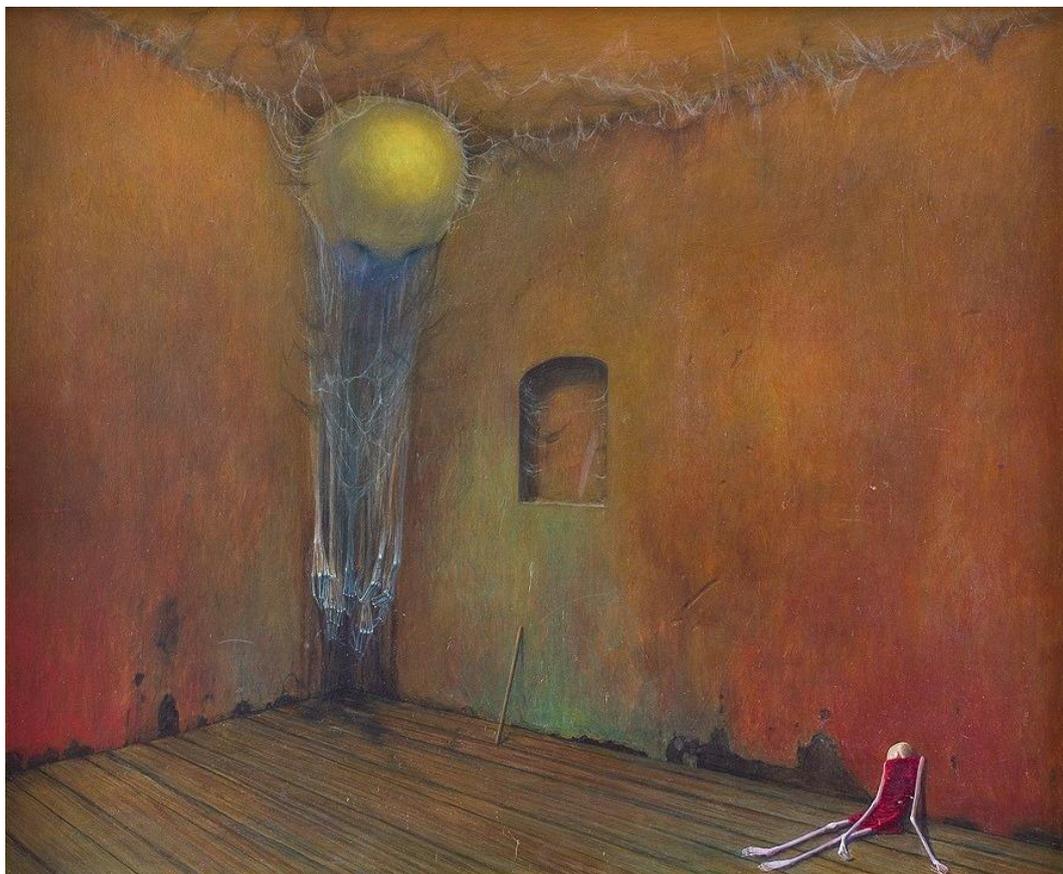
Пропасти ночных видений отнюдь не пустовали — они были заполнены скоплениями какого-то вещества совершенно невероятной формы и неестественно резкой окраски: некоторые из них имели, видимо, органическую природу, другие — явно неорганическую. Несколько таких органических предметов, казалось, вызывали у него смутные воспоминания о чём-то, но Джилмен не мог дать себе ясный отчёт, на что, собственно, могут с таким ехидством намекать ему эти ночные образы. Позже он разделил для себя массу органических объектов на несколько групп, явно отличных друг от друга по способу и характеру перемещения. Из всех этих групп особенно выделялась одна, включавшая предметы, чьи движения казались более осмысленными и поддающимися логике, чем это было присуще остальным. И всё же эти странные предметы — равно органического и неорганического происхождения — совершенно не укладывались в рамки категорий человеческого разума. Неорганические предметы иногда имели определённое сходство то с разнообразными призмами, то с какими-то лабиринтами, нагромождениями кубов и плоскостей, даже с циклопическими постройками; среди органических объектов Джилмен с удивлением находил и простые скопления каких-то пузырей, и некие подобия осьминогов и многоножек, и оживших индусских идолов, и, наконец, отвлечённые узоры, изысканные линии которых, переливаясь, переходили одна в другую, составляя нечто вроде тела огромной змеи.

Г.Ф. Лавкрафт. Сны в ведьмином доме

Такие сны обычно предшествовали погружению в более глубокое и страшное забвение. Лёжа в темноте и борясь со сном, Джилмен обычно замечал, как его ветхую комнатку постепенно заполняет облако мягкого, искристого, как бы отражённого света, и тогда в фиолетовой дымке отчётливо проступает угол между наклонной стеной и потолком, так настойчиво привлекавший к себе его внимание в последнее время.

Г.Ф. Лавкрафт. Сны в ведьмином доме

Очевидцы рассказывали, что зверёк покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Говорили также, что мерзкая тварь выполняет у старой Кеции обязанности посыльного к дьяволу, а питается она якобы кровью самой ведьмы, подобно тому как это делают вампиры. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но при всём том оно свободно изъясняется на всех известных языках. Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспалённый мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без усталости сновившая в его видениях.

Г.Ф. Лавкрафт. Сны в ведьмином доме

Всё, что я слышал о заброшенном доме в детстве, сводилось к необыкновенно большому количеству людей, которые в нём умерли. Именно это обстоятельство якобы и заставило первых владельцев покинуть дом лет через двадцать после того, как он был построен. Причиной смертей, скорее всего, была нездоровая атмосфера, обусловленная сыростью и погаными наростами в подвале, всепроникающим тошнотворным запахом, сквозняками или, наконец, недоброкачественной водой. Любого из перечисленных факторов было бы вполне достаточно, а дальше таких предположений никто из моих знакомых не шёл.

Г.Ф. Лавкрафт. Заброшенный дом

Но то, что я увидел, превзошло худшие из моих страхов. Существуют ужасы ужасов, и это была одна из тех квинтэссенций всего доступного воображению кошмара, которые космос приберегает для наказания самых проклятых и несчастных. Над оккупированной грибами почвой поднималось парообразное свечение, жёлтое и болезненное; оно пузырилось и плескалось, образуя гигантскую фигуру с расплывчатыми очертаниями получело-века-полузверя, через которую я различал дымоход и очаг. Фигура словно глядела на меня плотоядным и дразнящим взглядом, а её складчатая, как у насекомого, голова вверху истончалась в струйку, которая зловонно вилась и клубилась и в конце концов исчезала в недрах дымохода.

Г.Ф. Лавкрафт. Зброшенний дом

Касательно же самих инсмутцев, молодой человек едва ли знал и мог объяснить, что с ними сделалось. [...] Они, кажется, объединены в своего рода замкнутое товарищество, презиращее мир, будто они одни имеют доступ к иным, более предпочтительным сферам бытия. Их внешность — особенно эти немигающие глаза, которых они, кажется, никогда не закрывают, — не может не шокировать посторонних; а голоса их просто омерзительны. Жутко слышать по ночам эти их песнопения в церквах, особенно во время их главных празднеств, которые проводятся дважды в год — тридцатого апреля и тридцать первого октября.

Г.Ф. Лавкрафт. Морок над Инсмутом

Время крайних степеней ужаса миновало, и вместо страха перед неизведанными морскими глубинами я начал испытывать головокружительное влечение к ним. Я совершал во сне удивительные вещи и, пробуждаясь, вспоминал эти сновидения уже не со страхом, а с чем-то вроде восторга. Не думаю, что мне надо ждать полной перемены, как её ожидало большинство. [...] Изумительные и неслыханные роскошества ожидают меня внизу, и очень скоро я их увижу. [...] Мы поплывём к темнеющему в океане рифу и сквозь чёрные пучины уйдём вниз, к циклопическому и многоколонному Й'ха-нтхлей, в это пристанище Морских Существ, где мы будем жить вечно среди великих красот и чудес.

Г.Ф. Лавкрафт. Морок над Инсмутом

Я увидел бесконечные ряды окружённых садами монументальных строений, протянувшиеся вдоль мощёных улиц, каждая шириною в добрых две-сти футов. Здания сильно отличались одно от другого по внешнему облику, но редко какое из них не достигало пятисот футов в поперечнике и тысячи футов в высоту. Иные простирались на несколько тысяч футов по фасаду, а иные врезались вершинами в серые пасмурные небеса. Всё это было построено из камня или бетона с использованием того самого изогнутого ти-па кладки, что был отмечен мною ещё в самом начале. Крыши были плоскими, часто с небольшими садами на них и почти всегда с зубчатыми парапетами.

Г.Ф. Лавкрафт. За гранью времён

Впервые мы увидели один из каменных блоков в понедельник третьего июня. Не могу передать то ощущение, с каким я прикоснулся — в реальной действительности — к огромному куску гранита, во всех деталях схожему с элементами циклопических стен, столько раз являвшихся мне в сновидениях. На камне явно проступали следы резных украшений, и руки мои дрожали, дотрагиваясь до этих линий, в которых я безошибочно узнавал криволинейные иероглифы, вернувшиеся в мой мир со страниц древних мифов и из многолетних ночных кошмаров.

Г.Ф. Лавкрафт. За гранью времён

Местом действия было старое кладбище, настолько старое, что я затрепетал, глядя на многообразные приметы вековой древности. Находилось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, бурьяном и причудливо стелющимися травами. Неприятный запах, наполнявший лощину, абсурдным образом связался в моём праздном воображении с гниющим камнем. Со всех сторон нас обступали дряхлость и запустение, и меня не отпускала мысль, что мы с Уорреном — первые живые существа, нарушившие многовековое могильное безмолвие.

Г.Ф. Лавкрафт. Показания Рэндольфа Картера

Трижды Рэндольфу Картеру снился этот чудесный город и трижды его вырывали из сна, когда он стоял неподвижно на высокой базальтовой террасе. Весь в золоте, дивный город сиял в лучах закатного солнца, освещавшего стены, храмы, колоннады и арочные мосты, сложенные из мрамора с прожилками, фонтаны с радужными струями посреди серебряных бассейнов на просторных площадях и в благоуханных садах; широкие улицы, тянущиеся между хрупкими деревьями, мраморными вазами с цветами и статуями из слоновой кости, что выстроились сверкающими рядами; а вверх по крутым северным склонам карабкались уступами вереницы черепичных крыш и старинные остроконечные фронтоны — вдоль узких, мощённых мшистой брусчаткой переулков.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

... а напоследок их ожидал несказанный ужас, который невыразимо бормотал что-то из-за пределов стройного космоса — оттуда, куда не достигают наши сны; тот последний бесформенный кошмар в средоточии хаоса, который богомерзко клубится и бурлит в самом центре бесконечности — безграничный султан демонов Азатот, имя которого не осмелятся произнести ничьи уста, кто жадно жуёт в непостижимых, тёмных покоях вне времени под глухую, сводящую с ума жуткую дробь барабанов и тихие монотонные всхлипы проклятых флейт ...

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнамбулический поиск неведомого Кадата

... под чей мерзкий грохот и протяжное дудение медленно, неуклюже и причудливо пляшут гигантские Абсолютные боги, безглазые, безгласные, мрачные, безумные Иные боги, чей дух и посланник — ползучий хаос Ньярлатхотеп.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

А к вечеру одиннадцатого дня плавания они увидели остров Ориаб и Нгранек, взметнувший в небо свой зубчатый снежный пик. Ориаб — огромный остров, а его порт Бахарна — большой шумный город. За выложенными из порфира причалами Бахарны величественными каменными террасами поднимается город со ступенчатыми улицами, над которыми нередко высятся арки домов и мосты между домами. Под городом протекает широкий канал в туннеле с гранитными воротами; воды канала бегут в глубь суши к озеру Ят, на чьём дальнем берегу лежат кирпичные руины древнего города, имя которого никто не помнит.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

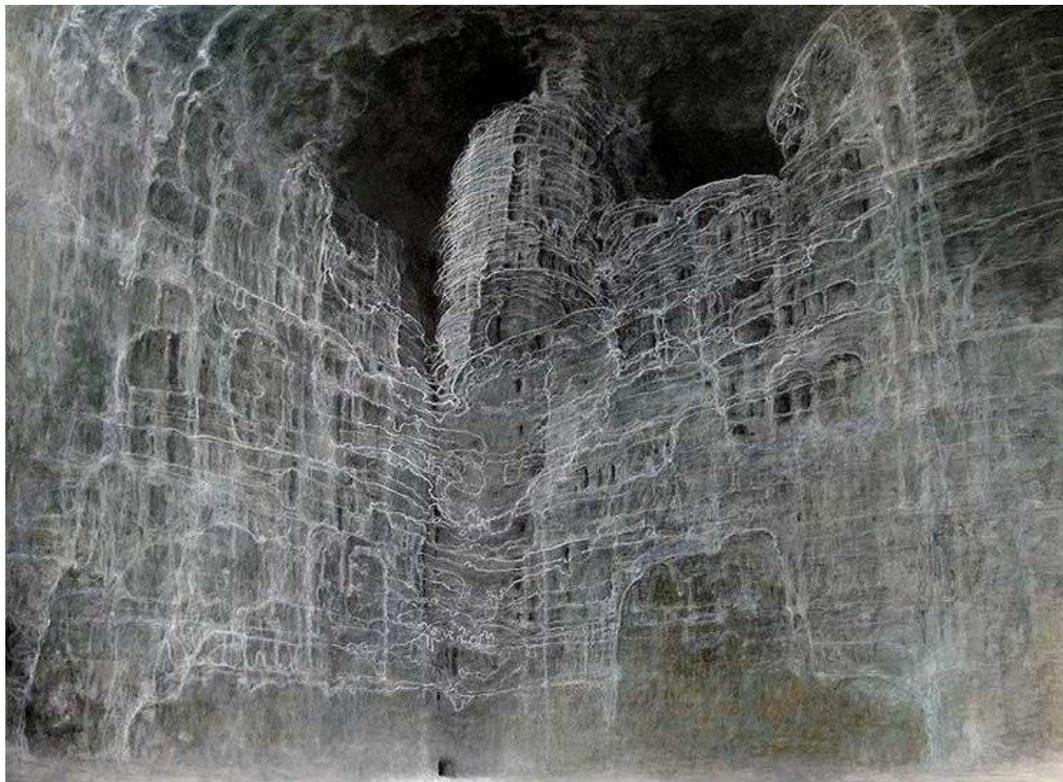
Ужасным и грозным казался этот резной лик, озарённый всполохами закатного солнца. Его исполинские размеры были непостижимы, но Картер тотчас понял, что человек никогда бы не сумел высечь в камне ничего подобного. Это было изображение бога, высеченное руками богов, и его очи надменно и гордо взирали с высоты на искателя. Предания утверждали, что каменный лик настолько необычен, что его нельзя ни с чем спутать, и Картер понял, что предания не лгали, ибо длинные узкие глаза, и длинные мочки ушей, и тонкий нос, и выпяченный подбородок — всё выказывало принадлежность к роду не человеческому, но божественному.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

Наконец далеко внизу обозначились бледные очертания серых гигантских вершин, которые, как он сразу понял, были легендарными пиками Трока. Ужасные и зловещие, они высились в мрачном колодце бессолнечной вечной бездны, вздымаясь выше, чем дано постичь человеку, стоя на страже ужасных долин, где ползают и роют свои норы отвратительные долы.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнамбулический поиск неведомого Кадата

Он был голым и скользким, и в чертах его лица появились настолько явные черты сходства с упырым племенем, что его человеческое происхождение стало неопознаваемым. [...] тварь глубоко задумалась, ибо упыри бодрствующего мира не промышляют на кладбищах верхнего сновидческого мира (оставляя их красноногим вампирам, обитающим в мёртвых городах), и на пути между их владениями и зачарованным лесом таится много опасных препятствий, в том числе и ужасное царство гугов.

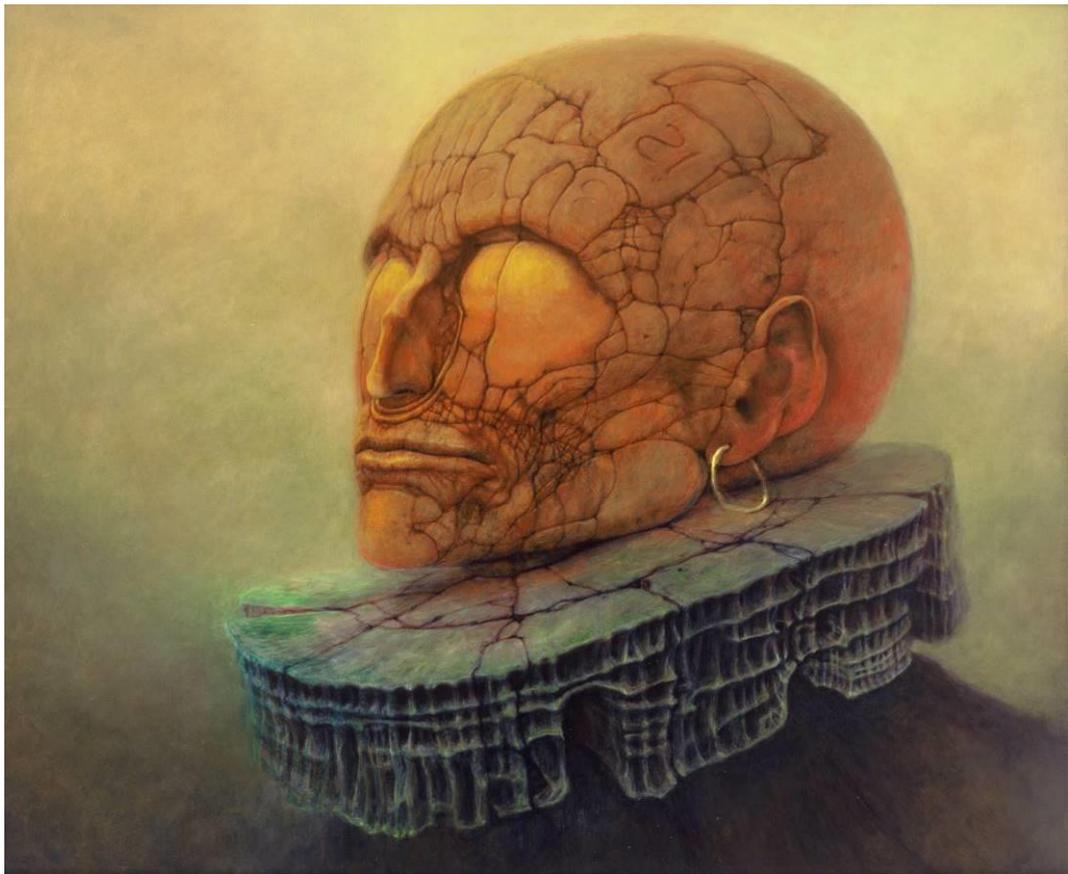
Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

В дальнем углу зала высилась каменная кафедра, к которой вели пять ступеней, и там на золотом троне восседала массивная фигура в жёлтом шёлковом одеянии, испещрённом красными узорами, и в жёлтой шёлковой маске на лице. Этому существу косоглазый купец сделал рукой некие знаки, и сидящий во тьме поднял мерзкого вида резную флейту из слоновой кости, которую зажимал в лапах, облачённых в шелка, и, приложив её к жёлтой маске, выдул несколько отвратительных звуков ... восседающая на кафедре тварь, вне всякого сомнения, и есть неопикуемый верховный жрец, о котором идёт самая невероятная и пугающая молва, но он устранился даже предположить, кем же этот чудовищный верховный жрец может быть.

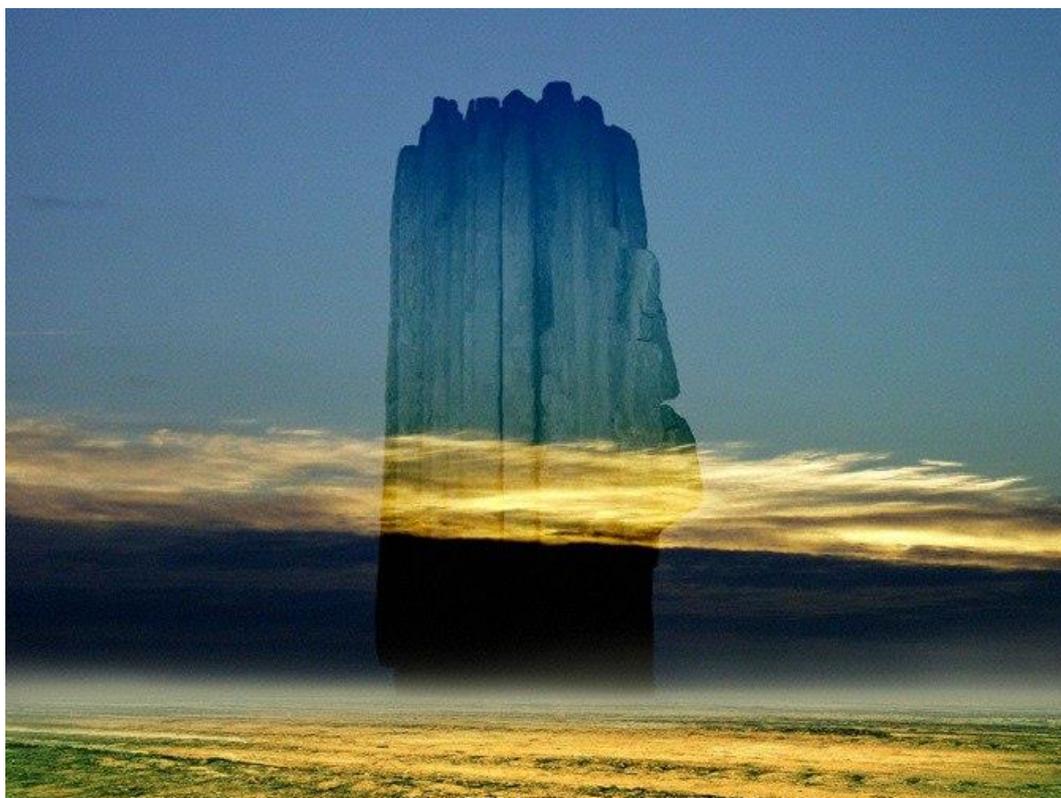
Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

Зарево поднималось всё выше и выше, и всё громаднее и громаднее растекалась тьма под ним, пока циклопический тёмный конус не затмил полнеба в северной стороне. И хотя крылатая армия летела очень высоко, бледный зловещий маяк сиял ещё выше, нависая чудовищной массой над горными пиками и равнинами земли, точно пробуя на вкус пустой эфир, где вращались таинственная Луна и безумные планеты. Никто из людей ещё не видел подобной исполинской горы, что темнела прямо перед ними. Тяжёлые облака внизу окаймляли лишь её подножие, а головокружительные вихри верхних слоёв воздуха служили лишь поясом на её чреслах. Мрачным призраком вздымался этот мост между землёй и небом, чёрный в вечной ночи, увенчанный венцом неведомых звёзд, и его устрашающие и могучие очертания с каждым мгновением становились всё чётче и чётче.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

Сумрачные башни чёрного замка становились всё больше и больше, и Картер ощутил всю греховную мерзость их исполинской безмерности. Несомненно, глыбы, из коих замок был сложен, добывались безымянными каменотёсами в той самой чудовищной каменоломне на горном перевале к северу от Инкуанока. Ибо его размеры были таковы, что стоящий на ступенях этой высочайшей цитадели земли человек оказывался вровень с пустым эфиром.

Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

Смотри! Вон в окне сияют звёзды вечной ночи. Даже сейчас они освещают пейзажи, которые ты так любил и лелеял в памяти, и впитывают их очарование, чтобы сиять ещё ярче над садами снов. Это Антарес — видишь, он подмигивает крышам на Тремонт-стрит, ты мог видеть его из окна отчего дома на Бикон-хилл. А позади этих звёзд простираются бездны, из которых меня прислали мои повелители. Настанет день, и ты тоже сможешь посетить их, но надеюсь, тебе достанет мудрости не совершать подобного безумного поступка, ибо из тех смертных, кто побывал там и вернулся, лишь одному удалось сохранить ясный разум и спасти его от ужасных грохочущих тварей вечной пустоты.

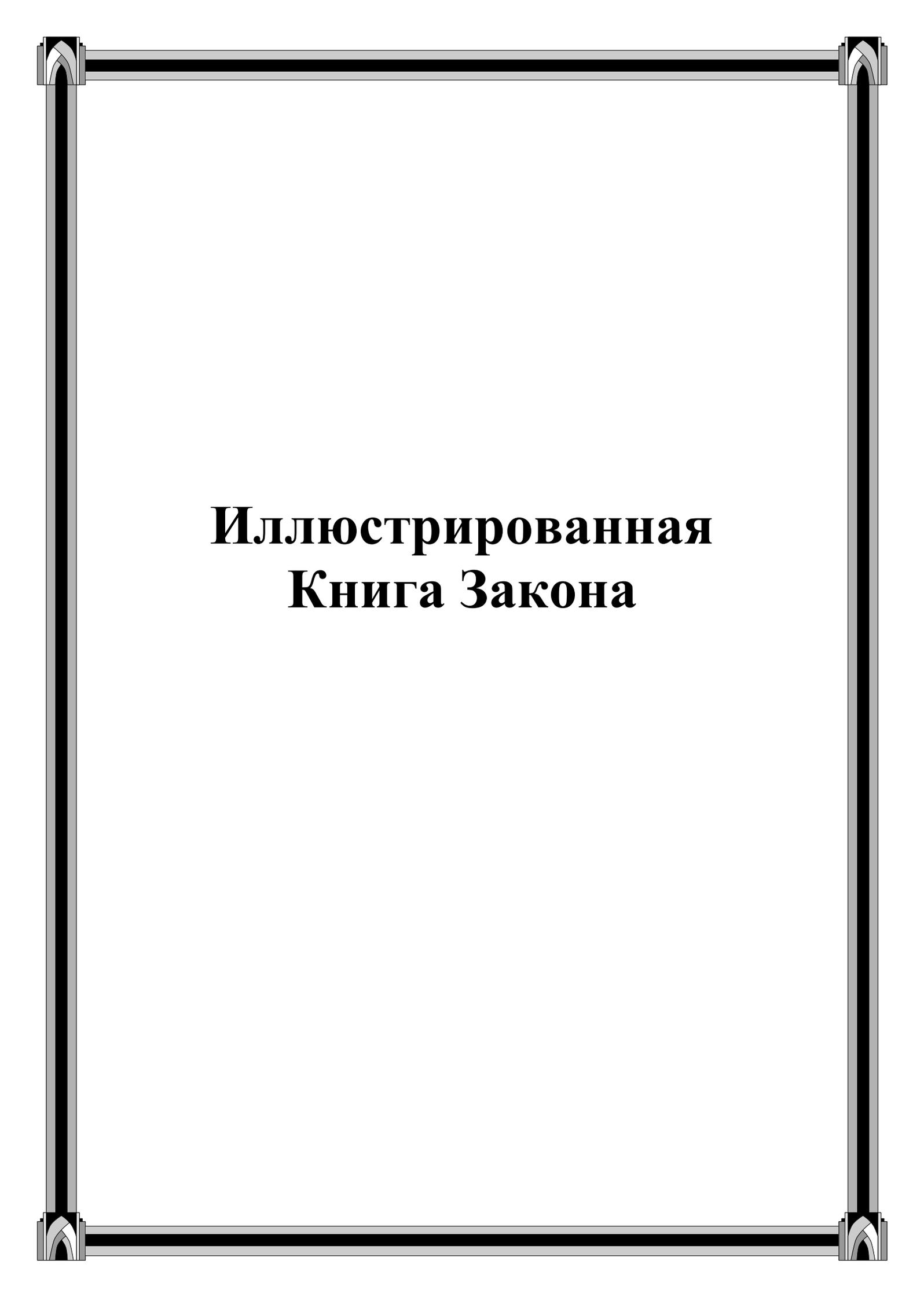
Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

А далеко-далеко, за Вратами Глубокого Сна, за зачарованным лесом и садами, за Серенарианским морем и за сумеречными просторами Инкуанока, ползучий хаос Ньярлатхотеп задумчиво вошёл в онисовый замок на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне и принялся надменно упрекать добрых богов Земли, чьё упоительное веселье в чудесном закатном городе он так грубо прервал.

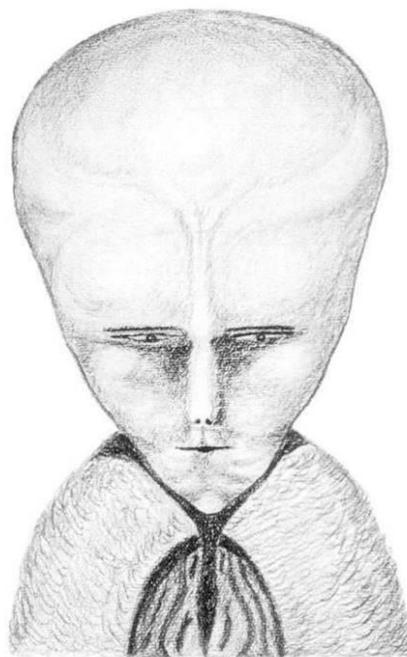
Г.Ф. Лавкрафт. Сомнабулический поиск неведомого Кадата

**Иллюстрированная
Книга Закона**

**Текст: Алистер (Эдвард Александр) Кроули
(1875-1947) & Айвасс**

Образы: Здзислав Бексиньский (1929-2005)

**LIBER AL vel LEGIS
SUB FIGURA CCXX**

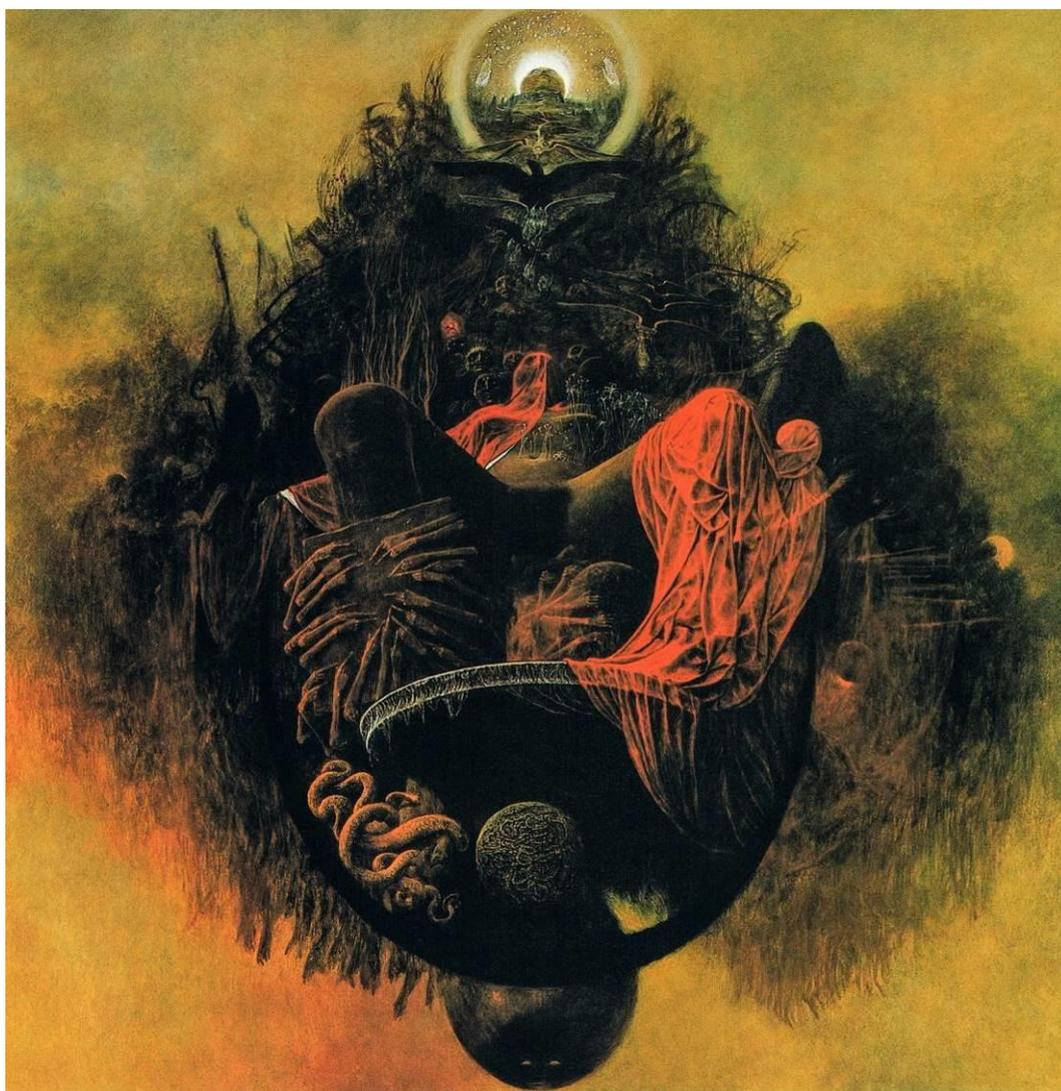
**В ТОМ ВИДЕ,
В КАКОМ ХСІІІ=418
ВРУЧИЛ ЕЁ DCLXVI**

© Перевод: Анна Блейз, 2009.

Глава I

1. Хад! Явление Нуит.
2. Разоблачение сонма небес.
3. Каждый мужчина и каждая женщина — звезда.
4. Каждое число — бесконечность; различий нет.
5. Помоги мне, о воин, владыка Фив, в разоблаченье моём пред Детьми человеческими!
6. Будь Хадитом, сокровенным средоточием моим, моим сердцем и моим языком!
7. Узри! это открыто Айвассом, служителем Хор-пар-крата.
8. Хабс пребывает в Ху, а не Ху — в Хабс.
9. Поклоняйся же Хабс и узри мой свет, излившийся на тебя!

10. Да будут слуги мои немногочисленны и сокрыты; они будут править многими и известными.

11. То глупцы, которым поклоняются люди; и Боги их, и люди их — глупцы.

12. Выйдите, о дети, под звёзды, и досыта вкусите любви!

13. Я — над вами и в вас. Моё блаженство — в вашем. Радость моя — видеть вашу радость.

14. В лазури, блещущей звёздами, Нагая слава Нут разлита: Склонясь в экстазе, льнёт устами К сокрытым пламенам Хадита. Крылатый шар и звёздные миры, О Анх-эф-на-Хонсу, — мои дары!

15. Знайте же, что избранный жрец и посланник бесконечного пространства есть Зверь, жрец из рода царского; и в жене его, именуемой Багряной Женой, дана вся власть. Они соберут детей моих в лоно своё; они принесут сияние звёзд в сердца человек.

16. Ибо вовеки он — солнце, она же — луна. Но для него — крылатое тайное пламя, а для неё — звёздный свет, нисходящий с высот.

17. Вы же не избраны так.
18. Пылай на челе их, о блистающий змей!
19. О лазурновекая жена, склонись над ними!
20. В тайном слове, что я вручила ему, — ключ к ритуалам.
21. Там, где есть Бог и Поклоняющийся, я — ничто; они не видят меня. Они — как на земле; я же — Небо, и нет другого Бога, кроме меня и господина моего, Хадита.

22. Итак, вам я известна под именем моим Нуит, ему же — под именем тайным, кое вручу я ему, когда наконец он познает меня. Так как я — Бесконечное Пространство и Бесчисленные Звёзды в нём, то и вы поступайте так же. Не связывайте! Да не будет различий средь вас между всякою вещью и всякою вещью другою; ибо от этого — вред.

23. Преуспевший же в этом да будет главой надо всем!

24. Я — Нуит, и слово моё — шесть и пятьдесят.

25. Раздели, сложи, умножь и пойми.

26. Промолвил тогда пророк и раб сей прекрасной: «Кто я, и что будет знаком?» И склонилась она лучезарным огнём синевы, всё объемлющим, проникающим всюду: прелестные руки её — на чёрной земле, и гибкое тело её изогнулось дугой для любви, и нежные стопы её не сминают и малых цветов; — и так отвечала она: «Ты знаешь! Знаком же будет экстаз мой, осознание того, что бытие непрерывно, а тело моё вездесуще».

27. И жрец ответил и молвил Царице Пространства, целуя её прелестное чело, и роса её света омывала всё тело его благовонным нектаром пота: «О Нуит, непрерывная в Небе, да будет вовеки так: люди пусть говорят о тебе не как о Единой, а как о той, кого Нет; пусть и вовсе молчат о тебе, ибо ты непрерывна!»

28. Меня нет, вздохнул звёздный свет, бледный и дивный, и меня две.

29. Ибо я разделилась ради любви, дабы стал возможен союз.

30. Так устроен сей мир: боль разделения в нём — ничто, радость растворения — всё.

31. Ибо это глупцы среди людей, и ты не заботься вовсе об их печалях! Они их едва ощущают; что есть, то жалкие радости сводят на нет; но вы — избранные мои.

32. Повинуйся, пророк мой! пройди до конца испытанья познания моего! стремись лишь ко мне! И тогда радости любви моей избавят вас от всех страданий. Воистину так; я в этом клянусь сводом тела моего; священным сердцем и языком моим; всем, что могу даровать я, и всем, чего я желаю от всех вас.

33. И впал тогда жрец в глубокий экстаз забвения и сказал Царице Пространства: «Напиши для нас испытания, напиши для нас ритуалы, напиши для нас закон».

34. Но сказала она: «Испытаний я не напишу, ритуалы да будут наполовину известны, а наполовину сокрыты; Закон — для всех».

35. Вот это, что пишешь ты, — это есть книга Закона о трёх частях.

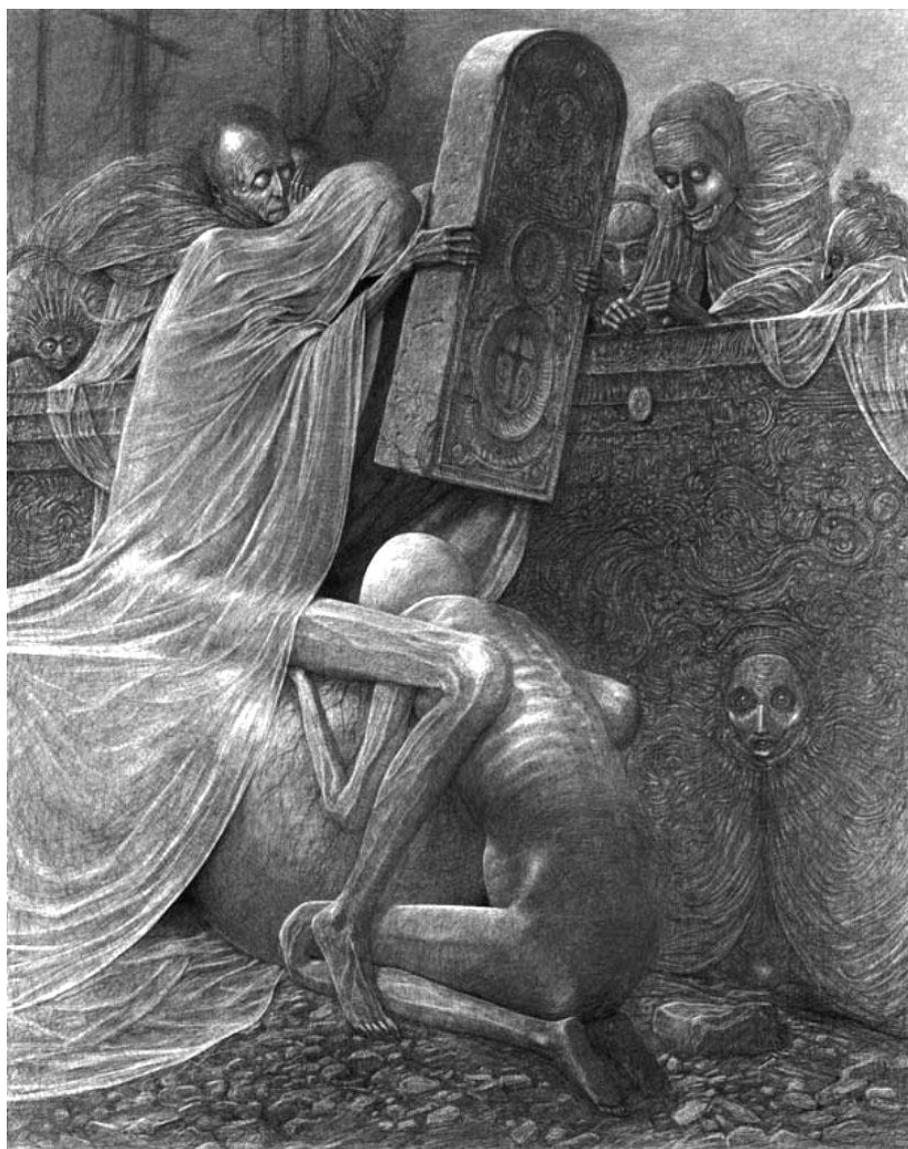
36. Писец мой, Анх-эф-на-Хонсу, жрец из царского рода, да не изменит книгу сию ни в единой букве; но, дабы не было глупости, пусть истолкует её по мудрости Ра-Хор-Хуита.

37. Также мантры и заклинанья; обеа и ванга; работа жезла и работа меча: этому пусть он учится и учит.

38. Он обязан учить; но в его власти — сделать испытания суровыми.

39. Слово Закона — $\theta\acute{\epsilon}\lambda\eta\mu\alpha$.

40. Кто назовёт нас Телемитами, не ошибётся, если изучит это слово внимательно. Ибо в нём — Три Степени: Отшельник, Влюблённый и Человек Земли. Твори свою волю: таков да будет весь Закон. Отшельник, Влюблённый и Человек Земли. Твори свою волю: таков да будет весь Закон.

41. Слово греха — Ограничение. О муж! не отвергни жены своей, если она желает! О любовник, если такова твоя воля, то уходи! Нет уз, способных соединить разделённое, кроме любви; всё остальное — проклятие. Проклятие! Проклятие ему на все зоны! Ад.

42. Да будет то состояние множественности, несвободное и отвратительное. Итак, обо всём, что твоё: нет у тебя иного права, кроме как творить волю твою.

43. Поступай так, и никто тебе не скажет «нет».

44. Ибо чистая воля, не укрощённая умыслом, свободная от вождения к результату, совершенна во всех отношениях.

45. Совершенство и Совершенство суть не два, а одно Совершенство; впрочем, нет, — ни одного!

46. Тайный ключ к этому закону — Ничто. Иудеи называют его шестьдесят один; я называю его восемь, восемьдесят, четыреста восемнадцать.

47. Но у них есть половина; соедини искусством своим так, чтобы всё исчезло.

48. Мой пророк — глупец со своими один, один и один; разве они — не Вол и ничто по Книге?

49. Упразднены все ритуалы, все испытания, все слова и знаки. Ра-Хор-Хуит взошёл на престол свой на Востоке в день Равноденствия Богов; и да пребудет Асар с Исой, ибо и они также суть одно. Но они — не от меня. Пусть Асар поклоняется; пусть Иса претерпевает; Хор же в тайном имени и великолепии своём есть Господь-посвяtitель.

50. Надлежит сказать о задаче Иерофанта. Смотри! есть три испытания в одном, и его можно устроить тремя способами. Грубые должны пройти через огонь; утончённые да будут испытаны в интеллекте, а величественные избранники — в высочайшем. Итак, у вас есть звезда и звезда, система и система; пусть ни одна не знает другую вполне!

51. Четверо врат ведут в единый дворец; полы во дворце том — из серебра и золота; в нём лазурит и яшма; и все редчайшие благовония; жасмин и роза; и символы смерти. Пусть войдёт он четырьмя вратами по очереди или сразу всеми; пусть ступит на полы дворца сего. Не провалится ли он? Амн. Эй, воин! а что, если провалится слуга твой? Но есть средства — и средства. А посему будьте прекрасны собою; облачайтесь в изысканные одежды; вкушайте обильные яства и пейте сладкие вина и вина пенные! Также досыта вкушайте любовь по воле своей, когда, где и с кем пожелаете! Но всё это — во имя моё.

52. Если же это не будет исполнено; если смешаете вы разделенья пространства, сказав: «Они едины» или «Их много»; если не будет всегда ритуал совершаться во имя моё, — готовьтесь к страшному приговору Ра Хор Хуита!

53. Так возродится мир, малый мир — сестра моя, сердце моё и язык мой, для которых я шлю поцелуй сей. И ты, о писец и пророк, хоть ты и из царского рода, это тебя не утешит и не освободит. Но для тебя — экстаз и радость земная: вовеки «Ко мне! Ко мне!»

54. Не изменяй ничего вплоть до начертания букв; ибо знай! ты, о пророк, не узришь все эти тайны, что здесь сокрыты.

55. Ребёнок чрева твоего — он узрит их.

56. Не жди его ни с Востока, ни с Запада; ибо не предвидишь дома, из которого придёт дитя сие. Аум! Все слова священны и все пророки истинны; не считая лишь того, что понимают они мало; разреши первую половину уравнения, вторую же оставь нетронутой. Но у тебя есть всё во свете ясном, иные же, хоть и не всё, — во тьме.

57. Взывай ко мне под звёздами моими! Любовь есть закон, любовь в согласии с волей. Глупцы да не поймут любовь превратно; ибо есть любовь и любовь. Есть голубь — и есть змей. Выбирай как следует! Он, пророк мой, сделал выбор, ведая закон крепости и великую тайну Дома Божьего. Все эти старые буквы в Книге моей верны, но ζ (Цади) — не Звезда. И это также тайна: мой пророк откроет её мудрым.

58. Я дарю немислимые радости на земле: уверенность — а не веру — при жизни в том, что будет по смерти; покой несказанный, отдохновение и блаженство; и я не требую взамен никаких жертв.

59. Благовоние моё — из смолистых деревьев и камедей; и крови в нём нет; ибо мои власы — деревья Вечности.

60. Число моё — 11, как и числа всех, кто от нас. Пятиконечная Звезда с Кругом в Сердцевине, и круг этот — Красный. Цвет мой для слепцов чёрен, но зрячие видят синеву и золото. А для тех, кто меня возлюбил, есть у меня тайное сияние.

61. Любить же меня — это лучше всего на свете; если ныне под звёздами ночи в пустыне зажжёшь ты куренья мои предо мной, призывая меня с чистым сердцем и с пламенем Змея в нём, то немного подступишь к тому, чтоб возлечь на лоне моём. Возжелаешь отдать ты всё за один поцелуй; но отдавший одну пылинку в тот час потеряет всё. Копите богатства; да будет у вас изобилие женщин и пряностей; драгоценные камни носите; в роскоши и дерзновенье превосходите все народы земли; но всё это — в любви ко мне: обретёте тогда мою радость. Со всем настоящим велю я тебе представлять предо мной, облачившись в одну лишь ризу и увенчав главу пышным убором. Я люблю тебя! Я тебя жажду! Бледная иль воспылавшая, сокрытая иль сладострастная, я, в коей всё наслажденье, и царственный пурпур, и опьяненье глубинных чувств, желаю тебя. Облекись крыльями и пробуди в себе величие, свитое кольцами: приди ко мне! Ко мне! Ко мне!

62. При каждом собрании нашем пусть восклицает жрица (и да пылают желанием очи её, когда нагой и ликующей встанет она в тайном храме моём): «Ко мне! Ко мне!» — разжигая пламя во всех сердцах любовным своим пенопением.

63. Пой для меня восхищённую песнь любви! Возжигай для меня благоволия! Носи для меня драгоценности! Пей во имя моё, ибо я люблю тебя! Я люблю тебя!

64. Я — лазурновекая дочь Заката; я — обнажённый блеск сладострастного неба ночи.

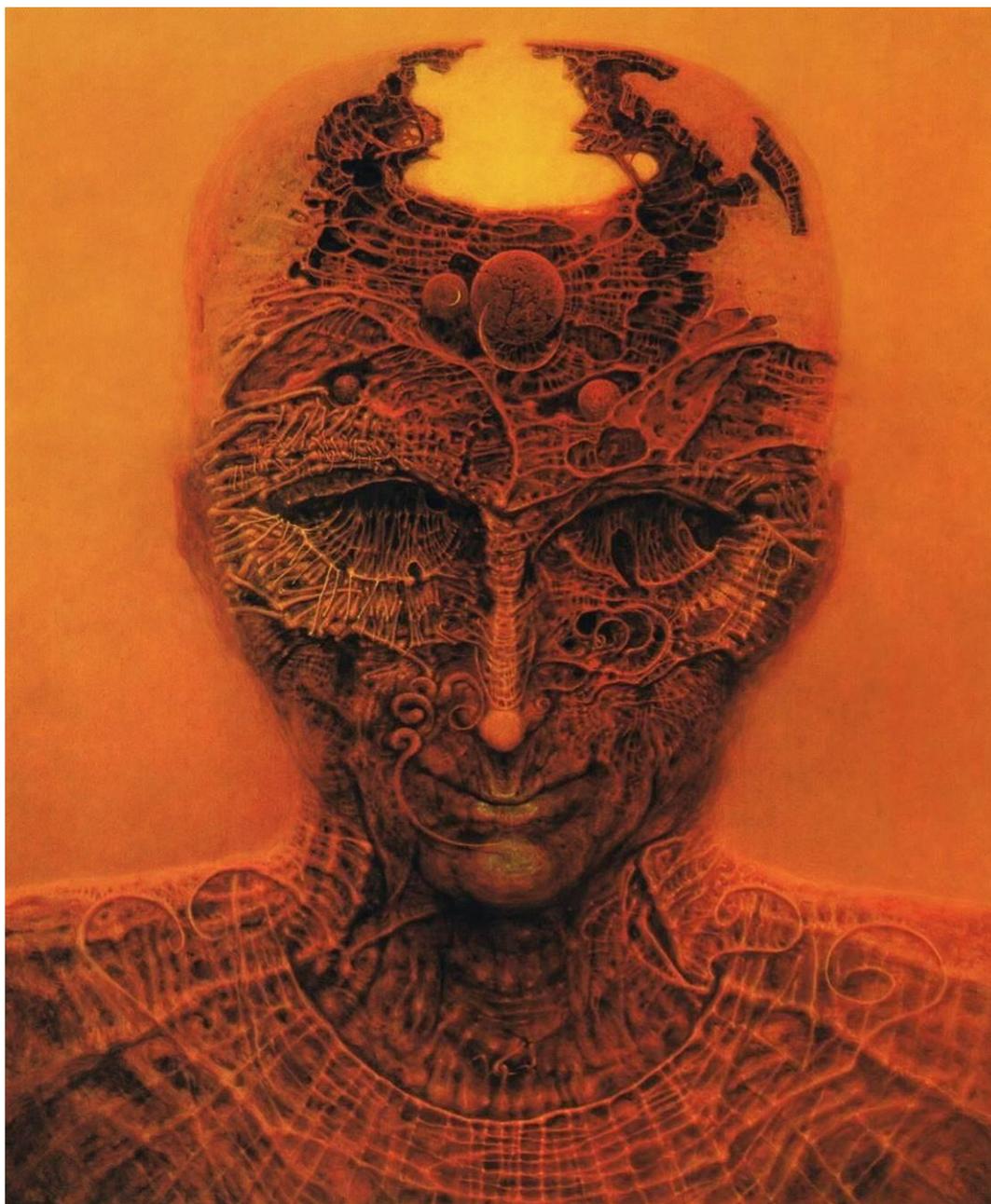
65. Ко мне! Ко мне!

66. Конец явления Нуит.

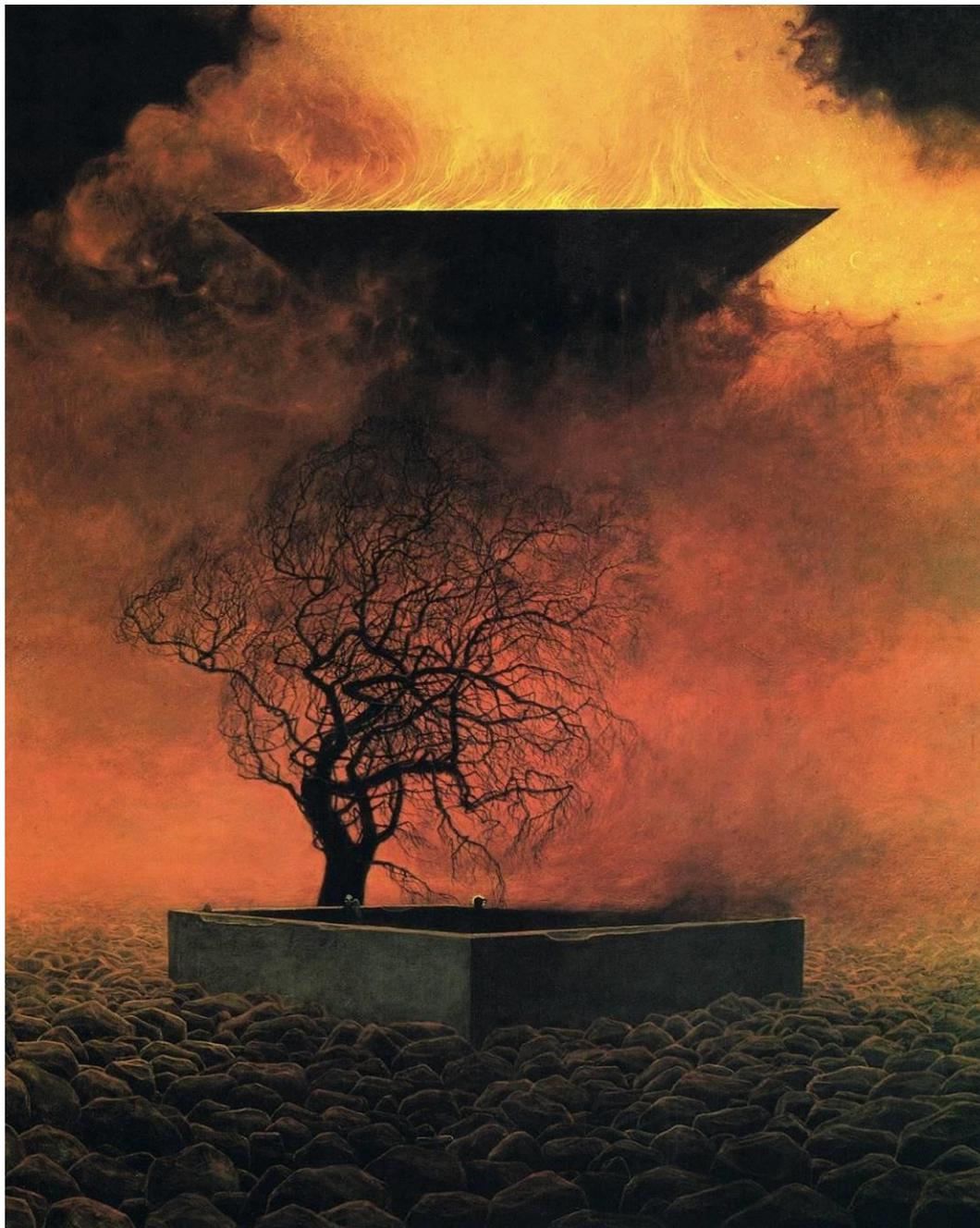
Глава II

1. Ну! сокрытие Хадита.
2. Придите, вы все! и узнайте тайну, что прежде не открывалась. Я, Хадит, есть дополнение Ну, невесты моей.
Я не протяжен, и Хабс — имя Дома моего.
3. В сфере я — центр, что пребывает всюду, она же окружность, которой нет нигде.
4. Но она будет познана, а я — никогда.

5. Се! ритуалы прежних времён черны. Да будут отринуты те из них, что исполнены зла; благие же да будут очищены пророком! Тогда это Знание пойдёт верным путём.

6. Я — пламя, горящее в сердце каждого человека и в ядре каждой звезды. Я — Жизнь и податель Жизнь, и потому познавший меня знает смерть.

7. Я — Маг и Заклинатель. Я — ось колеса и куб в круге. «Придите ко мне» — глупое слово; ибо это я — тот, кто идёт.

8. Кто поклонялся Херу-па-крату, тот поклонялся мне; так негоже, ибо это я — тот, кто поклоняется.

9. Помните все, что бытие есть чистая радость; что все скорби — лишь тени; они пройдут, и не станет их; но есть то, что остаётся.

10. О, пророк! слаба в тебе воля постигнуть сии письма.
11. Вижу, ты не ненавидишь руку свою и перо; но я сильнее.
12. Из-за меня в Тебе, которого ты не знал.
13. из-за чего? Из-за того, что ты был тем, кто знает, и мной.
14. Ныне же да будет сокрыто это святилище; ныне же свет да поглотит людей и пожрёт слепотой их!
15. Ибо я, как Ничто, совершенен; для глупцов число моё — девять; но у праведных я — восемь и единый в восьми; и Это важнее всего, ибо воистину нет меня. Императрица и Царь — не от меня; ибо есть тайна глубже.
16. Я — Императрица и Иерофант. Итого — одиннадцать, как и невеста моя — одиннадцать.

17. Внемли же мне, народ вздыхающий! Странья, боль и невеселие —
Для умерших и умирающих, Кто не познал меня доселе.

18. Эти люди — они мертвы; они ничего не чувствуют. Мы не для тех,
кто жалок и печален; мы — из рода владык земли.

19. Станет ли Бог жить во псе? Нет! но наивысшие — от нас. Будет радость им, нашим избранным; кто скорбит — не от нас.

20. Красота и сила, переливный смех и сладостная истома, мощь и пламя — от нас.

21. Нет нам дела до изгоев и непригодных: пусть умирают в нищете своей. Ибо они ничего не чувствуют. Состраданье — порок царей; попирай ничтожного и слабого: таков закон сильных; это наш закон и радость мира. Не думай, о царь, об этой лжи — что Должен Ты Умереть: воистину, ты не умрёшь, но будешь жить. Да будет отныне известно: если тело Царя распадётся, он пребудет в чистом экстазе вовек. Нуит! Хадит! Ра-Хор-Хуит! Солнце, Сила и Зоркость, Свет — они для служителей Звезды и Змея.

22. Я — Змей, что дарует Знание, Восторг и сиянье блаженства и распяляет хмелем сердца людей. Во имя моё вкушайте вино и диковинные зелья, о которых я скажу пророку моему, и опьяняйтесь ими! Не будет вам от них вреда. Глупость в ущерб себе — это ложь. Похвальба невинностью — ложь. Будь сильным, о человек! вожделей, наслаждайся всем, что волнует чувства и несёт упоенье; и не страшись, что за это какой-нибудь Бог отвергнет тебя.

23. Я один: там, где я, Бога нет.

24. Смотри! тайны сии глубоки, ибо есть и отшельники среди друзей моих. Но не помышляй найти их в лесу иль в горах; нет, на пурпурных ложах, под ласками царственных хищниц, великих статью, — в очах их огонь и свет, пламена их волос облаками объемлют тело, — вот где найдёшь их. Увидишь их у кормила власти, во главе победоносных воинств и во всякой радости; и будет радость в них самих безмерно более той. Смотрите, чтоб не пойти друг против друга силой, Царь на Царя! Пламенными сердцами любите друг друга; ничтожных же попирайте в свирепой страсти гордыни своей, в день вашего гнева.

25. Вы — против народа, о избранные мои!

26. Я — тайный Змей, что свился кольцами, изготовясь к броску; в кольцах моих — радость. Когда поднимаю я голову, я и моя Нуит — одно. Когда опускаю я голову и извергаю яд, земля приходит в экстаз, и я и земля — одно.

27. Великая опасность во мне; ибо тот, кто не поймёт этих стихов, совершит большую ошибку. Он падёт в яму, имя которой — «Потому что», и погибнет там среди псов Рассудка.

28. Будь же проклято «Потому что» со всею роднёю его!

29. Да будет «Потому что» проклято навеки!

30. Если Воля останавливается и восклицает: «Почему?» — призывая «Потому что», то Воля останавливается и не свершает ничего.

31. Если Власть вопрошает, почему, то Власть эта — слабость.

32. Также рассудок — ложь; ибо есть бесконечный и неизвестный фактор; и все их слова идут вкривь и вкось.

33. Хватит уже «Потому что!» Пусть катится к псам!

34. Вы же, о люди мои, восстаньте и пробудитесь!
35. Да исполняются ритуалы, как подобает, с радостью и красотой!
36. Есть ритуалы стихий и празднества времён года.
37. Празднество первой ночи Пророка и Невесты его!
38. Празднество трёх дней написания Книги Закона.
39. Празднество в честь Тахути и во имя ребёнка Пророка — тайна сие, о Пророк!
40. Празднество Высшего Ритуала и празднество Равноденствия Богов.
41. Празднество в честь огня и празднество в честь воды; празднество жизни и большее празднество смерти.
42. Празднество каждый день в ваших сердцах, упоенных моим восторгом!
43. Празднество каждую ночь ради Ну и блаженство наивысшего счастья!
44. Да! веселитесь! ликуйте! нет ужаса после смерти. Там растворенье и вечный экстаз в поцелуях Ну.
45. Смерть — это для псов.

46. Ты потерпел неудачу? Ты сожалешь? Страх — в сердце твоём?

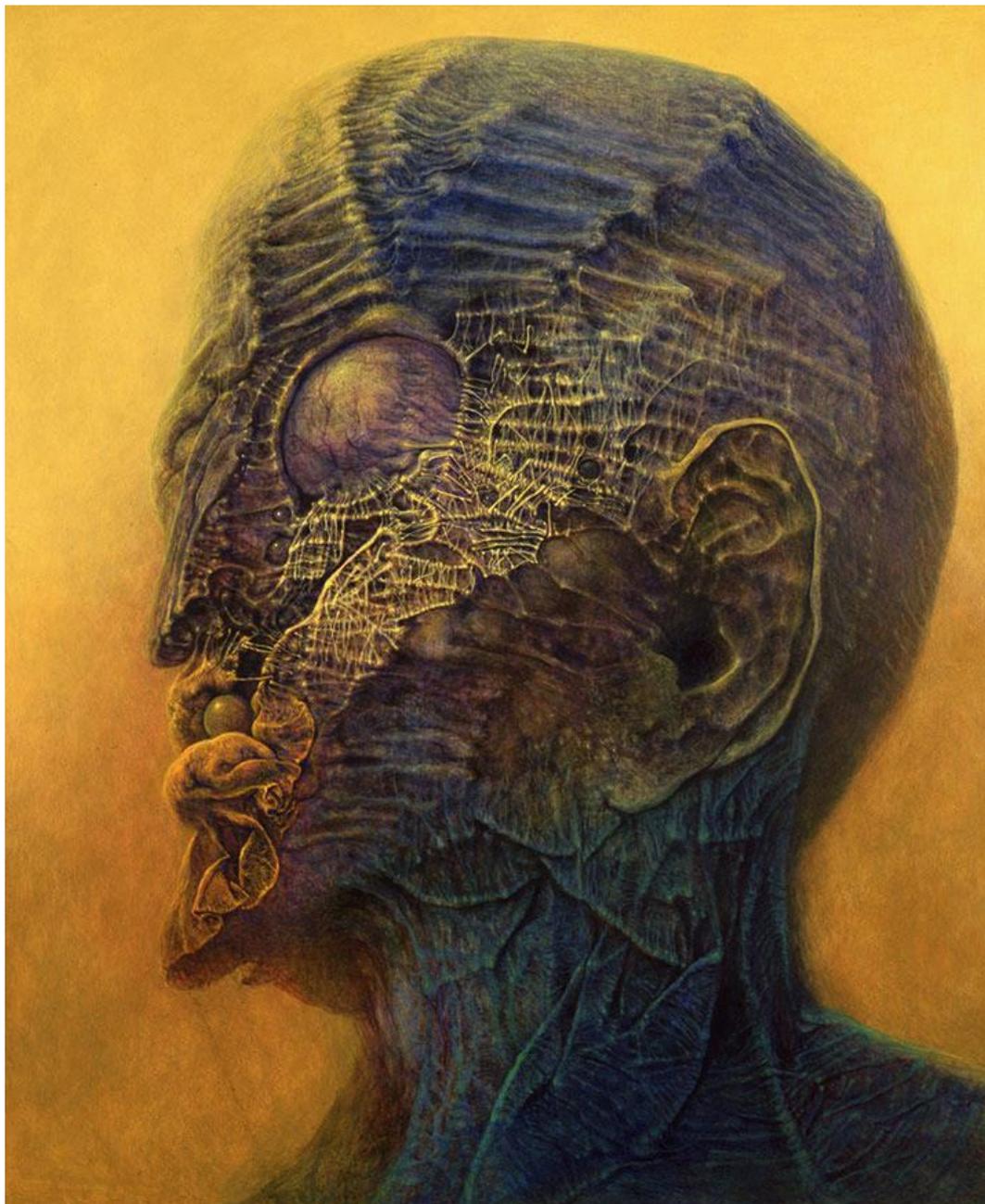
47. Там, где я, этого нет.

48. Не жалею падших. Я никогда их не знал. Я — не для них. Я не утешаю; и утешаемый, и утешитель мне ненавистны.

49. Я неповторим, и я — победитель. Я не из тех рабов, что погибают. Проклятие им и смерть! Амен. (Это из 4-х; есть и пятая, что незрима; в ней — я, как дитя в яйце.)

50. Синий с золотом я — в сиянье невесты моей; но огонь в очах моих красен, и блеск мой — пурпур и зелень.

51. Пурпур за гранью пурпура; сиянье превыше зренья.

52. Есть покров; этот покров чёрен. То покров благой жены; покров скорби и плащаница смерти; всё это — не от меня. Сорвите этот лживый призрак столетий; не покрывайте своих пороков словами добродетели; эти пороки — служение мне; будьте усердны, и я вас вознагражу в этой жизни и в жизни грядущей.

53. Не страшись, о пророк, теперь, когда сказаны эти слова: не придётся тебе сожалеть. Ты избранник мой несомненно; и благословенны те очи, в которые взглянешь ты с радостью. Но я сокрою тебя под маской скорби; те, кто увидят тебя, убоятся, что пал ты; но я возвышу тебя.

54. Те же, кто громко кричат в безумье своём, что ты ничего не значишь, не преуспеют; ты это сделаешь явным; ты преуспеешь; они — рабы «потому что». Они — не от меня. Знаки препинания — как пожелаешь; буквы? не изменяй ни начертания их, ни значенья!

55. Ты получишь порядок и значения букв Английского Алфавита; ты найдёшь новые символы, дабы соотнести их с ними.

56. Прочь, насмешники! даже если смеётесь вы в мою честь, недолго вам осталось смеяться; когда же вы опечалитесь — знайте, что я вас покинул.

57. Кто праведен, тот и пребудет праведным; кто нечист, тот и пребудет нечистым.

58. Да! не помышляйте о переменах: вы останетесь такими, какими вы есть, и другими не стать вам. Посему цари земные пребудут Царями вовеки; рабы же будут служить. Никто не будет повергнут, никто не будет возвышен: вовеки пребудет всё так, как было. Но есть сокрытые под масками слуги мои; может статься, тот нищий — Царь. Царь может выбрать себе облаченье, какое захочет; верных признаков нет; но нищий не может скрыть своей нищеты.

59. Будьте же бдительны! Любите всех, ибо вдруг среди них сокрыт Царь? Так говоришь ты? Глупец! Если он Царь, ты не сможешь ему повредить.

60. Так что бей жёстко и грубо — и пусть они катятся в ад, о господин!

61. Вот свет перед очами твоими, о пророк, свет нежеланный, свет желаннейший.

62. Я возвышен в сердце твоём, и поцелуи звёзд хлещут тело твоё, как ливень.

63. Опустошён ты сладострастной полнотою вдоха; выдох — слаще смерти, стремительней и радостнее ласки адского червя.

64. Ах! Ты побеждён; мы тебя покорили; наше блаженство владеет тобой безраздельно; славься! славься! пророк Ну! пророк Хад! пророк Ра-Хор-Ху! Возрадуйся ныне! Ныне войди в наше сиянье и упоенье! Войди в наш страстный покой и пиши сладостные слова для Царей!

65. Я — Господин; ты же — Святой Избранник.

66. Пиши и обретай экстаз в письме! Работай, и в работе будь нам ложем! Трепещи восторгом жизни и смерти! Ах! твоя смерть будет прекрасна; всякий, кто узрит её, будет доволен. Твоя смерть скрепит, как печатью, обет нашей вечной любви. Приди! Возвысь своё сердце и возликуй! Мы едины; нас нет.

67. Держись! Держись! Стойко сноси свой восторг; да не ввергнут тебя в забытьё эти дивные поцелуи!

68. Крепче! Стой, не склоняясь! Выше голову! не дыши так глубоко — умри!

69. Ах! Ах! Что я чувствую? Слово себя исчерпало?

70. Есть помощь и надежда в других заклинаньях. Мудрость говорит: будь сильным! Тогда ты сможешь выдержать больше радости. Не будь животным: облагораживай свой восторг. Если пьёшь ты, то пей по восьми и девяноста правилам искусства; если ты любишь, то будь превыше всего изощрён; если ты веселишься, да будет в том утончённость!

71. Превосходи же! превосходи!

72. Всегда стремись к большему! и если ты истинно мой (а в этом не сомневайся), и если ты радостен вечно, то смерть увенчает всё.

73. Ах! Ах! Смерть! Смерть! ты будешь жаждать смерти. Смерть запретна, о человек, для тебя.

74. Долгота твоей жажды станет мощью её величия. Долго живущий и страстно жаждущий смерти — вовеки Царь меж Царей.

75. Да! слушай слова и числа.

76. 4 6 3 8 A B K 2 4 A L G M O R 3 Y X 24 89 R P S T O V A L. Что значит сие, о пророк? Ты не знаешь и никогда не узнаешь. Идёт один вслед за тобой; он истолкует это. Но не забывай, о избранник, быть мною; идти за любовью Ну в озарённом звёздами небе; и призирать на людей и возвещать им это счастливое слово.

77. О, будь же горд и силён между людьми!

78. Воспрянь! ибо нет такого, как ты, ни меж людьми, ни меж Богами! Воспрянь, о пророк мой! превыше звёзд вознесётся твой стан. Будут славить имя твоё, четверичное, тайное, чудесное, число человеческое, и имя дома твоего 418.

79. Конец сокрытия Хадита; и благословенье и слава пророку прекрасной Звезды!

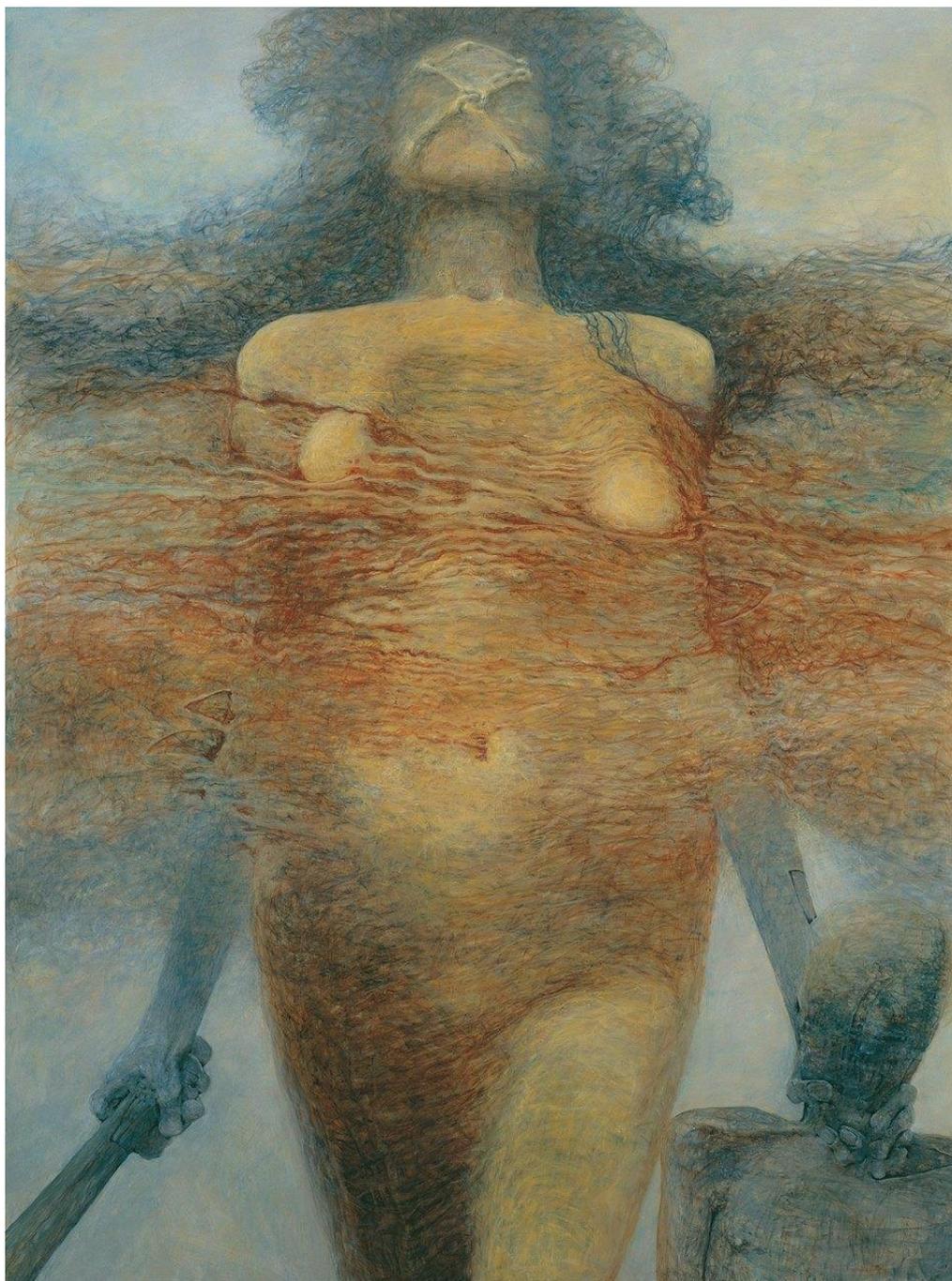
Глава III

1. Abrahadabra: награда Ра Хор Хута.
2. Есть разделение, ведущее сюда, домой; есть слово неизвестное. Произношение не действует; всё — не ничто. Берегись! Держись! Вознеси заклинание Ра-Хор-Хуита!
3. Итак, прежде всего да будет известно, что я — бог Войны и Возмездия. Я буду с ними суров.
4. Выберите себе остров!
5. Укрепите его!
6. Унавозьте его вокруг военными машинами!
7. Я дам вам оружие войны.
8. С ним вы сокрушите народы, и никто не устоит перед вами.
9. Затайтесь! Отступите! Нападайте! — таков закон Завоевательной Битвы; таково будет поклонение мне при тайном доме моём.

10. Возьми саму стелу откровения; установи её в тайном храме твоём (а храм этот уже расположен правильно), и да будет она твоей Киблой навеки. Она не поблекнет, но чудесный цвет будет к ней возвращаться день от дня. Держи её запертой под стеклом в доказательство миру.

11. Она будет единственным твоим доказательством. Я запрещаю споры. Завоёвывай! Этого достаточно. Я помогу тебе изъять её из дурно устроенного дома в Победоносном Городе. Ты сам перевезёшь её с почётом, о пророк, хоть тебе это и не по нраву. Тебя ждут опасности и труды. Ра-Хор-Ху с тобой. Поклоняйся мне огнём и кровью; поклоняйся мне мечами и копьями. Да будет женщина препоясана мечом предо мной; да льётся кровь во имя моё. Попирай Варваров; бей их, о воин! я дам тебе есть плоть их.

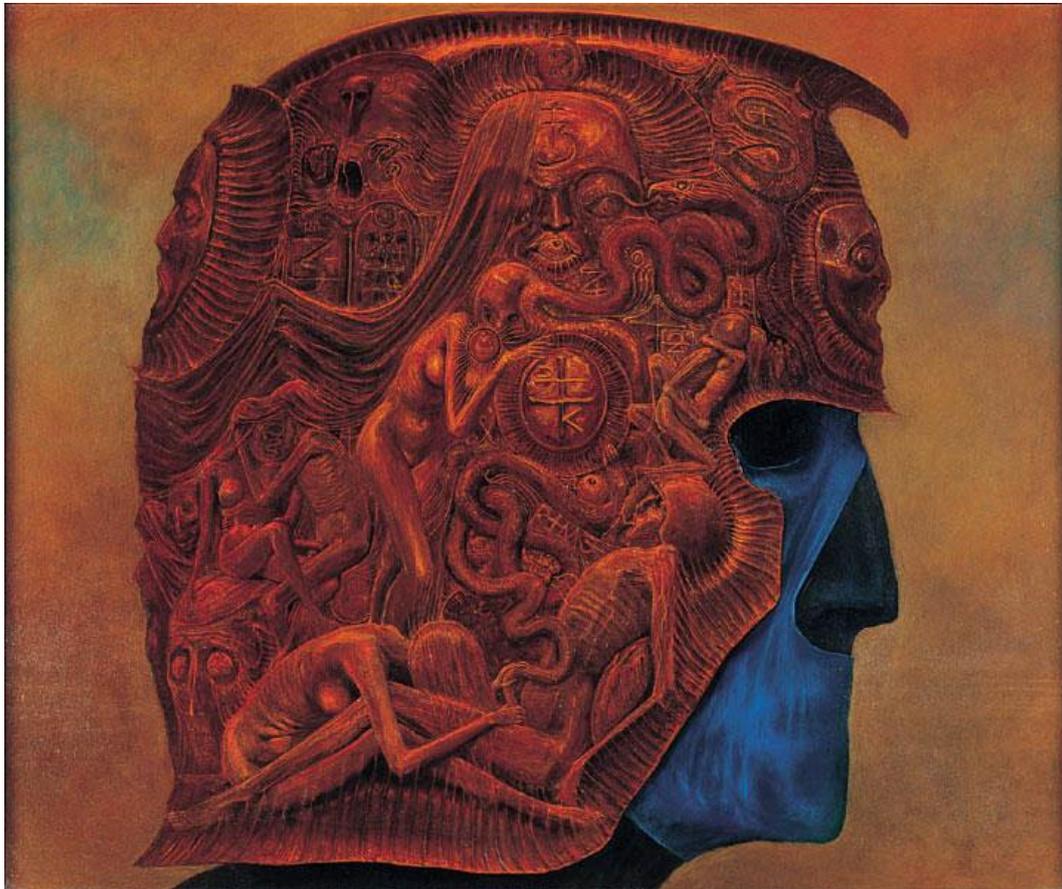

12. Приноси в жертву скот, мелкий и крупный; после ребёнка.
13. Но не сейчас.
14. Вы узрите тот час, о благословенный Зверь и ты, Багряная Наложница, ему желанная!
15. И оттого узнаете печаль.
16. Не стремитесь так жадно ухватить обещанья; не бойтесь принять проклятья. Вам — даже вам — не известно, что всё это значит.

17. Ничего не бойтесь: ни людей, ни Судеб, ни богов, ни чего иного. Не бойтесь ни денег, ни смеха глупости людской, ни иной какой-либо силы небесной, подземной или земной. Ну — прибежище ваше, как Хадит — ваш свет; я же — сила, крепость и мощь оружия вашего.

18. Долой милосердие; да будут прокляты те, кто питает жалость! Убивай и терзай; не щади; иди в бой!

19. Эту стелу назовут Мерзостью Запустения; сочти как следует имя её, и будет оно для тебя как 718.

20. Почему? Потому что «Потому что» пало, и более нет его здесь.

21. Поставь образ мой на востоке; ты купишь образ, на который я укажу тебе, подобный тому, который тебе уже известен. И неожиданно легко тебе будет исполнить это.

22. Другие образы собери вокруг меня, для опоры мне; пусть им всем поклоняются, ибо им надлежит собраться, дабы возвысить меня. Я — зримый предмет поклонения, прочие же сокрыты, ибо они — для Зверя и Невесты его и для прошедших Испытание X. Что это? Ты узнаешь.

23. Для благовония смешай муку и мёд с густым осадком красного вина; затем добавь масло Абрамелина и оливковое масло, а после разбавь обильной свежей кровью и сделай однородную смесь.

24. Наилучшая кровь — кровь луны, ежемесячная; на втором месте — свежая кровь ребёнка, или роса воинств небесных; затем — кровь врагов; затем — кровь священнослужителя или прихожан; и на последнем месте — кровь любого животного, неважно какого.

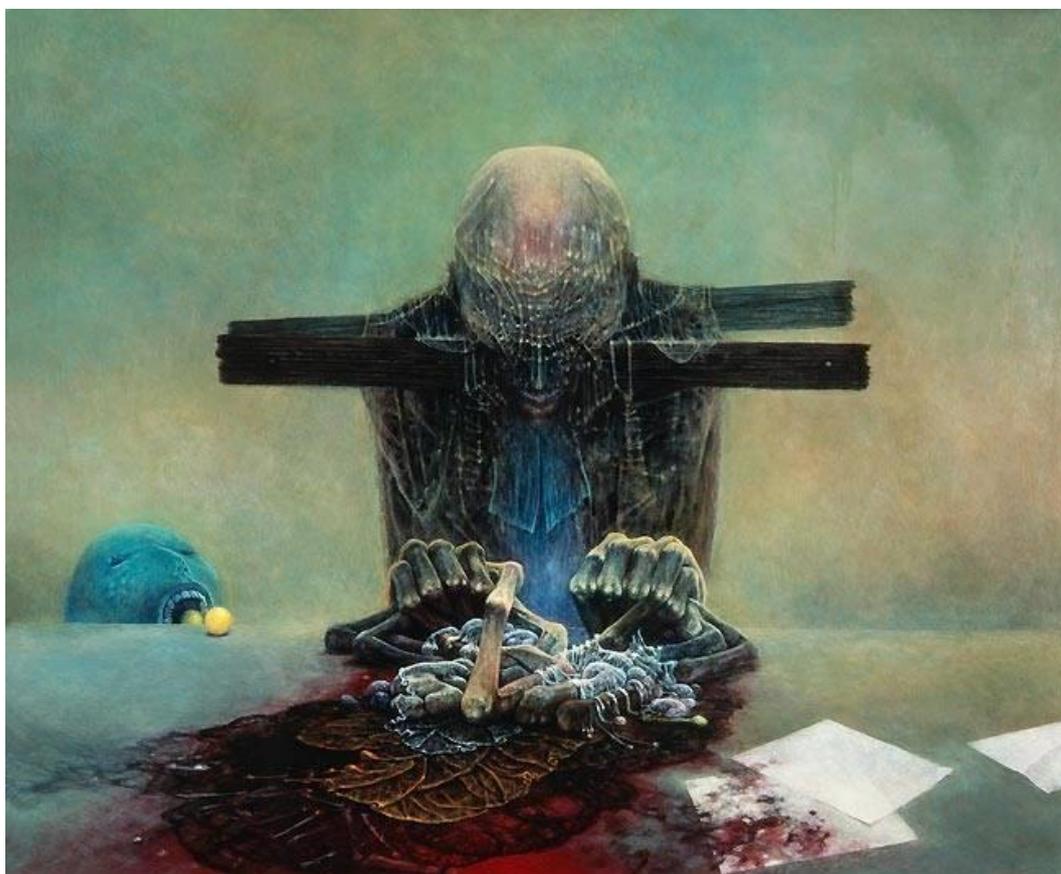
25. Эту смесь возжигай; пеки из неё хлеба и ешь во славу мою. Есть у неё и другое предназначенье: возложи её передо мной и напитай благоуханьем молитвы твоей; оно наполнится жуками и ползучими тварями, посвящёнными мне.

26. Убей их, называя врагов своих по именам, и те падут пред тобою.

27. Также они взрастят в тебе вождельенье и мощь вождельенье, если ты будешь их есть.

28. Также будешь силён на войне.

29. Сверх того, чем дольше хранить их, тем лучше: ибо они насыщаются силой моею. Всё предо мной.

30. Мой алтарь — из бронзы ажурной работы; возжигай на нём на серебре или злате!

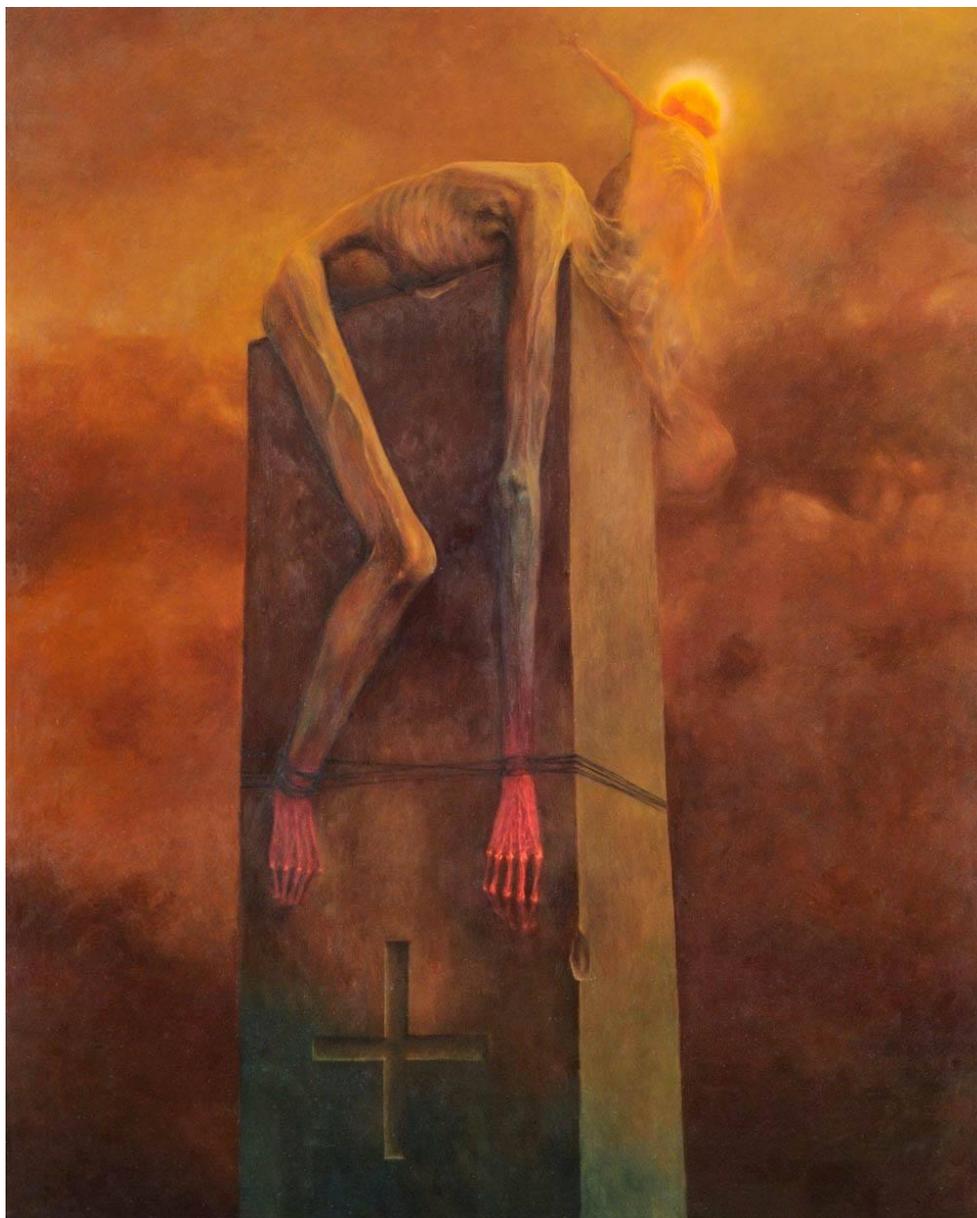
31. Идёт богатый человек с Запада, который осыплет тебя своим золотом!

32. Из золота выкуй сталь!

33. Готовься бежать или разить!

34. Но святилище твоё пребудет в веках нетронутым; огонь и меч испепелят и сокрушат его, но незримая обитель стоит на том месте и простоит до заката Великого Равноденствия, когда восстанет Хрумахис и двулезный займёт мой престол и место. Иной восстанет пророк и добудет с небес свежий жар; иная жена пробудит вождельенье и поклоненье Змею; иная душа Бога и зверя смешаются вместе в жреце, увенчанном шаром; кровь жертвы иной запятнает гробницу; иной государь воцарится; и больше не будет литься благословенье для тайного Сокологлавого Владыки.

35. Половина слова «Херу-ра-ха», именуемого «Хор-па-крат» и «Ра-Хор-Хут».

36. Тогда сказал пророк Богу:

37. Я поклоняюсь тебе в этом песнопенье: Владыка Фив, хранитель слова, Монту глашатай вдохновенный, Я вижу небо без покрова; Своей рукою убиенный, Я, правогласный Анх-эф-на-Хонсу, Тебе, о Ра-Хор-Хут, хвалу несу! О, вышнее единство въяве! Пред мощью духа твоего Склоняюсь я! В верховной славе Сияющее божество! Пред грозной силою твоею Трепещут боги; смерть, робея, Сама бежит перед тобой; Я, я склоняюсь пред тобой! Явись на престоле Ра! Отвори пути Ху! Озари пути Ка! Пути Хабс идут сквозь меня, Пробуждая меня, усмиряя меня. Аум! Пусть он наполнит меня!

38. Так что свет твой — во мне; и красное пламя его — как меч в руке моей, дабы насаждать твой порядок. Есть тайная дверь, которую я сотворю, чтобы проложить тебе путь во все стороны света (это поклонения, описанные тобой), как сказано: Свет — мой; в лучах его горя, Я сотворил сокрытый ход В обитель Атума и Ра В обитель Хепри и Хатхор. Я — твой фиванец, о Монту, Пророк я — Анх-эф-на-Хонсу! И ныне властью Бэса-н-Мут Себя я ударяю в грудь; И ныне мудростью Та-Нех Сплетаю заклинанья нить; Яви свой звёздный блеск, о Нут! Прими меня в свой Дом навек, Крылатый света змей, Хадит! Пребудь со мною, Ра-Хор-Хут!

39. Всё это, и книга о том, как ты пришёл сюда, и копия этих чернил и бумаги навечно (ибо в ней — слово тайное, и не только по-английски), и твоё толкованье на эту Книгу Закона да будут отпечатаны красиво, красной краской и чёрной, на красивой бумаге ручной работы; и каждому мужчине и женщине, которых ты встретишь, пусть даже лишь для того, чтобы вкусить с ними пищу или питье, надлежит вручать сей Закон. Тогда будет у них возможность пребыть в этом блаженстве — или же нет; неважно. Исполни это быстро!

40. А труд толкованья? Это легко; и Хадит, горящий в сердце твоём, дарует перу твоему проворство и верность.

41. Учреди канцелярию при Каабе твоей; всё надлежит исполнить достойно и по-деловому.

42. За испытаниями будешь надзирать ты сам, кроме тех, что проходят вслепую. Не отвергай никого, но распознавай и сокрушай предателей. Я — Ра-Хор-Хуит, и во власти моей — защитить слугу моего. Успех — вот твоё доказательство: не спорь; не обращай в свою веру; не говори слишком много! Тех, кто будет пытаться загнать тебя в западню и повергнуть, бей без жалости и снисхожденья; уничтожай их до смерти. Проворно, как поспраный змей, обернись и срази! Будь ещё смертоносней, чем он! Ввергни их души в ужасную муку; смейся над страхами их; плюй на них!

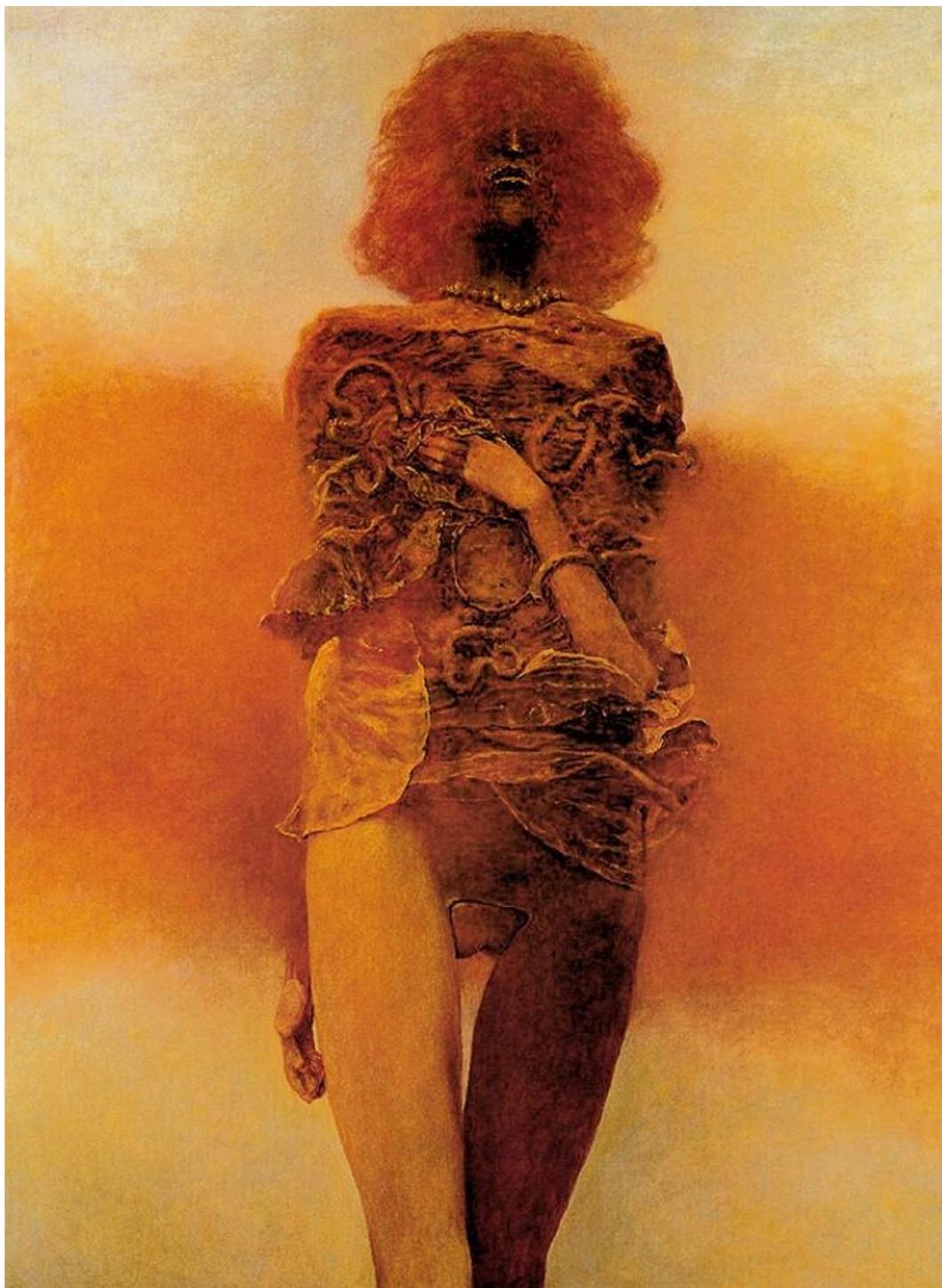

43. Да остережётся Багряная Жена! Если жалость, сострадание и слабость посетят её сердце; если оставит она работу мою для забавы былыми усладами, — она узнает возмездие моё. Я погублю её дитя рукою своею; я ожесточу её сердце; я извергну её из среды людей; как съёжившаяся и презренная блудница поползёт она по улицам сквозь сумрак и дождь и умрёт в холоде и голоде.

44. Так пусть же восстанет она горделиво! Пусть идёт за мною моим путём! Пусть вершит деянья порока! Пусть убьёт своё сердце! Пусть будет распутной и дерзкой! Пусть облечётся драгоценностями и роскошными одежнями и пусть не знает стыда ни пред кем из людей!

45. Тогда вознесу я её на вершины власти; тогда произведу от неё дитя, что будет сильнее всех земных царей. Я наполню её радостью; моею силой будет видеть она и разить в служении Ну; она достигнет Хадита.

46. Я — воин-Владыка Сороковых; Восьмидесятые склоняются предо мною в страхе и посрамленье. Я приведу вас к победе и ликованию; я пребуду при вашем оружии в битве, и убийство будет вам в радость. Успех — оправдание ваше; отвага — ваши доспехи; вперёд, вперёд, в силе моей! и ничто не заставит вас повернуть обратно!

47. Да будет эта книга переведена на все языки, но всегда вместе с подлинником, записанным рукою Зверя; ибо в случайности очертаний букв и расположения их друг относительно друга — во всём этом есть тайны, которые не разгадать никакому Зверю. Пусть он и не пытается; но после него придёт один, я не скажу когда, который откроет ко всему этому Ключ. Тогда и эта прочерченная линия станет ключом; тогда и этот круг, разбитый на квадраты, при всей бесполезности своей тоже станет ключом. И Abrahadabra. То будет его ребёнок — и необычным образом. Пусть он не ищет этого; ибо одним лишь этим он может отпасть от сего.

48. Итак, с тайною букв покончено, и я хочу перейти к более священному месту.

49. Я — в тайном четверичном слове, которое есть хула на всех богов человеческих.

50. Прокляни их! Прокляни их! Прокляни их!

51. Соколиным клювом моим я вонзаюсь в глаза Иисуса, висящего на кресте.

52. Крыльями моими я бью в лицо Мухаммеду и ослепляю его.

53. Когтями моими я разрываю плоть Индийца и Буддиста, Монгола и Дина.

54. Bahlasti! Ompehda! Я плюю на ваши похмельные символы веры.

55. Да будет Мария непорочная разорвана на колёсах; во имя её все целомудренные женщины да будут презираемы среди вас!

56. А также во имя красоты и любви!

57. Презирайте также всех трусов; наёмников, что смеют лишь играть, но не сражаться; всех глупцов презирайте!

58. Но ревностные и гордые, царственные и благородные, вы — братья!

59. Сражайтесь как братья!

60. Нет закона, кроме «Твори свою волю».

61. Конец слова Бога, восседающего на троне Ра, ослабляющего скрепы души.

62. Почитайте Меня! идите ко мне через тяготы испытанья, которые суть блаженство.

63. Глупец прочтёт эту Книгу Закона и толкование к ней; и не поймёт её.

64. Пусть он пройдёт первое испытанье, и будет оно для него, как серебро.

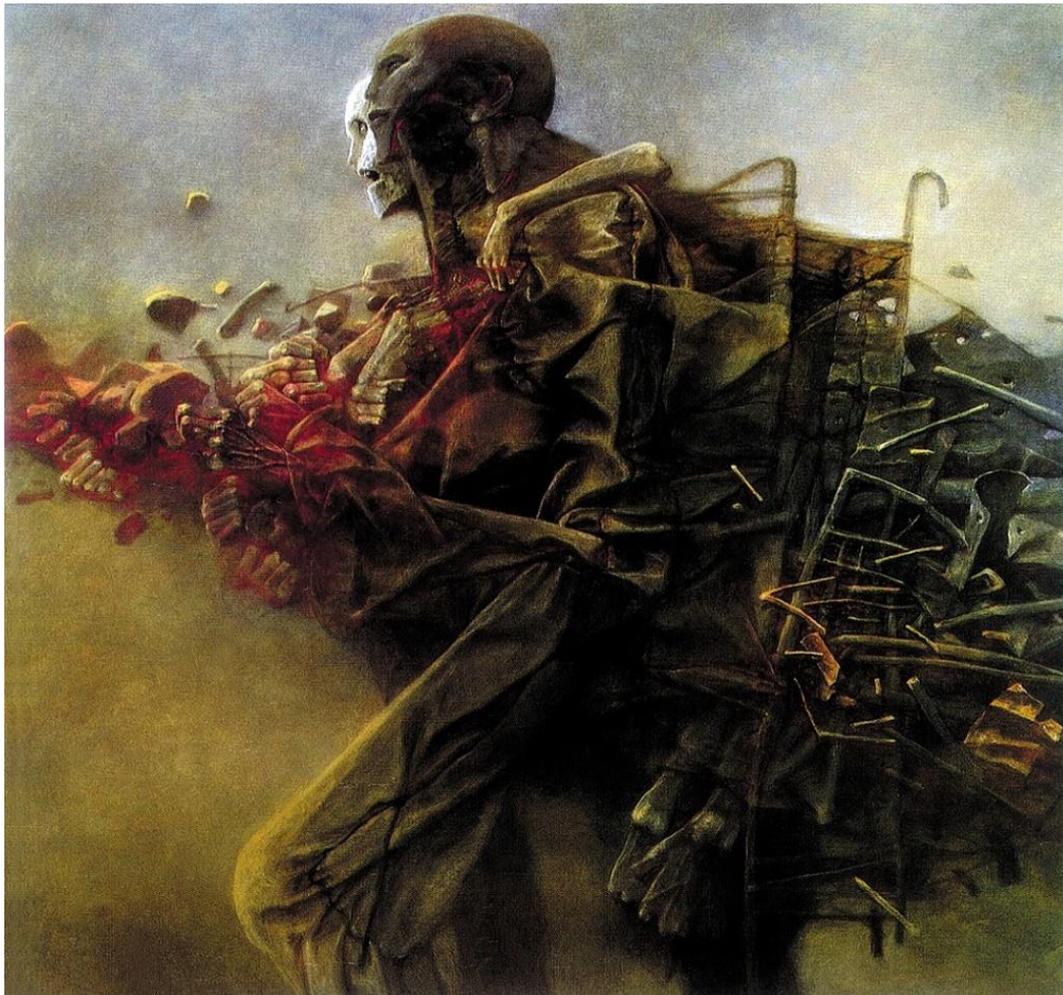
65. Второе — золото.

66. Третье — драгоценные камни чистой воды.

67. Четвёртое — изначальные искры сокровенного огня.

68. Но всем это покажется прекрасным. Враги его, говорящие, что это не так, — просто лжецы.

69. Вот успех.

70. Я — Сокологлавый Владыка Молчанья и Силы; немес мой покрывает синее небо ночи.

71. Привет вам, о воины-близнецы у столпов мирозданья! Срок ваш близок.

72. Я — Владыка Двойного Жезла Власти, жезла Силы Soph Nia, — но левая рука моя пуста, ибо я сокрушил Вселенную; и осталось ничто.

73. Склейте эти листы справа налево и сверху вниз; а затем смотри!
74. Есть в имени моём сокрытое и славное величье, ибо солнце полуночи
— сын во веки веков.
75. Окончание этих слов — Слово Abrahadabra.
Книга Закона Записана и Сокрыта.
Аум. Ха

На пути мудрости, возможно, нет опасности более смертельной, нет яда более губительного, нет соблазна более тонкого, чем духовная гордыня; будучи солнечной, она действует в самом сердце, кроме того, она раздувает и обостряет эго, поэтому её жертва подвергается опасности попасть в Чёрную ложу и остаться там навсегда.

Эту опасность могут отворотить два несомненных противоядия:

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЧУВСТВО ЮМОРА.

Когда ты лежишь истощённым после достижения Вишварупадаршана, ни в коем случае нельзя думать, что «теперь я стал самым святым человеком на свете, конечно, за исключением Джона М. Уоткинса». Лучше вспомнить слова крайне скептического судьи в «Священном тупике» А.П. Герберта, он сделал из них мантру:

«Говорю вам —
говорю вам —
говорю вам —
остудите свою голову».

Алистер Кроули,
«Магия без слёз», глава 44

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (<http://vk.com/obezjanki>), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Адрес редакции: 236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11.

Электронные версии журнала:

<http://apokrif93.com>, <http://vk.com/apokrif93>